

ЗА МИНЕРАЛАМИ ПО ЮГУ СССР

ГЛАВА I

После удачной поездки на Урал во время зимних каникул, у нас родилась идея пополнить наш институтский минералогический музей красивыми друзовыми образцами из действующих месторождений СССР. По опыту мы знали, что есть две большие разницы, в каком статусе ты посещаешь действующий рудник. Одно дело ты приехал, как любитель (пусть даже студент - геолог). Другое дело, если ты приехал как официальное лицо, выполняющее ответственное задание по сбору образцов для музея. Официальное лицо должно отчитаться о проделанной работе, показать её результат. То есть, привести образцы минералов, которые можно было бы поставить в музейную витрину. Но найти и добыть такие образцы очень не просто. В этом сложном деле необходима помощь местных геологов. Они работают на этом месторождении, знают, где (в какой шахте, штольне и карьере) можно отыскать красивый друзовый материал. Помогут добыть его, дадут транспорт для отправки образцов в Москву.

Чтобы совершить официальную поездку на действующий рудник, надо получить туда командировку от институтского научно-исследовательского сектора (НИС), добиться разрешения на посещение данных месторождений, оформить кучу бумаг, заготовить сопроводительные письма за подписью руководства института, заверить их в Министерстве Геологии СССР. Кроме этого, необходимо подробно ознакомиться с геологией каждого из исследуемых месторождений (чтобы не выглядеть профаном при общении с местными геологами). Все эти подготовительные работы требуют огромных хлопот и много времени. Рядовому студенту второго курса устроиться на работу в НИС на время летних каникул просто невозможно. Но мы были не рядовые, а активные студенты. Мы были руководителями школьных геологических кружков, писали научные статьи, которые иногда печатались в журнале «Геологический вестник». Наши статьи проходили лицензирование руководителями НИС. Поэтому нас там знали и могли помочь в наших организационных хлопотах.

Активных организаторов поездки по месторождениям СССР было 9 человек. Трое студентов МГРИ (в том числе я) и шестеро студентов Геологического факультета МГУ (мои школьные друзья). Планировалось совершить три маршрута тремя независимыми друг от друга группами. Один маршрут по месторождениям Урала, второй по Кольскому полуострову и третий (самый длинный) по югу СССР. Эти экспедиции предполагалось осуществить под руководством НИС и все расходы на них провести за счёт научно-исследовательских секторов МГРИ и МГУ.

Выбить деньги на эти студенческие поездки, даже по тем временам, задача чрезвычайно трудная. Тем более на поездку по югу СССР через всю страну. Сами работники НИС, имеющие плановое финансирование из бюджета Министерства Геологии, каждый год с трудом получают деньги на свои летние

полевые работы. А тут мы, студенты, тоже хотим претендовать на бюджет. Но нет преград для отчаянных. Наша поездка на Урал принесла нам расположение работников минералогических музеев МГРИ и МГУ. Их коллекции пополнились великолепными друзьями голубых топазов, морионов и полевых шпатов, привезённых нами из копей Ахматовской и Мурзинки. Эти прозрачные голубые кристаллы топазов размером до 2 сантиметров сами по себе имели большую минералогическую ценность. А в друзьях совместно с морионом, альбитом и лепидолитом – эта ценность увеличивалась до уникальности. Получить в дар такие экспонаты мечтает каждый минералогический музей. А если мы смогли привести в музей такие образцы, то велика вероятность, что из будущей поездки тоже привезём уникальные образцы. Тогда минералогические музеи только так и пополняли свои экспонаты. Обмен между музеями осуществлялся редко. Ну а о покупке минералов за рубежом в те времена никто даже помыслить не мог.

Итак, в феврале 1968 года мы приступили к составлению планов маршрутов, расчётов затрат и описанию минералогических особенностей исследуемых нами месторождений. Всё это мы изложили в нашей научной записке. Особо выделив то, что мы намеревались привести из этих поездок в музеи МГУ и МГРИ.

С этими записками мы знакомили руководителей НИС МГУ и МГРИ. Получили положительные письменные оценки. За нас стали ходатайствовать перед деканатом и ректоратом. Заведующий научно-исследовательским сектором МГРИ Дмитрий Николаевич Баштаков сам вызвался помочь нам в организации оформления разрешительной документации. Параллельно в МГУ тоже велись переговоры с заведующим кафедрой геологии и геохимии Академиком Владимиром Ивановичем Смирновым и другими влиятельными фигурами в геологии.

Наконец, устное разрешение на нашу поездку от больших начальников было получено, и мы приступили к детализации наших планов. Сама поездка намечалась на август - сентябрь 1968 года. После окончания крымской геологической практики. Студенческая практика должна была проходить в Крыму на полигоне МГРИ и МГУ в селе Прохладном после весенней сессии. Но у деканов наших факультетов было неременное требование к участникам экспедиции: успешно сдать сессию. Слово «успешно» было подчёркнуто в разрешительном письме заведующему научно-исследовательским сектором. В НИС мы устраивались на работу на время экспедиции по месторождениям. Но «успешно» можно трактовать двояко. Без хвостов или на четыре и пять. И эта неопределённость нас радовала. Особенно меня. Теоретическую механику и сопромат я знал на твёрдую тройку и шансы получить четвёрку по этим предметам, были у меня невелики.

Второй семестр пролетел очень быстро. Каждодневная учёба в институте, работа в библиотеках и архивах, занятие геологией со школьниками, учебные поездки с ними по Подмоскovie на известковые карьеры – всё шло своим чередом. Время летело стрелой. Настало время сдавать зачёты и экзамены. И

когда все страхи экзаменационной сессии были позади, мы спешно стали заготавливать сопроводительные письма в Геологические Управления, директорам ГОК (Горно-обогатительных комбинатов) и начальникам ГРП (Геологоразведочных партий). Именные письма печатались на институтском и университетском бланке за подписью деканов: В.Н.Павлинова (МГРИ) и В.И.Смирнова (МГУ). Отдельные письма были от ректора МГУ Ивана Георгиевича Петровского. По тем временам наши бумаги были очень серьёзные и внушительные.

По самому длинному маршруту по югу СССР собирались ехать Мишка Назаров, Андрей Екимов и я. Мы с самого детства знали друг друга и были, как говорится: не разлей вода.



Фото № 1 Я на геологической практике в Крыму. Июль 1968 года.

Наступило время геологической практики. Тогда студенты второго курса Геологического факультета МГУ и Геологоразведочного факультета МГРИ проходили учебную практику в Крыму под Бахчисараем возле села Прохладное. Там размещались так называемые полигоны для занятий студентов. Студенты МГРИ (где я учился) жили в палаточном городке. Обстановка жизни была приближена к экспедиционной. Студенты МГУ жили в более комфортабельных условиях: в финских домиках с туалетом и душем. Оба полигона располагались рядом. Занятия со студентами проводили наши институтские преподаватели. Лекций очень было мало. Но зато с утра до вечера нас водили в геологические маршруты. Учили, как описывать обнажения, как «отбивать» геологические границы различных геологических свит, наносить их на карту, вычерчивать разрезы, отбирать образцы, вести рабочие дневники, как делать зарисовки. Учили упорно, последовательно и

очень умело. Вся эта наука скоро пригодится нам на производственной практике после окончания третьего курса, да и в дальнейшей геологической жизни.

Наша практика подходила к концу. И тут выясняется, что наш экспедиционный маршрутный график меняется. Миша Назаров вообще не может поехать в нашу экспедицию по семейным обстоятельствам. А ведь он был основным организатором всей этой затеи. Он детально разрабатывал маршрут всей экспедиции. И теперь вместо него в нашу группу попал Володя Горбунов – сокурсник Миши Назарова. Замена, скажем, не равнозначная.

Но список исследуемых объектов остался прежним. Мы должны были побывать на 12 месторождениях. Из них на 8 действующих рудниках. Маршрут начинался из города Тбилиси, где жил наш сокурсник Володя Ярошевич. Он не собирался с нами в экспедицию, но захотел посетить одно месторождение Архыз, которое находилось недалеко от его родного города. Из Архыза наша группа должна была переехать в Баку. На пароме пересечь Каспийское море и из Баку попасть в Красноводск. Далее наш маршрут проходил по следующим населённым пунктам: Ашхабад, Дарваза, Нукус, Султановый Уездаг, Ургенч, Бухара, Лянгар, Самарканд, Коканд, Джамбул. Далее: Караганда, Агадырь, Акча-Тау. Затем мы отправлялись в Восточную Сибирь, минуя месторождения Восточного Казахстана. Из Иркутска мы должны были отправиться на Слюдянские месторождения. Затем из Слюдянки на пассажирском поезде добраться до Читы. И в Забайкалье посетить известнейшие месторождения в районе посёлка Кличка. Затем добраться до месторождения Шерлова гора. Там поработать три-четыре дня и возвращаться домой в Москву. Длина намеченного маршрута более 22000 километров. Время на него отводилось очень мало – всего 45 дней. Когда утверждался наш маршрут в НИСе, никто не верил, что за полтора месяца можно посетить 12 месторождений, разбросанных на такой огромной территории. Но мы стояли на своём, и график маршрута не был изменён.

Теперь мы столкнулись с первой нестыковкой наших планов с реальностью. Ведущий член нашей группы не может с нами ехать. И ещё одно непредвиденное обстоятельство возникало у нас. Продолжительность геологической практики у студентов МГРИ была больше, чем у студентов МГУ на неделю. Поэтому я не мог вместе со своими товарищами поехать в Тбилиси и Архыз. Вместо меня в Архыз поехал Володя Ярошевич.

Я вынужден был из Симферополя поехать сразу в Баку и там встретиться с членами нашей экспедиционной группы: Андреем Екимовым и Володиёй Горбуновым.

Как известно, в период отпусков с билетами на поезд всегда «напряжёнка». Тогда же, в советские времена, хотя поезда ходили очень часто, но и народ перемещался по просторам родины без усталости и на большие расстояния. Поэтому билеты надо покупать заранее, лучше за месяц вперёд. Так мы и сделали. Отстояв огромную очередь (в течение суток) вся наша

студенческая орава купила себе билеты, кто куда. Одни после практики ехали домой, другие, как мы, отправлялись в экспедицию.

Таким образом, 24 июля я купил себе из Симферополя до Баку билет в общем вагоне (деньги надо экономить). Стоимость билета в плацкартном вагоне составляла 16 руб. 50 коп, да еще 1р. стоила постель. Билет в общем вагоне был намного дешевле 12 руб. 50 коп. Да и никакого тебе постельного белья не надо покупать. Условия поездки, конечно, совсем не комфортные: столько народа в вагон набивается, что сидишь и то с трудом, и лечь, даже на третью полку, невозможно: мешочки со своим товаром занимают всё пространство. Ехать до Баку всего сутки, и я решил перетерпеть все неудобства, дабы сэкономить пятёрку. В те памятные времена 5 рублей для студента были большими деньгами. На них можно 5 суток хорошо питаться в столовой два раза в день.

Первый аванс на нашу поездку мы должны были получить на главпочтамте в Баку. Мы получали, так называемые, «полевые» и деньги на отправку образцов в Москву. Официально мы с 12 августа 1968 года числились рабочими в экспедиции от НИС МГРИ и МГУ. Минимальная ставка рабочего в экспедиции 60 рублей в месяц. На эту зарплату ежемесячно шли надбавки: 40% полевое довольствие, районный коэффициент (50% от зарплаты), безводные надбавки (в пустыне 20%). Таким образом, наша месячная зарплата возрасла до 120 рублей. А это по тем временам было очень неплохо. Кроме этого: все расходы на транспорт нам оплачивали после сдачи в бухгалтерию индивидуального авансового отчёта. Мы должны были сдать в бухгалтерию все имеющиеся у нас билеты на поезда, автобусы, паромы, самолёты и так далее. Во время экспедиции мы сами расплачиваемся за транспорт. В Москве эти деньги нам возвращают. Конечно, никто не будет докапываться на каком транспорте мы ездили и куда. Главное предоставить билет, и написать из какого пункта, куда мы ехали. Раньше цены на билеты были стабильные, и на каждом билете стояла их цена. Главное, чтобы билеты соответствовали маршруту передвижения. Но тут у всех «полевиков» возникала возможность немножко заработать. Поехать в общем вагоне, заплатив (как я) 12 руб. 50 коп. И, приехав на место назначения, попросить у какого-либо доброго пассажира из соседнего вагона его плацкартный билет (за 17 рублей). На билетах тогда не писали фамилии. К авансовому отчёту прикладывается плацкартный билет, взятый в соседнем вагоне. Вот тебе 5 рублей прибавка к зарплате. Можно набрать автобусных билетов (попросить у приехавших пассажиров на автостанции). Самому же добраться до места назначения на попутках. Все эти маленькие хитрости познаются со временем. Государство нас, граждан, обдирает, как липку. Можем же и мы воспользоваться случаем.

Пока же мы после геологической практики получили свою студенческую стипендию в 35 рублей и 21 рубль полевых за полтора месяца геологической практики. Время пребывания на практике нам зачли, как полевые работы. Вот

все мои финансы к началу нашей экспедиции. Для студента 56 рублей – это целое состояние. Правда, 13 рублей пришлось отдать за билет до Баку.

12 августа студенты МГРИ защищали свои отчёты по практическим работам, получили стипендию и отпраздновали окончание второго курса института. У некоторых празднование затянулось на несколько дней из-за поездки на Карадаг.

Мой поезд №88 отходил из Симферополя 14 августа ночью. Поэтому я не мог поехать со своей группой на море. Мы бурно отметили окончание семестра у себя в палатке, и 14 утром я отправился в Симферополь.

К этому времени мои товарищи по маршруту уже неделю, работали на Кавказе в Архызе. Там месторождение технических агатов. Но изредка на месторождении попадаются и поделочные и даже ювелирные агаты. Мы планировали набрать килограммов 50 – 70 целых (не битых) агатов. В Москве их распилить и передать в музей. Связи с ребятами у меня не было. Мы договорились, что они напишут мне письмо на главпочтамт в город Баку. Наша встреча с Екимовым и Горбуновым предварительно планировалась 15 или 16 августа вечером возле железнодорожного вокзала. Они должны были приехать поездом из Тбилиси.

Мой поезд из Симферополя отправлялся в 23 часа местного времени. В общем вагоне не то, что лечь, сесть можно было с трудом. Ещё на вокзале я посмотрел маршрут движения поезда № 88. Из Симферополя он ехал через Джанкой в Керчь II, там состав поезда загоняли на паромную переправу. На пароме поезд пересекал Керченский пролив и выгружался на Таманском полуострове. Там на станции Крым состав поезда сортировали, и дальше часть состава уже под другим номером ехала на Черноморское побережье, а другая часть через Северный Кавказ отправлялась в Баку.

В Керчи в наш общий вагон под село ещё с десятка два пассажиров. Они стояли в проходе. Было очень душно, хотя все окна были открыты. Погрузка поезда на паром продолжалась не менее часа. Вагон гоняли то туда, то сюда. Эта тряска в переполненном вагоне порядком надоела. Наконец, погрузка закончилась и паром отчалил. Очень хотелось посмотреть в окно на Азовское море, но темень кругом была кромешная. Ничего не видно. Только ощущалось лёгкое покачивание парома на волнах. Длина пролива всего 5 километров. Никто даже не заметил, как мы пересекли Азовское море.

На другом берегу, на Таманском полуострове, состав тоже долго убирали с парома. Но зато на станции Крым огромное количество мешочников вышло из нашего вагона. Мне удалось забраться на третью полку и заснуть.

Проснулся я от сильного толчка в спину. Недовольно повернувшись на другой бок, я увидел с высоты третьей полки, что весь вагон заполнен людьми, в основном кавказкой национальности. Один из кавказцев пытался закинуть на меня свой огромный баул. Этот кавказец смотрел на меня негодующими глазами и говорил:

«Послушай, нам багаж надо положить, а ты там сам лежишь».

Мне пришлось слезть вниз. Все места на сиденьях были заняты. Даже в проходе у ног пассажиров громоздились большие бесформенные мешки, огромные сумки, набитые продуктами и вещами с рынка.

Я стоял между тюков в проходе. Кавказец всё пытался забросить на третью полку свои огромные мешки. Я стал помогать ему. Когда мешки были уложены на третью полку, «купе» стало просторнее. Место кавказца никто не занял, пока мы с ним закидывали вверх его багаж. Теперь этот кавказец смотрел на меня приветливо:

«Слушай, друг» - говорил он мне – «Я думал там пьяный лежит, а это ты. Сядь рядом. Так граждане, подвинемся немного – дадим место хорошему человеку» - обратился он к пассажирам, плотно сидевшим на нижней полке.

Народ подвинулся, и мы вместе кавказцем сели на сидение. Было так тесно, что трудно было пошевелинуться.

Я спросил, что это за станция? Мне сказали – это Краснодар. Из приоткрытого окна доносилось вокзальное многоголосие. Народ с чемоданами, баулами и простыми деревенскими джутовыми мешками всё входил в вагон и толпился в проходах. Наконец, поезд тронулся, и мы поехали дальше. За окнами поплыли привокзальные постройки, кирпичные домишки местных жителей с аккуратными садиками, обвитыми лозами винограда.

Я прикинул по времени, сколько мне удалось поспать. Если от Керчи до Краснодара где-то 250 километров, то я проспал часа 4. Неплохо. Всё бы хорошо, но мучила жажда, и хотелось есть. Мой рюкзак остался на верхней полке, и достать его не было никакой возможности. Пришлось потерпеть.

Только после Невинномысска народа в поезде поубавилось. В Минводах вышли курортники с чемоданами. Но в нашем общем вагоне таких пассажиров не было. Наш простой народ с мешками выходил всё больше на мелких станциях и маленьких городишках. Во Владикавказе вышел и мой новый знакомый - кавказец. Поезд опустел. Мне удалось достать сверху мой рюкзак и, наконец, позавтракать спустя 10 часов после того, как меня разбудили в Краснодаре.

Я с удовольствием поел рыбных консервов с серым хлебом и запил всё это двумя кружками тёплой воды. Проводница так и не стала кипятить чай. Поэтому вода в титане была тёплой, и чай нельзя было заварить. После трапезы я залез на третью полку и тут же заснул.

Пять часов я спал крепким богатырским сном. В Чечне в ночное время народ, наверное, сидит дома, поэтому поезд ехал здесь полупустой. Но зато днём в Махачкале мешочники опять заполнили весь вагон битком. Пообедать мне так и не удалось. Семь часов ехали вдоль моря, изредка любуясь его красотами и изнывая от жары. Изредка - потому, что железная дорога редко где подходит к побережью.

В Баку поезд приехал поздно вечером 15 августа. Вокзальные часы показывали 21 час местного времени. Разница с московским временем плюс один час. Спешить мне было некуда. Я достал из рюкзака последнюю баночку рыбных консервов и пристроился на узкой скамеечке в зале ожидания. Народ

подходил, но свободных мест ещё было много. Этим я и воспользовался. Достал остатки хлеба. Вскрыл баночку и с аппетитом поужинал. Пока я занимался трапезой, народ заполнил весь зал ожидания до отказа. Хорошо, что я не ушёл сдавать вещи в камеру хранения – пришлось бы сидеть на полу. Все скамейки были бы заняты.

Просидев некоторое время в переполненном зале ожидания, я достал из кармана рюкзака чистенький полевой дневник и начал записывать шариковой ручкой всё, что случилось за эти три дня. Вести дневники у меня уже вошло в привычку, хотя я был ещё только студент второго курса МГРИ. Эта привычка останется со мной всю мою экспедиционную жизнь. Почти каждый день во всех геологических экспедициях я буду вести два дневника: один рабочий каждодневный с описаниями маршрутов (так требует моя специальность). Рабочий полевой дневник прикладывается к отчёту об экспедиции. Второй дневник я вёл для себя, с описанием всего того, что со мной происходило. В данном случае я начал свой очередной личный дневник. На титульном листе дневника я поставил № 3 и дату начала записей: 13.08. 1968 года. Номер три потому, что предыдущие два дневника я написал в Таджикистане и на Урале. Хочу отметить, что к концу моей геологической карьеры у меня накопится полный чемодан таких дневников. Их содержание теперь становится темой для моих рассказов.

В дневнике я написал, как я сел на поезд № 88 и приехал в Баку. Написал без всяких подробностей. Пока я писал, в зал ожидания вошёл милицейский патруль. Они стали проверять у всех пассажиров документы и билеты на поезд. У кого билетов не было, тех выводили из здания вокзала. Судя по тому, сколько человек занималось проверкой документов и билетов, можно было подумать, что в Баку появилась большая банда преступников. Милиционеров было не меньше двух десятков. Четверо стояли у дверей и не пускали в вокзал тех, кого оттуда выдворяли.

Дошла очередь и до меня. Я показал свой паспорт и билет, который я взял у гражданина, ехавшего в плацкартном вагоне из Симферополя. Младший лейтенант посмотрел мой паспорт. Затем внимательно всмотрелся в моё лицо и спросил:

«А что в Москве не сидится? Зачем к нам пожаловали?»

Я объяснил, что геолог и еду в командировку. Он посмотрел билет и сказал:

«Ваш поезд два часа назад прибыл, а здесь зал ожидания и поэтому должны находиться только те, кто ждёт отхода своего поезда».

Я сказал, что в такой поздний час я не попаду в гостиницу. Лейтенант продолжал, молча стоять возле меня. Тогда его напарник - прапорщик сказал ему тихо что-то на азербайджанском языке, и лейтенант пошёл дальше, оставив меня в покое. На соседней скамейке тоже сидел гражданин, у которого не было билета на отходящий поезд. После нескольких пререканий на местном языке, гражданин полез в свой карман, достал рубль и подал его милиционеру. Лейтенант сунул рубль в свою полевую сумку, и патруль пошёл к следующей

скамейке. Это был повседневный рейд милицейского патруля. Я подумал, что за один такой рейд по вокзалу азербайджанские «менты» соберут не меньше двух сотен рублей. Коррупция здесь, и правда, на высоком уровне. Со мной они не захотели связываться из-за того, что я из Москвы и командировочный. Но, если и завтра придётся ночевать, надо менять место ночёвки.

В гуле вокзальных голосов мне всё-таки удалось немного подремать. В восемь утра местного времени железнодорожный вокзал открывался для всех посетителей. Многолюдная толпа ринулась к кассам дальнего следования, сметая всё на своём ходу. Тут уж не до сна. Я пошёл в камеру хранения сдавать свой рюкзак. За сутки хранения с меня взяли 15 копеек. Это обычная цена по тем временам.



Фото № 2. Я на смотровой площадке возле памятника Кирову.
Баку 16 августа 1968 года.

Освободившись от вещей, я решил съездить на главпочтамт и узнать, нет ли каких-нибудь сведений от моих товарищей по экспедиции. Они обещали мне написать до востребования, как у них дела в Архызе и когда они приедут из Тбилиси в Баку.

У местных жителей я узнал, как добраться до главпочтамта и заодно поинтересовался, какими достопримечательностями можно полюбоваться в городе Баку. Мне рассказали, как доехать до главпочтамта и посоветовали посетить старый город, погулять по набережной, скверу «Баки совети» и парку имени Кирова. На вопрос, где можно недорого и хорошо поесть, мне никто не дал вразумительного ответа. Со столовыми в городе Баку тяжело. Их мало и они все дорогие. Народ питается дома. В здании пригородного железнодорожного вокзала есть буфет. Там можно перекусить. Но никто не знает, какие там цены. После разговора с местными жителями, стало понятно, что перекусить можно и в чайхане, которых только на базаре штук десять. Но в

чайхану мне не хотелось идти. Поэтому для начала я пошёл в буфет пригородного вокзала. Буфет находился на втором этаже большого современного здания. В буфете ни одного человека. Продают какие-то бутерброды, яичницу и какие-то соки. Я посмотрел на ценники и понял, что мне здесь делать нечего.

От вокзала на метро я добрался до центра города. Поллюбовался огромным зданием Дома Правительства на площади Ленина. Посреди которой стоит памятник Ленину с простёртой рукой. Другой рукой Ленин держится за какую-то тумбу, как бы боясь упасть. В лице самого Ленина явно просматривается азиатская внешность.

Здесь же неподалёку расположено большое здание главпочтамта. На моё имя пришёл денежный перевод в размере 20 рублей. Это мой аванс из бухгалтерии НИС МГРИ. Следующий аванс меня будет ждать на главпочтамте города Караганда. Так мы договаривались ещё в Москве. Никаких весточек от своих ребят я не получил. Поэтому вечером мне придётся быть у здания железнодорожного вокзала встречать поезд из Тбилиси. На нём могут приехать ребята.

День был пасмурный и ветреный. Гулять по городу на голодный желудок не очень хотелось. Поэтому я поехал на метро из центра города к Морскому вокзалу в надежде там найти какую-нибудь дешёвенькую столовую. Бакинское метро тогда только строилось. От конечной станции метро до Морского вокзала надо было идти пешком.

Я вышел из метро и спросил, как пройти до Морского вокзала. Мне показали дорогу, и я пошёл по ней по какой-то узкой старой улочке. Прошёл через сквер и шёл мимо каких-то гаражей и высокой каменной стены. Где-то впереди был включен громкоговоритель. Раньше на столбах были развешаны такие динамики. Из него доносилась азиатская музыка и популярные местные азербайджанские песни. Проходя мимо гаражей, я заметил вывеску на русском языке: «Столовая». Эта столовая находилась на территории гаражей и была для рабочих. Я робко вошёл внутрь. Там играла та же музыка, что и на улице. Заунывный голос (не то женский, не то мужской) под музыку на одной ноте, исполнял песни. Для меня, как человека, не понимавшего тюркского языка, все эти песни были похожи друг на друга.

Столовая была открыта и полна рабочего люда. Я встал в очередь, предварительно посмотрев меню. Обед из трёх блюд стоил 60 копеек. Вполне сносно. Люди подходили к раздаче и говорили, что им надо поесть. Дородная женщина русского обличия насыпала и разливала работягам обед по тарелкам. Они ставили на подносы полные тарелки с едой и проходили к кассе. Я обратил внимание, что гарнира рабочим насыпают очень много. Удивлялся, отчего это? Когда я уже вплотную приблизился к раздаче, то услышал, как рабочие (в основном русские ребята) просят, чтобы им дали второе с двойным гарниром. Глядя на них, я тоже попросил котлету с двойным гарниром. Раздатчица посмотрела на моё поросшее щетиной лицо и спросила, мол, что я из дальнего рейса прикатил, побриться не успел. С этими словами она

положила мне большую котлету и от души сыпанула два половника варёных макарон. Огромная гора из них, еле помещалась на большой тарелке. На моём подносе была тарелка с супом, котлета с двойным гарниром и стакан компота. За всё это я заплатил всего 63 копейки. И это мне очень понравилось. Вот сюда надо ходить обедать. Здесь даже хлеб был бесплатный.

Пообедав, почувствовал себя совсем другим человеком. Теперь мне захотелось посмотреть достопримечательности города Баку. Я дошёл до Морского вокзала. Посмотрел расписания движения парома из Баку в Красноводск. Паром делал всего один рейс в день. Отправлялся вечером и через 14 часов прибывал в Красноводск. Расстояние между Баку и Красноводском 280 километров. Но мне не понравилось другое. Прямо на стене, рядом с кассами висело большое объявление: «Паромное сообщение с Красноводском временно прекращено».

Кассы, продававшие билеты на паром, были закрыты. Но возле них сустились толпы недовольных людей. Они ругались на своём языке, кому-то что-то говорили. Большинство из этих людей были одеты в стёганные халаты и в больших меховых шапках на головах. Я был несколько удивлён такой их тёплой одеждой. Подойдя к кассам, я спросил у одного с виду русского гражданина, мол, почему паром не работает. Он мне сказал, что только сейчас прекратили продавать билеты на паром из-за шторма. Гражданин мне объяснил, что ночью ожидается шторм в 9 баллов и сколько он продлится - не известно. Два месяца назад море штормило целую неделю и здесь скопилось столько народу, что пустили сразу три парома. Что будет сейчас, непонятно. Все спешат домой. У простых дехкан нет денег на гостиницу. Где им ночевать?

Я подумал, что если ребята приедут из Тбилиси, а шторм ещё не закончится? Что тогда нам делать? За несколько дней здесь скопится столько народа, что в здание вокзала не войдёшь. Но сейчас я ничего не мог изменить. Поэтому, пока ещё не начался сильный дождь и ветер, сопровождавший шторм, я решил пройти к старому городу и осмотреть его.

Я пошёл по набережной в сторону старого города. Первое, что я увидел, идя по набережной, это был огромный памятник Кирову, стоявший на высоком холме. Сначала я издали не мог понять, кому воздвигнут этот гигантский монумент. Но, подойдя ближе, я догадался, что человек в сапогах и гимнастёрке напоминает Кирова. К памятнику поднималась высокая лестница. Я поднялся по ней и попал в «Нагорный парк». Здесь на смотровой площадке на высоком пьедестале, облицованном рыжим кварцитом, и стоял памятник Кирову. С высоко поднятой вверх рукой, фигура Сергея Мироновича Кирова, как бы парила над городом Баку. Отсюда весь город и море были, как на ладони. Море уже слегка пенилось небольшими бурунами. Маленькие судёнышки, стоявшие на якоре, колыхались на волнах. Горизонт с востока был затянут тучами. Но на западе небо было ещё чистое. Сквозь дымку виднелись очертания Кавказских гор. Ветер шумел, раскачивая кроны деревьев, посаженных вдоль парковых аллей. Находиться на горе становилось неудобно. Поэтому я подошёл к памятнику, чтобы осмотреть его и после спуститься к

старому городу, который начинался от высокой Девичьей башни. Я обошёл памятник со всех сторон и прочитал все таблички над чугунным барельефом, обрамляющим постамент.

Из текста на табличках я понял, что памятник Кирову был выполнен скульптором П.В.Сабсай в 1939 году и поставлен здесь в пятую годовщину трагической смерти Сергея Мироновича – пламенного борца за наше светлое коммунистическое будущее. Лично мне этот памятник очень понравился. Портретное сходство с Кировым здесь налицо. Памятник поставлен очень выигрышно: на самой высокой точке города. Было необычно, что здесь стоит памятник Кирову, а не Ленину. Но таково было веление тогдашнего Отца Народов - Сталина. Мне очень жаль, что все выдающиеся памятники той эпохи были снесены в 1991 году. Стоило развалиться СССР, как новые «царьки» стали сносить всё, что было до них и на эти же постаменты ставить памятники себе. Теперь не увидишь ни памятников Ленину, ни Кирову, ни 26 Бакинским комиссарам, нет памятников Революции и их деятелям. А ведь эти памятники это не только история, но произведения искусства.

Я спустился к набережной и пошёл в старый город. Меня удивила своей своеобразной красотой Девичья башня, возвышающаяся над одряхлевшими постройками старого города. Башня «Гыз Галасы» (так она называется на местном языке) построена в XII веке и вся её история загадочна и до сих пор непонятна. Одни историки считают, что Девичья башня построена в оборонительных целях, как крепость в стенах старого города. Но сама конструкция башни, отсутствие в ней площадок для стрельбы и многие другие особенности, говорят о том, что башня предназначалась для других целей. Сильнейшая закопчённость внутри свидетельствует о том, что она служила маяком. Есть косвенные свидетельства, что ещё в XIV веке она использовалась, как маяк. Причём огонь в ней горел на трёх уровнях и разного цвета. Из узких окошек свет направлялся в три стороны. В XIX веке башня использовалась только, как маяк. Но почему башня названа Девичьей, тоже есть разные толкования. Одни историки говорят, что слово Девичья, то есть девственная, означает только, то, что эта башня никогда не была взята боем. Другая, более правдивая история связана с девичьей честью. Легенда гласит о том, что в 450 году Сасанидский правитель Иездигерд возродил древний зароастрийский обычай, разрешавший жениться на своих ближайших родственниках. У этого правителя умерла жена, и он хотел жениться на своей родной дочери. Дочь возненавидела своего отца и отвергала его домогательства. Не желая своего осквернения, она бросилась с 28 метровой башни в море. В честь этой девушки башню назвали «Девичья». Легенда трагическая, но красивая. Теперь облик этой Девичьей башни является символом города Баку. И другое интересно, что ещё в XIX веке под стенами башни плескалось море. Сейчас море отошло более чем на 300 метров от башни. Значит, Каспийское море мелеет.

От Девичьей башни, которая была закрыта на большой замок, я пошёл внутрь старого города. Узкие улочки, полуразрушенные средневековые дома с башенками, руины старинных мечетей, обветшалые постройки, в которых

жили и до сих пор живут горожане. Вот, что я увидел в старом городе. Но среди этого средневекового запустения я увидел прекрасно отреставрированный комплекс зданий - дворец Шарваншахов. С 1964 года здесь музей истории. На моё счастье музей был открыт. Была пятница, и посетителей было мало. Стоимость билета для студентов и школьников 50 копеек. Вполне сносная. Я достал из кармана свой студенческий и предъявил на кассе.

Я прошел на территорию музея и очутился в сказке. Дворцовый комплекс поразил меня своей красотой и величавостью. О красоте каждого сооружения дворца можно писать очень долго. Перечислю лишь то, что меня поразило своей необыкновенной красотой. Сам дворец Ширваншахов, их усыпальница, ротонда Диван-Хане с тончайшей росписью по камню в виде сталактитов под куполом. Необычайно красивая дворцовая мечеть, построенная в 1441 году с минаретом. Мавзолей придворного учёного Сейида Яхья Бакуви тоже заслуживает особого внимания. Но, кроме этой необычайной красоты, я ознакомился с историей города Баку. Витрины с древними находками и пояснения к ним, возбудили моё любопытство. Я даже для себя сделал выписки в виде исторических справок.

Я никогда не интересовался историей народов Кавказа и впервые здесь кое-что узнал о ней. Кто только не населял эту землю. Киммерийцы, изгнанные скифами из прикаспийских степей в начале VII века до н. э. Мидийцы в VI веке до н. э. Персы, парфяне, сасаниды в III веке, ахемениды и даже албанцы. Предки тех самых албанцев, что живут сейчас в Европе. Кавказ был покорён римлянами. Через Дербентский проход издавна проходил «Великий шёлковый путь». Сам город Баку основан в 1192 году, когда после землетрясения столица Шарваншахов Шемахи была полностью разрушена. И город Баку стал их новой столицей. Здесь издавна добывали нефть. Но в 1231 году монголы уничтожили ханство Ширваншахов. Разорили, утопили в крови всю арабскую цивилизацию. Только через 150 лет на месте пожарищ стали появляться новые поселения. В начале XVI века на восточном Кавказе обживается династия Сефевидов, но уже через несколько десятков лет Османская Империя вторгается на восток Кавказа и покоряет его. Идёт непримиримая борьба Персии и Османской Империи за Кавказские земли. И только с 1813 года Россия начинает утверждаться на Кавказе.

Под большим впечатлением от увиденного в музее возвращался я на железнодорожный вокзал. Ветер усиливался. Того и гляди пойдёт дождь. Я шел в надежде встретить своих друзей. Вечером на вокзал приходил поезд из Тбилиси. Поезд пришёл с опозданием, но моих товарищей в нём не было. Теперь мне надо было найти место для ночёвки. Железнодорожный вокзал был забит до отказа. Да и рубль платить «ментам» мне не хотелось. Я пошёл на Морской вокзал. Может быть, там удастся нормально переночевать?

Но, так как паромная переправа не работала, а люди всё прибывали, то в здании вокзала творилось столпотворение. Дехкане, расстелив на полу свои коврики и тряпки, массово сидели и возлежали на них прямо посреди зала

ожидания. Люди в халатах и меховых шапках кругом. Ступить некуда. Не найдя себе ни единого места, чтобы хоть сесть на полу, я отправился на площадь возле вокзала. Там у небольшого фонтанчика люди бродили, сидели на корточках или просто на асфальте. Я остановился возле фонтана. Осмотрелся. Народ вокруг меня был какой-то неряшливый. Многие одеты просто в лохмотья. Одна пьяная женщина с трясущимися руками всё просила у мордатого мужика «косячок дури». Я не понимал, чего она у него просит. Он же ругался на неё всякими матерными словами. Приглядевшись получше, я понял, что здесь притон наркоманов. Все жуют какую-то траву под названием «насвай» и курят «дурь». Я решил поскорей покинуть это место. Пошёл на скамейки в Приморский бульвар.

Здесь почти никого не было. Я мог спокойно лечь на любую скамейку. Но ветер не унимался, и я скоро сильно продрог. Надо идти в здание Морского вокзала и там хоть постоять где-то у стенки, если улечься не удастся.

Опять пошёл в переполненный Морской вокзал. Там всё было без перемен. Негде было даже встать. Но я как-то протиснулся к стеночке и встал. Возле меня тоже стояли люди. У наших ног лежали на полу бородатые аксакалы в меховых шапках. Если кто-то из лежащих отходил (что бывало крайне редко), то его место сразу же занимали. Я сначала стоял возле стены. Затем ноги мои устали, и я рукой опёрся о стену. Мой сосед немного подвинулся, дав мне схватиться за стену. Несколько позже я опёрся о стену спиной. Сосед сделал тоже. Он сказал мне что-то на местном языке. Я развёл руками, мол, не понимаю. Стоя, я начал дремать. Лежащий возле моих ног дежанин повернулся на другой бок, освободив сантиметров 15 места на полу. Я невольно сполз по стенке задом и сел на пол, поджав свои коленки к груди. Поза была неудобная, но я всё-таки сидел. Мой сосед тоже сполз на пол. Мы переглянулись. Усталость брала своё. Глаза сами собой закрывались. Общий вокзальный гул голосов убаюкивал. Незаметно для себя я отключился и заснул.

Утром, совершенно уставший от ночного бдения, я пошёл на железнодорожный вокзал. Там из камеры хранения взял куртку. В одной рубашке было прохладно. Ветер всё крепчал. Порою его порывы так гнули стволы вековых деревьев, что казалось, ещё немного и их вырвет с корнем из земли. Весь Приморский бульвар был усыпан сорванными с деревьев ветками. Хотя была суббота, но ни один человек не гулял по бульвару. Окны многих домов были закрыты ставнями. Подгоняемый порывами ветра, я быстро шёл по бульвару, перепрыгивая через кучи сломанных веток. Скоро я добрался до железнодорожного вокзала и окунулся в его многолюдье.

Взяв из камеры хранения куртку и носки, я начал искать, где можно пристроиться поспать. Но народ сновал повсюду. Ни на одной скамейке не было свободного места. Тогда я поехал на главпочтамт узнать, нет ли письма от ребят. Там меня ждала телеграмма. В ней сообщалось о завтрашнем приезде ребят. Они приезжают на дополнительном поезде, который прибывает утром 18 августа. Эта весть меня обрадовала, и в хорошем расположении духа я бродил по центру города среди современных домов и уютных сквериков. Здесь

почти не чувствовалось грозного дыхания шторма. Ветер был, но не сильный. В садике «26 Бакинских комиссаров» среди высоких кустов стояли скамеечки. Одна из них находилась рядом с монументом безобразной формы, олицетворяющим то ли вход в счастливое коммунистическое завтра, то ли выход из ужасного буржуазного прошлого. Там, возле стен этого монумента был «затишок». Ветра здесь почти не было. И, самое главное, не было рядом ни единого человека. Воспользовавшись этим, я лёг на лавочку и тут же заснул глубоким и спокойным сном младенца.

Проспав часа три, я поехал на морской вокзал. Там уже народ записывался в очередь в кассу за билетами на паром. Администрация порта обещала первым рейсом на Красноводск пустить сразу два парома. Причём, будут продавать билеты и на палубу корабля. Паром «Советский Азербайджан» брал на борт 120 пассажиров. Теперь обещали продавать билеты на палубу, где дождь и ветер все 14 часов. Но зато это ещё 80 дополнительных мест.

Записавшись в очередь в кассу, я пошёл на набережную посмотреть на шторм. Настоящий шторм на море - должно быть захватывающее зрелище? Набережная встретила меня раскатистыми ударами волн о волнорезы и бетонные ограждения. Хоть город Баку и стоит в маленькой бухте, но море здесь ревело по-взрослому. Волны были не выше двух метров, но их гребни пенились и грохотались друг на друга. У волнорезов волны ломались и их осколки с грохотом перескакивали через парапет, заливая собой пешеходные дорожки и оставляя на асфальте радужку нефтяных разводов. Ярко-белая пена хлопьями валялась в траве и даже висела на листьях вечнозелёных кустарников, рассаженных вдоль прогулочных дорожек.

Вдоволь нагулявшись по пустынному Приморскому парку, я отправился в здание Морского вокзала. Как мне показалось, пассажиров в зале ожидания там не уменьшилось. Все скамейки, конечно, были заняты, но на полу были свободные места. Я приютился в уголке за лестницей. Снял куртку, положил её на пол и сел на неё.

К вечеру обитатели вокзала стали укладываться на ночлег. Тут уж весь пол был занят. Чтобы сходить в туалет, необходимо было попросить соседа, лежащего возле меня, посмотреть за моим местом, чтобы его кто-либо не занял и куртку мою не забрали. Надо сказать, что туалет закрывали на ночь, а то бы и там народ устроил себе ночёвку.

Ранним воскресным утром 18 августа я пошёл на железнодорожный вокзал встречать своих товарищей. Поезд из Тбилиси прибыл по расписанию. Вместе с толпой встречающих я пошёл на перрон. Но, в каком вагоне ехали мои товарищи, я не знал. Поэтому остановился у первого вагона и пытался рассмотреть своих коллег в толпе приехавших пассажиров. Люди с чемоданами шли сплошным потоком. И вот я увидел четверых ребят с огромными рюкзаками. Они медленно шли среди толпы, озираясь по сторонам, видимо, ища меня. Я ожидал встретить двоих, а их было четверо. Когда ребята приблизились, я их узнал. Это были Андрей Екимов, Володя Горбунов, Валера

Лисицын и Миша Борисов. Я с широкой улыбкой пошёл к ним навстречу. Ребята, увидев меня, остановились, загородив движение вперёд. Дружеские объятия продолжались очень недолго. Толпа подталкивала нас к выходу из вокзала. Только на вокзальной площади мы смогли поговорить.

Оказалось, что Валера Лисицын и Миша Борисов (наши приятели - студенты второго курса Геологического факультета МГУ) после практики поехали на Кавказ. Там они неделю отдыхали в горах в окрестностях Архыза. Затем встретились с Екимовым, Горбуновым и Ярошевичем. Вместе поехали в Тбилиси и три дня гостили в Тбилиси у Володьки Ярошевича. Теперь они хотели поехать на экскурсию в город Бухару. И после этого возвратиться домой в Москву. Таким образом, Лисицыну и Борисову надо было тоже покупать билеты на паром. То есть теперь мы становились попутчиками.

Когда я записывался в очередь за билетами на паром, то указал, что буду покупать три билета. Теперь надо было это исправить и написать, что билетов буду покупать пять. То есть нам надо ехать на Морской вокзал в билетную кассу. Но сначала ребята сдали свои вещи в камеру хранения на железнодорожном вокзале. На Морском вокзале камера хранения была переполнена и вещи от пассажиров не принимали.

Воскресный день только начинался, и нам хотелось как можно лучше использовать его светлое время. Валера и Миша желали осмотреть старый город. Я уже был в старом городе и звал ребят поехать посмотреть настоящее море. Здесь, в черте города, открытого моря практически нет. Бухту занимает огромный порт. Вода страшно грязная. Сплошной мазут. Ни искупаться, ни полюбоваться морскими просторами. Все местные жители ездят купаться на станцию Приморская. Это в 40 километрах от города. Там огромные песчаные пляжи и прекрасное чистое море. Горбунов и Екимов присоединились к моему предложению. Тем более шторм уже стихал. Море ещё волновалось, но не настолько, чтобы нельзя купаться. Зато поплавать в больших волнах нам казалось большим удовольствием. Валера Лисицын наоборот отговаривал нас купаться в шторм. Они с Мишей всё-таки хотели осмотреть достопримечательности города Баку. Но для начала надо было всё уладить с билетами на паром.

От железнодорожного вокзала до Морского вокзала идёт автобус-экспресс. Стоимость билета 10 копеек. В целях экономии времени поехали на автобусе. На морском вокзале я подошёл к кассам и у дежурного кассира попросил вписать в список под моей фамилией ещё двух пассажиров. Она к моей просьбе отнеслась весьма недовольно. Говорила мне, что если каждый пассажир будет дополнительно записывать несколько человек, то так никаких паромов не хватит, чтобы остальных нормальных людей перевести. Ну, всё же после долгих дебатов, Лисицын и Борисов были внесены в список. Дополнительно я узнал, что шторм уже стих до 7 баллов. И когда он стихнет до 5 баллов, из Красноводска в Баку пустят дополнительный паром. Велика вероятность, что завтра вечером откроют паромную переправу и из Баку отплывут сразу два парома. Таким образом, стало ясно, что сегодня парома не

будет и можно не торчать на Морском вокзале, а с пользой для себя использовать свободное время. Так мы и сделали. Лисицын и Борисов пошли гулять по городу, а мы втроём опять поехали на железнодорожный вокзал к кассам Пригородного вокзала. Там купили три билета до станции Приморская. Цена билета 35 копеек. Без билетов на электричку сесть не удалось, так как на перрон пропускают только по билетам. Другого входа к электричкам нет. Всё продумано. Кругом двойная охрана.

До Приморской мы ехали в полупустой электричке. Несмотря на то, что был воскресный летний день. Всё дело в том, что в шторм народ на пляж не едет. Но у нас выбора не было. Завтра мы намеревались уезжать из Баку.

Как только вышли из электрички, то услышали грозный рокот моря. До него было не меньше 800 метров. От станции открывался чудесный вид на песчаные пляжи. Жёлтый песок и чёрное море всё в белых пятнах от бурунов. От безлюдной станции шла грунтовая дорога к берегу. По ней мы и пошли.

Пляж совершенно пустой. Наполовину залит водой, покрытой толстым слоем белой пены. Среди песчаных дюн одиноко возвышалось одноэтажное строение под черепичной крышей. Над которой развивался белый флаг с розовым крестом. Недалеко от этого строения среди воды и пены стояла вышка спасателей. Тропинка шла прямо к дому с флагом. Подойдя ближе, мы увидели ограждённый сеткой участок возле моря. Это и был пляж.

Там виднелись лавочки, на которые можно сложить свою одежду. Мы разделись и не торопясь пошли к воде. Море шумело так, что мы еле слышали друг друга. В сотне метров от берега волны были огромные, но разбившись о мелкое дно, ломались и частыми, пенящимися осколками с шумом наползали на пляж.

Несмотря на сильный порывистый ветер, было тепло. Море тоже было тёплое. Но вода мутная из-за большого количества песчаной взвеси, подхваченной со дна прибойной волной.

Мы медленно шли от берега, стараясь удержаться под хлёткими ударами мелких волн. Но тут сквозь раскатистое буханье прибоя, мы слышали позади себя свисток. Повернувшись, мы заметили двух мужчин, что-то кричавших нам и отчаянно жестикулирующих руками. Стало понятно, что они требовали вернуться на берег.

Это были дежурные спасатели. Нам понятно объяснили, что пляж закрыт. В шторм здесь купаться запрещено. Если нам самим не жалко своей жизни, то можно купаться где угодно, только не на пляже. Спасатели не хотят за нас отвечать. На море пятибалльный шторм и волны могут нас потащить от берега. А там верная смерть.

Собрав свои вещи, мы покинули территорию пляжа и пошли вдоль берега, ища удобное местечко, чтобы там расположиться. Найдя подходящее место, мы разложили свои вещи, придавили их камешками, чтобы не унесло ветром и пошли купаться.

Волны действительно тащили нас от берега, но мы далеко не отплывали. Трудно было плыть среди высоких волн. Приходилось то взбираться на

гребень волны, то подныривать под падающий на тебя её гребень. Такое купание большой радости не доставляло. Побарахтавшись в волнах минут сорок, мы порядком устали и поплыли к берегу. Это тоже было нелегко. Волны тащили нас назад в морскую пучину. Выбравшись на берег, мы ещё минут пять приходили в себя. Затем пошли вдоль берега к видневшимся вдали скалам.

Пенящиеся волны то наплывали, то уносились с шумом обратно в море, волоча за собой мелкий песок. И тут, на берегу среди белой морской пены, я увидел большую рыбину, бившуюся о песок. Она изгибалась всем телом, пытаясь выпрыгнуть из большой лужицы, куда её затащило волной.

Я попытался схватить её за жабры, но она открыла здоровенный рот полный зубов, заставив меня отпрыгнуть от неё. И тут Володька Горбунов ударил эту рыбину камнем по голове. Я взял оглушенную рыбину в руки. Она весила не меньше двух килограмм. Такой рыбой можно накушаться втроём. Другой вопрос, как и на чём её приготовить? Но, на всякий случай мы взяли пойманную рыбу с собой.

Чем ближе мы подходили к скалам, торчащим из воды, тем больше мы видели разбросанных на песке трупов мелких и крупных рыбёшек. Мы не могли понять, почему здесь так много дохлой рыбы? Скорее всего, в шторм рыба бьётся о скалы и её полумёртвую выбрасывает на берег. Но другие находки на песке противоречили этому. Многочисленные трупы больших осетров со вспоротым брюхом, говорили о процветающем здесь браконьерстве. Скорее всего, здесь опустошали сети, поставленные на осетра. Чёрную икру забирали, а трупы осетров и другую рыбёшку выбрасывали за борт. Здесь же на песке валялось несколько полусгнивших трупикиков детёнышей каспийских тюленей с обрывками рыболовной сети. Это тоже дело рук браконьеров.

В своё время Каспийское море славилось крупной популяцией тюленей. Было непонятно, как эти морские животные попали в закрытый водоём Каспия. Палеонтологи своими многочисленными находками ископаемых останков тюленей Прикаспия, доказывают, что Каспийские тюлени ещё в миоцене (23 млн. лет назад) и плиоцене попали в Каспийский бассейн. Они великолепно себя здесь чувствовали, пока не наступила новая эра – эпоха индустриализации человечества. В 1930-1940 годах на Каспийском море процветал промысел тюлений. Советские артели в год добывали до 165 тыс. голов тюленей. Этим самым сократив их популяцию на Каспии с нескольких миллионов до 500 тысяч голов. В начале 1960-х промысел тюленей был запрещён. Но новая беда обрушилась на Каспий. Начиная с 1970 года, добыча нефти в акватории Каспийского моря резко увеличилась. Безобразное отношение людей к охране экологической среды привело к сильнейшему загрязнению Каспийского моря нефтяными отходами. В конце 1980-х и 1990-х в этих краях стали наблюдаться доселе редкостные природные явления. Огромное количество трупов тюленей стало выносить на берег Каспийского моря. Трупы животных исследовались в научных лабораториях. Все животные были инфицированы пареихиматозом печени, почек и селезёнки. Причины инфекции кроются в подавлении

иммунной системы в результате резкого загрязнения экологии Каспийского моря.

У самых скал мы заметили ребяташек, стоявших по пояс в воде. В руках они держали какие-то палки и периодически били ими по воде. Другие ребята ходили вдоль берега и собирали оглушённую рыбу в корзинки. Когда мы подошли ближе, то поняли, чем занимаются эти ребята. Большая волна захватывает из моря рыбу и выносит её к скалам. Возле камней стоят местные ребята с железными прутьями в руках. Они добывают оглушённую о скалы рыбу. Рыба всплывает вверх брюхом и её волнами выбрасывает на берег. Другие ребята с корзинами собирают эту рыбу. Вот так здесь поставлен на поток рыбный промысел во время шторма.

Мы подошли к ребятам. Разговорились. Они хорошо знали русский язык. Ребята рассказали нам, что за час такой рыбалки во время шторма можно наловить рыбы, когда 100 килограмм, а когда вообще не поймаетшь не одной. Всё зависит от того проходит ли рыбный косяк в этом месте. Сегодня рыбалка удалась. Они уже наполнили три корзины рыбой. Да и рыба крупная.

Мы показали ребятам пойманную нами рыбу. Они удивились, как нам удалось её поймать. Ребята тоже периодически ходили вдоль берега в зоне прибоя. Иногда видели выкинутую морем рыбу, но такой большой им не попадалось. Они сказали, наша рыба называется судак. А они сейчас бьют пузанка. Это такая разновидность каспийской сельди.

Я попросил у ребят железный прут и сам попробовал глушить рыбу в воде. Зашёл по пояс. Сильная волна кидала меня то туда, то сюда. Тут на ногах бы устоять, не то, что рыбу глушить. Вода очень мутная, рыбу еле видно. Но рыбы много. Я пытался несколько раз «глушануть» рыбу, но никак не мог по ней попасть своим прутком. В результате меня в спину ударила волна и сбила с ног. Я отдал прут ребятам и попытался поймать рыбу руками. Но это тоже мне не удалось. Гладкая рыбина выскакивала из рук. Так и не поймав ни одной рыбки, я вышел на берег.

Андрей Екимов предложил отдать пойманную нами рыбу ребятам. Я сфотографировал эту рыбку на свой фотоаппарат «Смена» и передал наш трофей ребятам. Они очень обрадовались такому подарку.

Нам уже надо было возвращаться на станцию. Через час отходила наша электричка в Баку. Мы договорились в полпятого вечера встретиться на железнодорожном вокзале с Лисицыным и Борисовым. Поэтому распрощавшись с местными ребяташками, мы пошли на станцию Приморская.

В обратном направлении от Приморской до Баку мы ехали без билетов. Никаких контролёров в электричке не было. Мы благополучно добрались до Баку, сэкономив целый рубль на троих. А это стоимость трёх билетов в кино. Вечером мы хотели прогуляться по городу и посмотреть фильм в местном кинотеатре. Скоро мы уезжаем далеко от цивилизации. Туда, где не будет никаких развлечений: ни кино, ни театров, ни бани, ни столовых и т. д. Поэтому мы хотели насладиться плодами цивилизации перед отъездом в Туркмению.

На железнодорожном вокзале нас уже ждали наши друзья. Они пришли на вокзал раньше и бесцельно слонялись на привокзальной площади. Я спросил их, как им понравился старый город? Они были под впечатлением увиденного во дворце Ширваншахов. Однако рассказывать о своих впечатлениях пришлось по дороге. Мы поехали в центр города и хотели успеть попасть на главпочтамт. В воскресенье он закрывался в 16 часов. Так, что из метро мы почти бежали к почтамту.

Успели почти к закрытию. Екимов и Горбунов получили свой аванс по 20 рублей. И теперь мы имели 60 рублей казённых денег на экспедиционные расходы. Следующий аванс нас ожидал в городе Караганда за 3000 километров (по прямой) отсюда. И ещё неизвестно, когда мы туда доберёмся.

Получив свои экспедиционные деньги, мы пошли гулять по центру Баку. Зашли в кинотеатр «Азербайджан» и купили билеты на новый, только что вышедший на экраны фильм «Ещё раз про любовь». Фильм режиссёра Георгия Натансона по сценарию тогда ещё почти неизвестного писателя и сценариста Эдварда Радзинского. С огромного рекламного плаката, висевшего на здании кинотеатра, на нас смотрели застенчивые лица Татьяны Дорониной и Олега Ефремова, имевшего азиатский облик.

Фильм имел большой успех у зрителей. Все билеты на сеанс были проданы. Зрительный зал был полон. Растроганные молодые женщины плакали после сеанса.

Но, а мы после просмотра фильма поехали к Морскому вокзалу, чтобы там скоротать ночь в ожидании завтрашнего парома. Народу на вокзале было ещё больше, чем во вчерашнюю ночь. Но мы всё-таки сумели разместиться на полу. Расстелили свои куртки и сели на них, поджав ноги. Так мы просидели всё ночь. Вокруг нас тоже сидели люди, кашляли, сморкались, плакали младенцы, ругались дехкане, причитали мусульманские женщины.

В 5 утра всех пассажиров, ожидающих прибытия парома, стали поднимать со своих мест. Началась проверка документов. Милицейский патруль требовал у всех документы. Внимательно изучал их, задерживая, на их взгляд, подозрительных личностей. Таких набралось с десятков человек. В основном молодые мужчины. Мой паспорт им тоже не понравился. У меня потребовали студенческий билет. Когда я стал спрашивать, в чём дело, мне сказали, что на моём паспорте фотография без бороды, теперешняя моя физиономия сильно поросла щетиной. Я объяснил, что решил отращивать бороду. Милиционеры не одобрили это моё решение. И только когда мои товарищи вступились за меня, милиционеры от меня отстали.

После ухода милицейского патруля из здания Морского вокзала, народ полностью пробудился. Уже никто не спал. Люди стали подниматься с пола и бродить по вокзалу. Я тоже не мог уснуть и стал делать записи в своём дневнике.

В семь утра мы пошли в рабочую столовую, где я раньше обедал. Хорошо поев, мы отправились на Приморский бульвар. В рабочий день парк

пустовал. Мы воспользовались этим, нашли уютное местечко, легли на лавочки и заснули под шелест кустов и слабые отголоски прибоя.

В полдень начали продавать билеты на паром. Первый паром уходил из порта в 21 час местного времени. Второй паром должен уходить спустя час после отплытия первого. Работали две кассы. Старший кассир по списку выстраивал людей в живую очередь. Народ, конечно, не хотел, сопротивлялся этому. Находилось очень много умников, желающих влезть в первые ряды. Но здесь такие штучки не проходят. Порядок очереди поддерживался нарядом милиции и солдатами срочной службы. Такое я видел впервые. Солдаты создали коридор и пропускали людей только по списку.

Мы не попали в число уезжающих на первом пароме и ждали, когда продажа билетов на первый паром закончится. Всех посторонних отеснили от касс. Мы издали наблюдали, как народ в бешенстве лез к кассам. Ругань, крик, потасовка. Каждый хотел купить билет на хорошее место. Дехкане ехали с мешками, да не с одним. Их заставляли платить за багаж. Они и слушать об этом не хотели. Многие не знали ни русского, ни азербайджанского языка. Кассиры с ними изъяснялись знаками.

Только через три часа на первый паром закончили продавать билеты. Продали 200 билетов. Из них 80 на палубу. Эти места не пользовались спросом. Эти 80 билетов фактически навязывали. Многие пассажиры отказывались покупать билеты на палубу. На их место хотели взять других, из числа тех, кто поедет вторым рейсом. Но испугавшись, что второго рейса может и не быть, дехкане всё-таки купили билеты на палубу.

В 17 часов начали продавать билеты на второй рейс. Тут ажиотаж у касс был ещё сильнее. Третьего рейса сегодня не будет. А завтра шторм может усилиться и паром опять отменят. Из-за этого давка перед кассами была грандиозная. У администрации Морского вокзала заканчивался рабочий день. Устанавливать порядок в очереди уже никому не хотелось. Солдатики отесняли самых бойких и нетерпимых пассажиров. Они ругались, говорили, что уже давно стояли в очереди, но забыли за кем. Ну, всё было, как всегда. И всё-таки из этой потасовки мы вышли победителями. Нам продали билеты на палубу. Стоимость такого билета 2 рубля 50 копеек. Хотя и надо плыть 300 километров в течение 14 часов, но билеты дорогие. Стоимость билетов внутри корабля в общем зале 3 рубля 60 копеек. Место в каюте первого класса стоит 5 рублей 50 копеек. Получается проезд на пароме дороже, чем на поезде дальнего следования. Но самое плохое, что в поезде за каждым пассажиров закреплено своё место. Здесь же определённое место есть только у пассажиров в каюте. Остальные пассажиры рассаживаются на кресла, которые сумеют занять. А те, кто купил билеты на палубу, вообще могут оказаться без сидячего места. На палубе всего с десятков деревянных скамеек. Остальные пассажиры могут сидеть только на полу. Надо полагать, что те пассажиры, кто уже плавал на таком пароме, знает эти порядки, и каждый из них хочет первым ворваться на корабль, чтобы занять лучшее место. Конечно, мы тогда даже не представляли, какая давка будет при посадке на корабль. Поэтому каждый

день посадка на паром требует помощи солдат срочной службы. И в необходимости этого мы смогли очень скоро убедиться. Погрузку на первый паром мы наблюдали со стороны. Это было незабываемое зрелище. Было такое впечатление, что мы на машине времени перенеслись в Севастополь конца Гражданской войны. Там люди брали штурмом последний эмигрантский пароход. Почти такое же зрелище мы наблюдали при посадке наших соотечественников на паром Баку – Красноводск. После увиденного, мы со страхом думали, что через час и нам предстоит всё это испытать на собственной шкуре.

Так и случилось. Сначала всех, имеющих билеты на паром, собрали у турникета. Затем взвод солдат построился в две шеренги у входа на трап. Народ в накопителе нервничал. Мешочники, а их было две трети всех пассажиров, старались протиснуться вперёд, расталкивая народ перед собой. Как я заметил, каждый мешочник вёз с собой не меньше трёх джутовых мешков. Поэтому он не мог тащить их одновременно. Мешки были очень тяжёлые, и крепкий дехканин мог взять в руки только два мешка. Перемещаться со своими вещами он мог только перебежками «челноком». Сначала тащил два мешка, оставлял их и возвращался за другими двумя. Эти дехкане на самом деле на земле никогда не работали. Они торговали в кишлаках. Едут в большой город. Закупают товар и перепродают его по большей цене. В советской глубинке всё было в дефиците. Вот спекулянты этим и пользовались. А покупали они товар, как говорится, из-под прилавка. Это значит по блату у перекупщиков со склада. Хоть при социализме и велась борьба со спекулянтами, но у того, кто работал в системе, всегда имелись защитники из числа начальников, которые были в доле. Но были и другие мешочники с одним мешком. Это настоящие дехкане. Им удалось вырваться из своего кишлака в командировку или ещё по какой-либо нужде. Соседи и родные дали ему денег купить какую-то обновку ребёнку или жене. Вот он закупил, что мог на весь кишлак. И теперь вёз все свои покупки в джутовом мешке (других больших сумок не было тогда). Этих простых тружеников колхозов сразу можно отличить от спекулянтов. Они скромные на вид, но тоже упёртые: место своё другому не отдадут, да и за своё могут побороться.

Потасовка началась уже у турникета. Тем временем солдаты, милиционеры и работники парома готовились принять на борт взбудораженную толпу. Турникет открыли, и толпа бегом устремила по узкому коридору между шеренгами солдат и милиционеров. Мешочники, взвалив на спину мешок и схватив в руки два оставшихся, бежали первыми. В зубах они держали билет на паром. Контролёр требовал заплатить за лишний груз. Они отказывались. Их выталкивали с парома. Они снова лезли. Толпа давила сзади. Уйти с трапа они уже не могли и их пропускали с мешками на борт. Пройдя контроль, мешочники устремлялись в пассажирский зал. Там спешили занять места с краю, где можно было разложить свои мешки. Но не все мешочники могли в один заход унести свои мешки. Некоторые, притащив два мешка и бросив их на трап, бежали за остальными. На трапе из-за мешков,

валявшихся под ногами, начиналась давка. Тогда солдаты, распихивая всех, прорывались к этим мешкам и стаскивали их с трапа, очищая проход. Но народ сзади напирал всё сильнее. Женщины хватались за мужчин и кучей шли на штурм трапа. Капитан парома кричал в рупор, чтобы навели порядок у трапа. Но озверевший народ всё напирал и напирал. Наконец, контролёров отёрли в сторону, и толпа ринулась вперёд, сокрушая всё на своём пути. Солдаты сомкнули ряды, не подпуская никого к трапу. Контролёры опять заняли свои места и «посадка» продолжилась.

Мы дружно шли вперёд плечо к плечу. Но у самого трапа толпа разбросала нас по сторонам. Наши большие рюкзаки за спиной мешали нам двигаться вперёд. За них цеплялись слабые женщины, и мы их тащили, как на прицепе. Толпа напирала и несла нас по трапу на паром.

Контролёр показал нам проход на палубу. Мы поднялись туда по узкой лестнице. Все лавки были уже заняты. Да мы на них и не претендовали. Как и многие другие, мы устроились на полу, подстелив клеёнку и одеяло.

Скоро крики у трапа прекратились. Видимо, все пассажиры вошли на борт корабля. Капитан приказал отдать концы. Пароход дал три протяжных гудка, и мы поплыли в темноту. Было уже около полуночи. Народ на палубе кутался в одежды. Ветер крепчал. Портовые огни отдалялись всё больше и больше. Корабль слегка покачивался. Двигатели монотонно шумели. Суэта на корабле закончилась. Пассажиры, наконец, расселись по местам. Валера Лисицын пошёл в пассажирский салон набрать воды. Он долго не возвращался. Мы уж стали думать: не случилось ли что? Но вот он появился с полным котелком воды. Рассказал нам, что на весь огромный салон в сто пассажиров работает только один туалет. Пришлось отстоять огромную очередь. Валера долго возмущался тем, что сама администрация порта стимулирует беспорядки при посадке на паром. Вот, если бы каждый билет соответствовал определённому месту, как в самолёте или поезде, то такой давки никогда бы не было. Пассажиры в этом случае не пёрли бы вперёд, расталкивая других. Каждый знал, что его место не займут. А тут в пассажирском салоне мягкие кресла, как в самолёте, а номеров на них нет. Кто успел, тот и сел на лучшее место. Даже пассажиры с палубы пытались занять места в салоне. Если бы были пронумерованы места, то не пришлось прибегать к помощи солдат и милиции. Но мы с Андреем Екимовым возражали Лисицыну. Утверждали, что дело здесь не в номерных билетах, хотя это тоже важно. Дело в государственной системе управления. Во всех сферах экономики и в повседневной жизни создаётся искусственный дефицит, который кормит чиновников и отвлекает простых людей на борьбу за выживание. Чем больше человек занят устройством своего быта, тем меньше он думает о политике.

Так мы рассуждали, лёжа на палубе и смотря в темноту над головой. От монотонного рокота двигателя и плавного покачивания тянуло ко сну. Мы прекратили спорить, оставаясь каждый при своём мнении. Поудобнее укрылись одеялом и заснули.

ГЛАВА II

Утром нас разбудила общая суета. Пассажиры в куртках стояли на палубе, держась за фальшборт. Взоры всех людей были направлены в одну сторону – на восток. Там в туманной дымке вставало солнце.

Корабль качался на волнах. То подымался вверх, то носом плавно клевал вниз. Это обстоятельство осложняло движение по палубе. Но народ упорно всматривался вперёд. Туда, где на чёрном горизонте сквозь розовый туман пробивались первые солнечные лучики. Туман потихоньку рассеивался, и ярко-красный солнечный диск плавно выползал из чёрной бездны моря. Он увеличивался, становился всё ярче и скоро ослепительно засиял, отделив чёрную гладь моря от отливающего синевой горизонта.

Шторм успокоился. Но волны ещё пенились бурунами, блестящими под утренними лучами солнца, то розовым, то белым отливом. Полубовавшись восходом солнца, народ стал расходиться. Мы тоже сели на свою подстилку, находившуюся в носовой части палубы под навесом. Это место палубы называется полубаком. Там мы сидели, укрывшись одеялом. Периодически мы вставали и проходили в переднюю часть палубы: на бак. Там не разрешалось находиться, но нас никто не останавливал и мы наслаждались прекрасными морскими видами. Но холодный ветер не давал нам там долго задерживаться, и мы снова возвращались на свои места и согревались под одеялом.

Через несколько часов на палубе снова появился народ. На горизонте показалась полоска суши. Скорей всего это полуостров Челекен, окаймляющий с юга Красноводский залив. Паром приближался к берегу. Вот показалась большая гора тёмно-коричневого цвета. Корабль входил в Красноводский залив. Люди засуетились. Стали собираться. Мы тоже последовали их примеру.

Когда наши рюкзаки были уложены, мы подошли к борту и стали искать глазами город Красноводск (теперь он называется Туркменбаши). Но сколько мы не всматривались, кроме огромной коричневой скалы, мы ничего не видели. Паром подплывал всё ближе к берегу. Стали заметны какие-то одноэтажные постройки и пристань с длинным одноэтажным домиком, похожим на большой барак.

Первое поселение в районе нынешнего Красноводска появилось в 1869 году. На диком берегу Каспийского моря русская экспедиция во главе с подполковником Н.Г.Столетовым построила деревянную крепость и основала здесь небольшое поселение. В 1896 году здесь был построен морской порт с морским вокзалом в мавританском стиле. В годы Гражданской войны это сооружение подверглось артиллерийскому обстрелу, и было разрушено. В начале XX века, со строительством Закаспийской железной дороги, связавшей главные города Средней Азии, город Красноводск начал стремительно развиваться. Кстати, своё название Красноводск получил от местечка Кызыл-Су (Красная вода). Это из-за того, что высокие бурые скалы отражались в водах залива красным цветом. С развалом СССР в 1992 году название города

меняется. Город стал называться Туркменбаши. В честь первого президента Туркменистана С.Ниязова. Слово означает «отец всех Туркменов».

Тогда же в 1968 году город Красноводск был началом всей Среднеазиатской железнодорожной магистрали. Железнодорожный вокзал находился в центре маленького уютного городка, расположенного в 15 километрах от морского порта. Только в 1970-х годах морской порт соединили с железнодорожной магистралью, и паромная переправа стала возить железнодорожные составы.

Паром входил в порт, отмеченный длинным бетонным причалом, порталными кранами и одноэтажными складскими помещениями. Пассажиры со своими баулами, мешками и сумками наперевес заполнили все проходы на корабле. Паром медленно шёл на швартовку.



Фото № 3. Андрей Екимов член нашей экспедиции. Город Красноводск привокзальная площадь. 20 августа 1968 года.

Выгрузка пассажиров проходила спокойно. Особо никто никого не толкал. Но, зато сразу после выхода из здания морского порта, народ, как бешеный помчался к автобусной остановке. Там уже стояли три маленьких автобуса. Старомодные (даже по тем временам) малогабаритные автобусы ПАЗ Павловского автобусного завода им. Жданова (г. Горький) имели всего 28 посадочных мест. В них набилось до 50 человек с мешками и огромными сумками. 50 человек, в том числе и мы, так и не смогли туда влезть. Водители автобусов кричали пассажирам, чтобы они потеснились с тем, чтобы дать возможность втиснуться оставшимся на остановке женщинам. Кондуктор из открытого окна кричал нам, мол, что стоите? Других автобусов не будет. Мы начали втискиваться в автобус. Снаружи нас подталкивал шофёр. После двух попыток мы всё-таки втиснулись в переполненный автобус. Кондукторша с необыкновенной ловкостью протискивалась между прижатыми друг к другу пассажирами и продавала билеты. Один билет до города Красноводск стоил 10

копеек. Пока все пассажира не были «обелечены», автобус не тронулся с места. Все пассажиры томились в страшной духоте, накрепко прижатые друг к другу. И вот, наконец, водитель влез в кабину, и автобус поехал по дороге, оставляя за собой густые клубы пыли. До города было всего 15 километров, но мне показалось, что мы ехали несколько часов. На грунтовой дороге автобус жутко трясло. Людей подбрасывало и раскачивало в разные стороны. Обливаясь потом, народ, молча, терпел все эти неудобства.

Наконец автобус остановился. Кондуктор потребовала, чтобы освободили дверь, а то она не откроется (двери открывались «гармошкой» внутрь). Народ начал шевелиться, силясь отодвинуться от двери. Дверь открылась, и люди начали буквально вываливаться из автобуса. Но у железнодорожного вокзала выходили не все. Почти треть пассажиров поехали до конечной остановки: Автовокзал. Нам же надо было купить билеты до Ашхабада на поезд Красноводск-Ташкент. Из столицы Туркмении начиналась наша поездка в пустыню Кара-Кум на рудопроявление Серные Бугры.

Здание железнодорожного вокзала находилось в центре Красноводска. Отсюда начиналась Среднеазиатская магистраль, протяжённостью в 6199 километров. Эта дорога начала строиться ещё в 1905 году и ко времени Октябрьского переворота (1917 год) уже соединяла Среднюю Азию с Сибирью.

В 1960-х годах Привокзальная площадь была центром города Красноводск. Само здание вокзала, первоначально построенное в начале XX века, было одно из красивейших на всей железнодорожной магистрали. Сохранились фото того периода. Но во время Гражданской войны город Красноводск подвергся сильному артиллерийскому обстрелу. Красноармейцы не щадили ничего. Город оставался в руинах долгое время. В 1930-х годах построили новое здание железнодорожного вокзала. Оно было одноэтажное, но монументальное, сталинской архитектуры. С гербом Туркмении на фасаде. Здесь же на Привокзальной площади находилось и второе монументальное сооружение: дом культуры. Это трёхэтажное здание в восточном стиле (фото № 3) с барельефом Ленина на фасаде. Все остальные постройки города уступали этим двум сооружениям своей скромностью. После отделения Туркменистана от СССР город Туркменбаши перестроился полностью. Стал современным и очень красивым.

Тогда же в 1968 году из Красноводска раз в сутки отходили два пассажирских поезда. Один утром шёл до Ашхабада, другой вечером следовал в Ташкент. На ашхабадский поезд мы уже опоздали. У касс выстроилась огромная очередь за билетами на поезд Красноводск-Ташкент. Этот поезд отходил в 19 часов московского времени. Разница с московским временем здесь составляла уже плюс два часа.

Пока мы стояли за билетами на поезд, я изучил наш маршрут и узнал стоимость билетов. Билет до Ташкента в общем вагоне стоил 17 рублей. Время в пути 26 часов. Расстояние 1823 км. Билет до Бухары в плацкартном вагоне стоил 11 рублей. Время в пути 14 часов. До Ашхабада нам ехать 576 км. Время в пути 8 часов 30 минут. А стоимость билета в общем вагоне поезда 6 руб. 50

коп. На троих на дорогу выходило 19 рублей 50 копеек. Это треть нашего экспедиционного аванса. А нам ещё надо лететь на самолёте в Дарвазу туда и обратно и до Караганды почти 2 тыс. километров. А нам после Дарвазы надо посетить ещё 3 месторождения и отправить отобранные образцы в Москву. Нашего аванса ни на что не хватит. Поэтому мы решили взять билет до первого большого посёлка. Такой станцией на нашем пути был Бельбек. Ехать до него около двух часов. К этому времени стемнеет, и мы сможем спрятаться на третьей полке от проводника. Стоимость одного билета до Бельбека всего 1 руб. 40 копеек. Вполне сносно. Ну, а если всё пройдёт нормально, то перед Ашхабадом мы возьмём у приехавших пассажиров билеты от Красноводска до Ашхабада и приложим их к нашему авансовому отчёту.



Фото № 4. Город Бухара крепость Арк. 30 августа 1968 года.

Валера Лисицын и Миша Борисов ехали посмотреть достопримечательности Бухары. Оттуда они намеревались поехать на экскурсию в Самарканд. То есть у них были другие цели и имелись деньги на эти цели. Им ещё во время нашей геологической практики родители прислали деньги на эту экскурсионную поездку. Поэтому они взяли плацкартный билет до Бухары. Красивейшего города Средней Азии. Мы тоже мельком его видели.

До отхода поезда было ещё долго, и мы решили посмотреть достопримечательности города Красноводск. Мы пошли гулять по городу, а заодно поискать столовую и там пообедать.

Город оказался очень маленьким и совершенно лишён архитектурных достопримечательностей. Мы сначала пошли на автовокзал. Там была недорогая столовая. Перекусив, мы пошли на улицу, где слышалась музыка и заунывные национальные песни вырывались из висящего на столбе громкоговорителя. На этой узкой улочке было на редкость многолюдно. И скоро нам стало ясно почему. Эта улица упиралась в небольшую базарную площадь. Был вторник 20 августа. А вторник здесь не базарный день. Поэтому

столы и лотки, расставленные на площади, пустовали. Но всё-таки кое-где что-то продавали. У самого входа на базар стоял большой тандыр и один туркмен в белом халате, одетом поверх своего национального «дона», доставал из него горячие лепёшки раскладывая их на противень и кричал во всё горло:

«Оби-нон, патыр, катлама!»

Вокруг него собирался народ. Все жаждали купить горячий хлеб. Что он кричал, мы позже узнали. Это так назывались на местных языках лепёшки, выпекаемые в специальной печи - тандыре.

Но не этот продавец лепёшек удивил нас. На рынке нас просто поразило другое зрелище. По улице в сторону рынка шёл туркмен в распахнутом халате «доне», в мягких сапогах (ичигах) с калошами. На голове у него красовалась огромная папаха из бараньего меха. Он гордо шёл, заложив руки назад. А за ним в двух шагах шли три женские фигуры в паранджах с головы до пят. Они семенили за своим хозяином, застенчиво, согнувшись. А на голове каждая несла огромный тюк. Несли они свой груз так, что казалось, что эти тюки привёрнуты шурупами к их головам. Они совершенно не поддерживали тюки руками. Женщины спокойно перешагивали через канаву, и груз даже не шевелился на их головах.

Я так обалдел от таких цирковых трюков, что хотел сфотографировать этих женщин и их хозяина (мужа). Достал фотоаппарат. Но тут их муж туркмен так посмотрел на меня ненавидящим взглядом, что я не посмел это сделать. По бородатенькому лицу туркмена я мог судить, что ему от силы лет сорок, а он уже имеет трёх жён (а может и больше). Вот тебе и социализм.

На окраине города, которая находилась в 20 минутах ходьбы от центра, мы увидели совсем другую картину. Грязные улочки с маленькими саманными домиками. Некоторые из них были обнесены невысокими дувалами. Возле саманных домов спокойно расхаживают верблюды. Полуголые босые мальчишки играют в кости. Здесь уже живёт простой народ. Дальше улица уходит в безлюдную полупустыню с редкой растительностью в виде верблюжьей колючки. Мы поняли, что попали в совсем другой мир. Пока мы только слегка соприкоснулись с ним, а дальше нам придётся в нём жить.

В другой стороне города мы увидели большую мусульманскую мечеть или медресе, обнесённую высоченным забором из необожженного кирпича. Это, пожалуй, было, самое экзотическое сооружение города.

Наши вещи лежали в камере хранения. Мы не были ими обременены. И нам хотелось поехать к заливу и искупаться в Каспийском море. Мы ведь ехали в пустыню. Когда ещё придётся искупаться? Однако, местные жители, плохо говорившие по-русски, объяснили нам, что возле города купаться нельзя. Вода возле порта очень грязная – вся в нефтяной плёнке. Местные жители уезжают купаться далеко от города (за 18 км.). Они называли место, куда каждый день едет автобус. Но автобус ходит туда только утром и поздно вечером. Поэтому мы возвратились на железнодорожный вокзал и там стали дожидаться своего поезда.

Поезд пришёл без опоздания. Народ рассаживался по вагонам, не торопясь. Общих вагонов было три. Всем места хватило. В вагоне два проводника. Первый - на входе проверил билеты. Второй - в тамбуре спросил, куда мы едем. Мы сказали, что в Ашхабад. Он билет не потребовал. Поверил на слово.

В вагоне мы забросили наши рюкзаки на третью полку, и пошли в плацкартный вагон проведать ребят. Они устроились хорошо. Купили постель и уже готовились ко сну. Мы сказали им, чтобы они попросили у соседних пассажиров, ехавших до Ашхабада, билеты для нашего авансового отчёта. Что мы взяли билет до Бельбека, а не до Ашхабада, ребята знали, и беспокоились за нас. Как бы нас раньше времени не высадили.

Мы пошли в свой общий вагон. Там уже проводник проверил билеты у пассажиров, и мы преспокойно забрались на третьи полки к нашим рюкзакам и завалились спать.

Часа через полтора мы сквозь сон слышали, как проводник ходил по вагону и спрашивал всех, кто до Бельбека – выходите. Проводник искал нас, но не нашёл. Мы моча лежали на своих третьих полках и молчали. Когда проехали станцию Бельбек, проводники успокоились и сами пошли спать. Мы тоже облегчённо вздохнули и погрузились в глубокий сон.

Утром чуть было не проспали свою остановку. Проводник шёл по вагону и зычно объявлял: «Ашхабад, Ашхабад».

Мы вскочили, как угорелые. Спрыгнули с третьей полки, схватили свои вещи в охапку и побежали в плацкартный вагон к своим товарищам. Лисицын и Борисов мирно спали на своих полках. Их соседи выходили в Ашхабаде. Они уже собрались выходить. Свои билеты по нашей просьбе они аккуратно положили на столик. Валерка и Мишка проснулись от наших голосов. Спрыгнули на пол. Мы попрощались с ними, и пошли к выходу из вагона.

В Ашхабаде было шесть утра местного времени. Народу на вокзале было много. Все скамейки были заняты. Мы вышли на Привокзальную площадь и устроились в скверике на скамейке под фонарями. Ночь была тёплая. Хотелось спать. Но нам надо было ехать на автовокзал. Мы надеялись узнать там ходят ли автобусы или какой-нибудь другой транспорт в посёлок нефтяников Дарвазу, что в центре Каракумов.

Нашей целью было посещение месторождение самородной серы «Серные бугры». Это месторождение находится в самом центре огромной пустыни Каракумы в 266 километрах к северу от Ашхабада. Это месторождение из-за своей труднодоступности практически не исследовано. Являясь первым Советским рудником по переработке серы (в 1927 году), оно эксплуатировалось всего несколько лет. Причиной тому послужила нерентабельность добычи серы. В центре Каракумов был построен Серный завод. Все материалы и оборудование завозилось туда караванами верблюдов и лошадьми. Огромные котлы и автоклавы везли на подводах, запряженных шестёрками лошадей. Здание завода строилось из местных песчаников без цементного раствора. Плохо обработанные камни скреплялись гипсовым

раствором. Гипс в огромном количестве имелся на месторождении, но не добывался, а сбрасывался в отвал. Добываемую ручным способом серу помещали в автоклав и нагревали до 150 градусов при помощи перегретого пара. Переработка серы требовала очень много воды и дров. Воду на Серный завод привозили из близлежащего кишлака Беркури, где были колодцы с солоноватой водой. Воды требовалось много и колодцы стали истощаться. На дрова рубили саксауловые рощи, что были в 80 километрах от месторождения. Был загублен уникальный оазис в пустыне Каракумы. Выплавленная сера доставлялась в Ашхабад в тюках на верблюдах. Хоть каракумская сера и была очень чистой (сравнима с итальянской), но очень уж она дорого доставалась. Поэтому вновь открытое месторождение самородной серы Шор-Су, вблизи города Коканд, стало эксплуатироваться уже в начале 1930 года. Затем Серный завод был построен на Гуардакском месторождении. Позже серу стали получать попутно при переплавке медной руды.

По сути, месторождение «Серные бугры» или «Серный завод» (второе название) эксплуатировалось всего года четыре. Геология месторождения не была изучена. Образцы самородной серы из этого месторождения имелись только в минералогическом музее им. Ферсмана. Эти красивые образцы серы перешли в музей вместе с коллекцией Ферсмана.

Александр Евгеньевич Ферсман (1883-1945) – светоч геологической науки, посетил месторождение «Серные бугры» в 1925 году. Пробыл на нём очень недолго, но сумел отобрать красивейшие (внешне) образцы самородной серы. Ферсман подверг критике версию вулканического происхождения серы на этом месторождении. Он предположил, что сера здесь образовалась в зоне выветривания, т. е. имеет химогенно-осадочный генезис. В зоне выветривания им были найдены опалы – результат накопления гидратов кремнекислоты. Мнение великого учёного никто не опровергал. Но существует и другая точка зрения – гидротермальная.

Минералогические музеи МГРИ и МГУ очень хотели иметь в своих коллекциях образцы самородной серы из месторождения «Серные бугры», поэтому надеялись на нашу удачливость.

И вот мы добрались до исходного места своего первого маршрута. Теперь надо было выбраться в центр Каракумов. Мы приехали на автовокзал и начали узнавать у местных жителей, как добраться до Дарвазы. В администрации автовокзала нам сказали, что в посёлок нефтяников Дарваза наземный транспорт не ходит. Туда летают только самолёты и то спецрейсом. Нам посоветовали обратиться в Главное Геологическое Управление Туркмении, которое находится на улице Свободы. Так мы и сделали.

В полевой амуниции, с рюкзаками за спиной вошли мы в большое здание Геологического Управления. Поднялись на второй этаж. Хотели пройти прямо в кабинет главного геолога. Но не тут-то было. Нас остановила секретарь. Мы вкратце объяснили ей суть вопроса. Шикарно одетая женщина средних лет, сказала нам, что с этими вопросами к главному геологу республики не обращаются. Она вызвала старшего геолога управления и просила его помочь

нам добраться в центр пустыни. Вызванный ею геолог позвал нас в свой кабинет и стал смотреть наши бумаги с просьбой о содействии, подписанные деканами Геологических факультетов.

Просмотрев наши бумаги, геолог весело на нас посмотрел и спросил:

«А кто из вас учится во МГРИ?»

Я ответил, что учусь на геологическом факультете по специальности Геологическая съёмка и поиск полезных ископаемых. Тогда геолог поинтересовался как здоровье Валентина Николаевича Павлинова. Спросил, что он до сих пор возглавляет институт? Я ответил, что с 1964 года у нас ректор института Дмитрий Петрович Лобанов, а Павлинов сейчас декан геологоразведочного факультета. Затем вспомнили о нашем преподавателе структурной геологии Кизевальторе Дмитрие Сергеевиче (1912-1987). Я сказал, что он наш «классный папа» и мы все его очень уважаем.

Оказывается, старший геолог главного управления Фёдоров Валентин Павлович (с кем мы вели беседу) в 1963 году окончил МГРИ. Он учился на Геологоразведочном факультете по специальности разведка месторождений. Сам он москвич, а сюда попал по распределению.

От воспоминаний перешли к делу. Валентин Павлович сказал, что всеми делами, связанными с нефтеразведкой, в Дарвазе занимается Каракумское Геологоразведочное Управление. Оно находится в посёлке Анау в 11 километрах от Ашхабада. Туда ходит автобус через каждые два часа. В ГРУ есть транспорт, и они вам помогут добраться до Дарвазы. Месторождение Серные бугры давно не эксплуатируется, но там ведутся буровые разведочные работы, и местные геологи наверняка помогут добраться до Серного завода.

«Я вам тут записочку напишу главному геологу Каракумской ГРУ Оленину, кстати, тоже наш Мгришник» - говорил Валентин Павлович – «Он мужик хороший, наверняка поможет своим коллегам из альма-матер».

Фёдоров достал лист бумаги и написал короткую записку, обращаясь к Оленину на «ты». Видимо, они давно знали друг друга. Прощаясь с нами, Валентин Павлович велел передать привет от него Минаеву Александру Евгеньевичу – доценту кафедры минералогии. Они раньше с ним дружили.

В хорошем расположении духа выходили мы из здания Главного Геологического Управления. Нам тогда очень повезло. В 1968 году чиновники геологической службы ещё не были так «забюрокрачены», как уже в середине 1970-х. Геологическая солидарность тогда процветала.

Прежде чем отправиться в Каракумское ГРУ, мы поехали на главпочтамт отправить корреспонденцию в институт. Ещё в июне мы условились сообщать о нашем передвижении в деканаты МГРИ и МГУ. Там в секретариате ответственные товарищи следили за работой всех экспедиционных групп и, в случае особой нужды, могли оказать нам посильную помощь. В данном случае наши дела продвигались нормально, и мы только сообщили место нашего нахождения и ближайшие планы добраться до месторождения Серные бугры.

Автобус до посёлка Анау отходил в 14 часов. Народу было полно. Благо ехать недалеко. ГРУ размещалось за высоким кирпичным забором. В

двухэтажное здание с Советским флагом над крыльцом входили пассажиры прибывшего автобуса. В 14 часов 30 минут заканчивался обеденный перерыв и работники ГРУ, приехавшие из Ашхабада, занимали свои рабочие места.

Мы подошли к секретарю начальника Геологического управления. Спросили, как попасть к главному геологу. Нас послали на второй этаж в кабинет № 21. У кабинета толпился народ в комбинезонах и штормовках. Только что закончилось собрание, и народ обсуждал между собой какие-то производственные вопросы. Секретарь главного геолога просила нас немного подождать. Мы сняли рюкзаки и встали в сторонку. Скоро секретарь позвала нас в кабинет.

Я достал из полевой сумки наши рекомендательные письма и записку от Фёдорова. Мы прошли в просторный кабинет, большую часть которого занимал огромный стол, покрытый зелёным плюшем. Возле стола стояли стулья. Молодой человек в чёрном пиджаке и галстукке придвигал стулья к столу, освобождая проход. Видя нас, он пригласил нас сесть и спросил по какому мы вопросу к нему. Я протянул ему письма из деканата и записку от Фёдорова. Оленин взял письма и начал читать записку. Быстро пробежал её глазами и спросил:

«Ну как, жив, здоров Валентин Павлович?»

Я ответил, что он в полном здравии. После этого Оленин углубился в чтение наших бумаг. Прочитав письма наших деканов, Оленин стал меня расспрашивать, как там поживает наша альма-матер. Он помнит всех преподавателей с геологоразведочного факультета. С особой теплотой отзывался он о Баштакове Дмитрие Николаевиче. Он был у них «классным папой». Оленин Алексей Петрович окончил факультет техники разведки.

После трогательных воспоминаний о нашем институте, Оленин посмотрел на часы и сказал, что сейчас пригласит к себе в кабинет очень знающего человека. Он взял трубку внутреннего телефона и попросил какого-то Володю зайти к нему в кабинет. Буквально через минут пять в кабинет главного геолога вошёл атлетически сложенный человек с загорелым лицом и рыжими усиками. Оленин познакомил нас с ним.

«Дубков Владимир Николаевич» - представил нам его главный геолог – «Без пяти минут кандидат наук. Самый главный буровик у нас в управлении».

«Ну ладно, не вводи меня в краску, Алёша» - пробасил Дубков.

Владимир Дубков долгое время работал главным геологом на газово-конденсатном рудопроявлении Дарваза. Он там всех знает и сам был на серных буграх. Он сказал, что если там покопаться, то можно добыть красивые образцы самородной серы. Дубков сказал, что по приезде в Дарвазу, нам надо отыскать главного геолога - Кузнецова Яна Абрамовича. Это его бывший зам. Мужик он очень хороший и всегда поможет во всём. Обеспечит транспортом и жильём на время нашей командировки. На участке Серный завод ведутся буровые работы. Там командует парадом старший геолог участка Рахман Батыров. Он тоже поможет с ящиками для образцов и даст ветоши, чтобы камни хорошо упаковать. Узнав, что наш дальнейший маршрут за минералами

лежит по дорогам Узбекистана в Султановый Уездаг, Дубков сказал, что из Дарвазы в Ташауз иногда летает спецрейс. Кузнецов водит дружбу с летунами. Они частенько на охоту и рыбалку на Амударью летают. Можно попытаться в Ташауз прямо из Каракумов перелететь. Это намного короче будет, чем на поезде кругля давать. А чтобы все наши рассуждения закрепить, Дубков взял листок бумаги и написал письмо главному геологу Кузнецову. Письмо длинное, подробно расписал, как нас устроить и помочь в сборе образцов. В конце письма Владимир Николаевич приписал:

«Ян, прошу тебя при первой возможности или невозможности отправь ребят в Ташауз любым транспортом».

Что касается нашей отправки на Серный завод, Оленин сказал, что каждый день туда из Ашхабада летают 9 рейсов. Эти самолёты возят туда и в Дарвазу воду техническую и питьевую. Каждый самолёт берёт на борт 2 тонны воды. А лететь 216 километров в одну сторону. Дорого же обходится разведка газового месторождения. Зато сейчас это месторождение одно из самых крупных в Азии. Оленин достал из стола бланки билетов на самолёт. Отрезал три бланка, поставил свою подпись и написал на каждом наши фамилии. Затем поставил на каждом билете печать ГРУ и сказал:

«Вот вам билет на самолёт из Ашхабада до Серного завода. На каждом билете написано: выписан по документу № В1299 – это значит, что за него вам не надо платить. Вы летите за счёт нашего отдела Глубокого бурения. С этими билетами вы поедете в аэропорт. Там на втором этаже найдёте кабинет № 8. В этом кабинете сидит наш снабженец. Его фамилия Дурды. Он занимается отправкой оборудования и геологов в буровые посёлки Серный завод и Дарваза. Подойдёте к нему и скажите, что вам нужно лететь. Не распространяйтесь, откуда вы и зачем летите. Это не его дело. Как только прилетите в Серный завод, пойдёте к Батырову. Он вам всё расскажет и покажет. Поможет добраться до Дарвазы. А по приезде в Дарвазу, сразу идите в ГРП к Кузнецову. Он вам обязательно поможет. Ну, счастливо вам!»

Мы горячо поблагодарили геологов за помощь и счастливые пошли к остановке автобуса. Фортуна явно благоволила нам. Теперь нам надо было поехать в аэропорт и договориться о поездке в Дарвазу.

Аэропорт находился очень близко от центра города. Туда ходили автобусы от железнодорожного вокзала. Было уже 17 часов местного времени, когда мы приехали в аэропорт. Мы боялись опоздать. Как бы этот снабженец Дурды не ушёл домой. И наши опасения были не напрасны. Дурды мы поймали буквально в дверях его кабинета. Толстый туркмен в белых брюках и в рубашке-тенниске уже собрался уходить. Володя Горбунов буквально отловил его возле дверей. Мы показали ему наши билеты. Он с некоторым недовольством выслушал нас, забрал наши билеты и ушёл куда-то, велел его подождать у входа в аэропорт.

Мы сели на скамеечку возле квасной бочки. Несмотря на вечер, было очень жарко. Хотелось пить. Пришлось купить по кружке кваса. Пол-литровая кружка стоила 5 копеек. Тогда, как стакан газированной воды с сиропом стоил

4 копейки. Правда, без сиропа стоил 1 копейку. Ждали Дурды мы не долго. Он сказал нам, что на последний сегодняшний рейс нас посадить не удалось. Он улетает через час и на его борт уже погрузили буровые трубы. Улететь можно только завтра любимым рейсом. Мы попросили, если можно улететь первым рейсом. Он удивился и сказал, что первый рейс будет в 5 часов 30 минут. Мы сказали, что согласны лететь так рано. Но его в аэропорту не будет и нам самим придётся подойти к самолёту с выписанными на нас билетами. Дурды сказал Володьке, чтобы он вместе с ним пошёл в администрацию аэропорта за билетами. Через полчаса они вернулись. Билеты были оформлены. Дурды объяснил, куда идти на посадку. Предупредил, что если мы опоздаем, то ждать нас никто не станет. Мы поблагодарили Дурды за помощь, и он ушёл.

Было около шести вечера. А мы ещё не ели. Решили пойти в столовую в здание аэропорта, пока её не закрыли. Поели неплохо, но дорого. Вышло по рублю на человека. Все наши расходы и приходы я записывал в отдельный блокнот. У нас издавна повелось: во всех поездках меня выбирали казначеем. Видимо, потому, что я мог не поддаваться соблазнам потратить деньги на пустяки и рассчитать наши траты на несколько дней вперёд.

После похода в столовую до завтрашнего отлёта у нас оставалось масса времени. И чтобы не сидеть просто так в аэропорту, мы сдали свои рюкзаки в камеру хранения, которая работала круглосуточно, и поехали осматривать достопримечательности города Ашхабада.

По сути, говоря Ашхабад, был новым городом. Старый Ашхабад был полностью разрушен во время страшного десятибального землетрясения. Трагедия, случившаяся 6 октября 1948 года, унесла более 100 тысяч человеческих жизней и не оставила ни одного целого здания. После землетрясения город был отстроен заново. Но он уже не был так красив, каким он был раньше. Старый город был основан в 1881 году (в год убийства царя Александра II). В то время на месте будущего города стоял маленький кишлак под названием Асхабат. Что в переводе с тюркского значит «Любимый город». Город Ашхабад становится центром всей Закаспийской области Царской России. Уже в 1889 году Ашхабад соединяется железной дорогой с Ташкентом. В городе строятся красивейшие административные здания в восточном стиле, драмтеатр, железнодорожный вокзал и т. д. Во время Гражданской войны в черте города велись ожесточённые бои. Но особых разрушений не было.

После землетрясения 1948 года десятки строительных бригад по комсомольским путёвкам приехали восстанавливать город. В 1962 году в связи со строительством Каракумского каанала (который в последствие обезводил всё Аральское море), в Ашхабад на комсомольскую стройку приехали тысячи строителей. Город пополнился молодёжью. Появилось множество развлекательных центров, парков и скверов. Вода из Каракумского канала пошла на полив деревьев, городских садов, фонтанов и т. д. После распада СССР в 1992 году город Ашхабад переименовывают в Ашгабад. Президентом Туркменистана становится Сапармурат Ниязов, объявивший себя «Туркменбаши» (глава всех Туркмен). При Ниязове город, ставший столицей

Туркменистана, полностью перестраивается. Столица становится монументальной и белокаменной. Облицована белым мрамором. Сегодняшний Ашгабад включён в Книгу рекордов Гиннеса, как самый беломраморный город в мире. В городе 543 новых здания, облицованных белым мрамором. Ашгабад – это город фонтанов, огромных монументов Тукменбаши, зелёных скверов на границе с величественной пустыней Каракумы.

Мы погуляли по вечернему Ашхабаду и возвратились в аэропорт. Взяли свои рюкзаки из камеры хранения, сели на скамеечку и стали дремать. Чтобы не проспать на самолёт, мы установили дежурство по два часа. Воспользовавшись этим, я сел писать свой дневник. В то время, как ребята мирно посапывали, лёжа на своих скамейках.

Рано утром нас с Андреем разбудил Володя. Было ещё темно. Только фонари подсвечивали проход на взлётную полосу. У ограждения нас остановила дежурная диспетчер. Мы показали ей билеты. Она сказала, что наш спецрейс ещё заправляется водой. Как только самолёт заправят, она нас отведёт к нему.



Фото № 5. Володя Горбунов – член нашей экспедиции у самолёта ЯК - 12 в центре пустыни Каракумы. Август 1968 года.

На аэродроме было очень тихо и темно. Только отдельные огоньки мигали зелёным цветом. Диспетчер включила свою рацию и спросила, что там с заправкой. Хриплый голос сквозь помехи сказал, что всё нормально. После этого ответа диспетчер повела нас к самолёту.

Это был двухмоторный самолёт типа АН – 2, но переоборудованный под перевозку воды. В пассажирском салоне вместо сидений размещались два

огромных бака. Между ними узкий проход и маленькая лавка на два человека в передней части салона. На неё мы еле втиснулись втроем. Когда мы уселись, из кабины пилота высунулась голова в шлемофоне и спросила нас, как мы устроились и застегнули ли мы ремни. Лётчик пожелал нам счастливого полёта и закрыл дверь кабины самолёта. В салоне горела всего две тусклых лампочки. Мы пытались заглянуть в иллюминатор, но за бортом была крошечная темнота.

Самолёт долго вырубивал на взлётную полосу и, наконец, остановился, как бы в нерешительности. Затем двигатели заревели, самолётик затрясся и понёсся вперёд. Мы не видели, но почувствовали, как самолёт оторвался от земли и мы полетели. Сидя спиной к иллюминатору, мы не могли видеть огни Ашхабада. Отстёгиваться мы не стали. Мерный гул двигателя и полутьма салона располагали к дремоте. Как мы ни старались, сонливость победила. Мы проспали весь полёт и только, когда самолёт начал делать вираж для захода на посадку, нас разбудил яркий луч света, вырвавшийся из темноты. Это были лучики восходящего солнца. В иллюминаторе напротив нас показалась тонкая полоска света, разделившая черноту горизонта на землю и небо.

Самолёт пошёл на посадку. Сели очень мягко, почти незаметно. Как только стих звук двигателя, кабина пилота открылась и оттуда вышли пилот и штурман. Они спросили нас, как чувствовали себя во время полёта. Мы ответили, что весь полёт проспали. А лёту сюда час с небольшим.

Лётчики открыли салонную дверь, приставили лестницу, и мы, взвалив на себя рюкзаки, благополучно спустились на землю. Здесь уже суетились рабочие. Они присоединяли шланги к огромной цистерне, закопанной в песок. Самолёт как раз подрулил к фонарику, указывающему местоположение цистерны. Он привёз две тонны питьевой воды. Отсюда вода перекачивается в посёлок буровиков, находящийся всего в 200 метрах от аэропорта.

Мы находились в самом центре пустыни Каракумы. Но никакой необыкновенной торжественности от этого факта не ощущалось. Люди вокруг нас занимались своей привычной работой. Диспетчер - туркмен, как ни в чём небывало болтал на своём языке с шофёром, приехавшим нас встречать. Мы стояли у самолёта в полутьме и смотрели на восток, где только разгоралась утренняя заря. Тёмная синь неба на горизонте начинала просветляться.

Андрей робко спросил у диспетчера, как нам попасть в посёлок буровиков? Диспетчер что-то сказал шофёру на их языке. Тот вылез из уазика, взял наши рюкзаки, положил их в машину и сказал нам, чтобы мы садились. Шофёр спросил, куда нас везти. Я сказал, что нам надо в посёлок к Батырову. Мы уселись и приготовились к длительному путешествию. Но этого не произошло. Машина проехала метров 200 и остановилась возле одноэтажного дощатого сборного домика, больше похожего на казарму. Шофёр сказал нам, что Батыров живёт здесь. Мы поблагодарили шофёра, и пошли в дом. Открыли дверь, и попали в длинный коридор. Это было общежитие ИТР. В конце коридора слышались голоса и плеск воды. Мы пошли по коридору. К нам навстречу шёл молодой парень. Он с удивлением посмотрел на нас и

остановился. Мы объяснили, что ищем Батырова. Парень ответил, что он умывается и сейчас подойдёт. Из душевой вышел молодой крепкий мужчина лет тридцати пяти в спортивных трусах с полотенцем на шее.

Мы поздоровались. Вкратце объяснили, кто мы и зачем прилетели. После наших сбивчивых объяснений, Батыров сказал, что нам лучше будет сначала сходить в столовую, которая здесь за углом, хорошенько перекусить, а затем уже придти к нему в кабинет и там спокойно обо всём поговорить.

Так мы и сделали. Столовая оказалась великолепная. Мы дешево и очень вкусно поели и направились в контору бурового участка. Пришли в кабинет главного геолога Батырова. Дверь его кабинета была открыта. Оттуда слышался шум радиоприёмника и сквозь помехи прорывались голоса буровиков, сообщавшие проходческие данные с буровых на его участке. Отметки глубины забоев Батыров записывал в специальный журнал.

Когда сеанс связи закончился, Батыров позвал нас в свой кабинет. Пригласил сесть. Выслушал нас внимательно. Прочитал наши бумаги. Затем сказал, что даст нам сопровождающего геолога, который всё нам покажет и расскажет. Даст в наше распоряжение машину, чтоб доехать до месторождения Серный завод. В доказательство к сказанному, он позвонил в геологический отдел и вызвал к себе участкового геолога.

Пришёл молодой парнишка, всего лет на пять старше нас. Его звали Гиви. Он окончил Геологический факультет Томского Политехнического института и два года назад по распределению попал сюда. Ничуть не жалеет, что работает в такой глуши.

Гиви повёл нас в геологический музей и дал нам отчёт А.С.Уклонского «Серные ресурсы Средней Азии и проблемы их использования».

Александр Сергеевич Уклонский (1888-1972) учёный с мировым именем минералог, геохимик, академик, профессор Ташкентского Университета. Но этот отчёт был им написан в 1932 году. Они вместе с А.Е.Ферсманом работали на Серных буграх в 1920-х годах. Поэтому все данные этого отчёта несколько устарели. Но мы с интересом перечитали старые страницы отчёта.

Пока мы занимались отчётом, Гиви подкатил к конторе бурового участка на уазике. Мы собрались мигом. Сели в машину и поехали на самый богатый серой бугор Зеагли. Он находился в полутора километрах от посёлка буровиков Серный завод.

Мы вылезли из машины, вытащили свои рюкзаки и шанцевый инструмент: молотки, зубило, сапёрную лопату и кайло. Гиви подвёл нас к останкам плавильной печи. Закопчённые камни из местного окварцованного песчаника руинами торчали из песка. Вот всё, что осталось от Серного завода, выплавлявшего серу в конце 1920-х - начале 1930-х годов. У подножия этих руин был небольшой и неглубокий карьер. Стенки карьера пологие в виде маленьких уступов. Из этого карьера ручным способом добывали самородную серу и рыхлые песчаники, пропитанные серой и гипсом. Эту руду помещали в автоклав и выпаривали чистую серу. Добытый в карьере песчаник предварительно обогащали, отбивая от него, пустую породу. Горка такого

«пустого» песчаника лежала возле карьера. Свежих «закопушек» в карьере видно не было. Видимо, здесь давно никто не рылся.

Гиви сказал нам, что это самое перспективное место для поисков самородной серы. Он сам не видел, но говорят, что лет пять назад сюда приезжали минералоги из Ленинграда и наковыряли отсюда очень красивые образцы серы. Но он предупредил, что по трещинам в песчаниках может проникать на поверхность серный газ. А это очень опасно. Можно незаметно самим для себя отравиться этим ядовитым газом. Во избежание этого, нам не следует спускаться на дно карьера. Работать надо на верхних уступах. Он взял с нас слово, что мы не будем спускаться на дно карьера. Ждать пока мы будем собирать образцы для музея, Гиви не мог. У него была своя работа. Поэтому он распрощался с нами до вечера. Обещал нам, что к часам шести он с ящиками для образцов подъедет сюда на машине.



Фото № 6. Я в центре Каракумов. Месторождение серы Серный завод.
22 августа 1968 года.

Как только Гиви уехал, мы пошли на работу в карьер. Было около полудня. Солнце палило беспощадно. Мы начали осмотр карьера с северной стенки. Стенки карьера были сложены окварцованными песчаниками сарматского возраста. (По старой классификации это третичный период). Многочисленные трещинки в песчанике были заполнены белоснежными микроскопическими кристалликами гипса. Никаких признаков серы мы не обнаружили. В одном месте, где трещин было особенно много, и они пересекались между собой, мы стали долбить канаву. Это дело оказалось вовсе нелёгкое. Сначала стенку из песчаника можно было просто разбирать кайлом. Но скоро рыхлая зона закончилась, и песчаник стал крепким. При ударе кайлом даже летели искры. Работать на такой жаре было очень трудно. Стали кайлить по очереди. Углубили канаву на сантиметров 60. Почувствовали, что в голове у нас что-то не то. Какое-то головокружение и слабость во всём теле.

Испугались: не солнечный ли удар у нас. Поднялись наверх к ветерку. Там под тенью руин Серного завода устроили себе привал.

Отсюда с бугра хорошо просматривались окрестности. Кругом нас разливалось песчаное море из жёлто-белых барханов. Вдали из бескрайнего моря песка поднимались горы. Это были вершины бугров Чеммерли и Тотджуба. В этих горах Ферсман нашёл красивейшие друзы кристаллической серы. Он писал, что сера выходила на поверхность. Здесь же мы такое не наблюдали. Горбунов Володя предлагал копнуть в другом месте. Я уверял всех, что надо углубиться ещё на метр. Потому, как даже в отчёте написано, что самородная сера легко окисляется и превращается в гипс. А гипса, как мы видим, здесь навалом.

«Но для того чтобы образовался гипс, нужен кальций» - спорил со мной Володя – «А откуда кальций возьмётся в песчаниках?»

Я отвечал ему, что не знаю, откуда взялся кальций для образования гипса, но что надо копать глубже, я уверен. Андрею тоже стало жалко наших первоначальных трудов, и он поддержал меня.

Перед тем, как снова пойти работать, мы попили водички. Нам Гиви оставил 5-ти литровую флягу чистой воды. Выпили по две кружки и сразу стали исходить потом.

Снова начали долбить крепкий песчаник. Пот с нас лился ручьями. Хотелось только одного: пить и спрятаться в тень. И вот, когда Андрей на последнем издыхании вытащил из канавы здоровый пласт песчаника, к которому мы так долго подкапывались, я увидел тонкую трещинку, усыпанную мелкими кристалликами серы. Эта была награда за наш тяжелейший труд.

Про питьё и тень мы тут же забыли. Стали интенсивно окапывать эту трещинку с самородной серой. Прежде чем открылся «занорыш», нам пришлось перелопатить тонны две пустой породы. Наконец, трещина была окопана с трёх сторон. Настало время аккуратно открыть её. За это дело взялся я сам. Тонким зубилом я стал отбивать песчаник возле трещины. Подходил всё ближе и ближе к ней. И тут песчаник треснул. Ножом я стал расширять эту трещинку и раскачивать её. Большой кусок треснувшего песчаника удалось вытащить и открыть «занорыш». В образовавшуюся маленькую расщелину ударил солнечный луч, и мы с удивлением увидели большие полупрозрачные кристаллы ярко-жёлтого цвета. Они устлали всю полость обнажившейся трещины. Это было чудо.

Боясь повредить кристаллы, мы стали расширять трещину мелким зубилом. Но долго находиться под ярким обжигающим солнцем мы не могли. Андрея начало тошнить. У Володи тоже кружилась голова. Да и мне уже стало плоховато.

Мы вытащили добытые образцы серы наверх к руинам Серного завода и сами легли в тень. Но перед этим стали жадно поглощать воду. Голова кружилась и сильно мутило. Мы лежали и смотрели на яркое выцветшее небо, на ослепительно-белый песок, медленно сползающий с барханов, на высохшую верблюжьё колючку, растущую в метре от нас. Не хотелось ничего. По

неровной стене полз вверх какой-то паук с мохнатыми ногами. Не было сил даже испугаться. Пролежав так с час, мы понемногу отошли. Сознание опять вернулось к нам. Что с нами было, мы так и не узнали.

Ещё попили воды и опять пошли на карьер. В этот раз мы расширили канаву и увеличили доступ к жиле с самородной серой. Стали тихонечко разбирать жилу и доставать великолепные друзы кристаллической серы. Друзы ослепительно блестели в лучах солнца. Но мы боялись, что яркое горячее солнце начнёт повреждать блестящие кристаллы. Мы завёртывали добытые нами друзы в снятые рубахи и относили их в тень.

Через час с небольшим мы выбрали весь «занорыш» и на дне канавы осталась тонкая щель с крошками разбитых кристаллов серы янтарного цвета. Дальше разрабатывать жилу уже не было никаких сил, да и время уже подходило к шести вечера.



Фото № 7. Кристаллы самородной серы из минералогического музея.

Зная о скором прибытии машины, мы допили оставшуюся воду и мирно лежали, спрятавшись в тень от солнца. И вот скоро на дороге, ведущей в посёлок буровиков, мы увидели клубы пыли. Это участковый геолог Гиви возвращался за нами.

Мы вышли навстречу к машине. Гиви привёз два деревянных ящика из-под алмазных коронок. Ящики небольшие, но ёмкие. Один ящик был забит ветошью, так нужной нам для упаковки хрупких образцов друз самородной серы.

Увидев добытые нами образцы серы, Гиви очень удивился такой красоте. Попросил для себя и Рахмана Батырова по маленькому образчику. Мы с удовольствием подарили ему два образца. Гиви помог нам аккуратно упаковать образцы и разложить их в ящики. Затем собрали всё наше добро, положили в машину и, счастливые, отправились обратно в посёлок Серный завод.

Гиви сказал нам, что столовая работает до 18 часов и чтобы успеть поесть, надо сразу подъехать к столовой. Так мы и сделали. После столовой пошли к Рахману Батырову. Он тоже порадовался нашим находкам. Зашёл разговор о генезисе месторождения Серные бугры.

Как я уже писал, существуют три точки зрения на этот вопрос. Самая вероятная: это теория эпигенеза. То есть кристаллическая сера образовалась позже, чем основные породы (песчаники). Сероводород, присутствующий в глубоких пластах песчаников и известняков под большим давлением, просачивается на поверхность по трещинам и микротрещинам. Соприкасаясь с кислородом, сероводород окисляется и выделяется чистая сера, которая кристаллизуется в пустотах и трещинках пород у поверхности.

Как бы в доказательство справедливости теории эпигенеза самородной серы на буровом участке Дарваза, в 1971 году произошёл необыкновенный случай. В результате глубокого разведочного бурения на газ, геологи наткнулись на подземную каверну (пустоту). В результате из скважины под большим давлением пошёл газ. Каверна молниеносно стала освобождаться от газа. Образовавшаяся пустота провалилась, поглотив в своих недрах буровую вместе со всем оборудованием и транспортом. Из образовавшейся огромной воронки стал выходить газ под сильным напором. Чтобы вырывавшийся из воронки газ не потравил скот местных жителей (да и самих жителей), газ подожгли. Геологи были уверены, что запасы газа в этой каверне небольшие и пламя скоро погаснет. Но ошиблись. Этот кратер пылает до сих пор. Этот пылающий кратер до сих пор привлекает к себе внимание туристов всего мира. Тысячи туристов из всех стран приезжают сюда посмотреть на уникальное природное явление. Это место называют Дарваза – ворота в Ад. Дело в том, что слово Дарваза с тюркского переводится, как ворота. Ну и соответственно горящий кратер – это спуск в Ад.

Но тогда вечером 22 августа 1968 года мы даже не могли предположить, что всего через три года после нашего присутствия эта Дарваза получит такую популярность. Тогда нам очень хотелось попасть из Серного завода в посёлок буровиков Дарваза. Батыров обещал нам помочь в этом деле. Но это завтра. Сейчас он соображал, где нас поселить на ночь. И тут он получает телефонограмму. На одном из буровых участков в Дарвазе случилась авария. Заклинило буровой снаряд. Так часто бывает во время бурения глубоких скважин. Опытный буровой мастер с этого участка как раз в это время находился на Серном заводе. Главный геолог бурового участка Дарваза Кузнецов выслал за буровым мастером вертолёт на Серный завод. Это вертолёт будет через пятнадцать минут.

«Ну, вам повезло, ребята» - сказал Батыров, прочитав радиограмму – «Сегодня вы будете в Дарвазе».

Мы сначала не поверили, но Батыров нам всё объяснил. За буровым мастером, специалистом по ликвидации аварий, выслали вертолёт МИ -2. Этот вертолёт максимально может взять только двух человек, т. к. повезёт ещё кучу инструментов для ликвидации аварии. На этот вертолёт может сесть один из

нас. Если мы сможем уговорить лётчика сделать ещё один рейс из Дарвазы на Серный завод и обратно, то вертолёт заберёт и оставшихся двух человек. Со своей стороны Батыров обещал поговорить с летуном и попросить его сделать ещё один рейс.

Известие для нас было неожиданное и радостное. Мы посоветовались, кто полетит первым рейсом. Решили отправить первым рейсом меня. Время было уже позднее, и на меня возлагалась задача найти главного геолога Кузнецова и поговорить с ним о наших делах.

Скоро приехал УАЗИК и отвёз нас вместе с Рахманом Батыровым и буровиком к взлётной площадке. Там уже нас дожидался вертолёт МИ-2. Батыров поздоровался с лётчиком и попросил его сделать второй рейс за ребятами. Лётчик стал возмущаться. Говорил, что он и так летает по 8 часов в день вместо положенных 6. Но Рахман убедил лётчика, что если он не вернётся за ребятами, то ему придётся завтра прилететь за ними, а завтра будет пятница. А в пятницу у него мог бы быть выходной день. Об этом он попросит Кузнецова. Слова Батырова прозвучали убедительно. Лётчик согласился сделать второй рейс.

И вот, я впервые лечу в маленьком «вертолётике» МИ-2. Вертолёт летит совсем низко над землёй. Всего в 200-х метрах. Смотрю в иллюминатор. Подо мною бескрайнее море песков. Солнце почти на закате. В это время всегда бывает очень контрастное освещение. Барханы отбрасывают большие тени. У дюн тени с крутой стороны. Освещённая солнцем пологая сторона дюн покрыта рябью. Видно, как струйки песка спускаются с верхушки дюны и ручейками сбегают вниз. Закатное солнце окрашивает западную часть дюн и барханов в ярко-красный цвет. Тогда, как восточная их часть становится совершенно чёрной. Возможно, поэтому так названа эта величественная пустыня «Каракумы», что значит «Чёрные пески»?

Лететь от Серного завода до Дарвазы всего полчаса. За это время вертолёт пролетел 60 километров и пошёл на посадку. Как только лопасти винта закончили вращаться, пилот прошёл в пассажирский салон, открыл дверь и приставил лесенку. Мы с буровым мастером вылезли из вертолёта. Лётчик, выбравшись из вертолёта, ждал заправщика. Я спросил у него, полетит ли он за ребятами. Он ответил утвердительно.

Мой попутчик буровик Виктор повёл меня в посёлок Дарваза. Он находился рядом с аэропортом. Посёлок представлял собой два ряда сборных деревянных домиков, поставленных друг против друга. Эти домики со всеми удобствами буровики почему-то называли «балками». Каждый домик размером 6х6 метров имел две комнаты и туалет, совмещённый с душем. Особняком стояло общежитие для рабочих, здание Управления и столовая.

Кузнецова мы нашли в Управлении. Это был молодой человек лет двадцати пяти, высокого роста, но уже с маленьким брюшком. Он поздоровался с нами и сказал, обращаясь к буровику:

«Ну что, Витя, опять твоя 218 буровая зависла? Выручай. Надо сейчас ехать, а то снаряд так затаит. Киримов тебя уже ждёт с машиной. Поедешь?»

Буровой мастер кивнул и пошёл на выход. Я остался в кабинете у Кузнецова. Представившись, я из планшетки достал наши бумаги и записку от Дубкова. Кузнецов развернул записку, внимательно прочитал её и, улыбаясь, спросил:

«Ну как там Владимир Николаевич поживает на новом месте? Защитился, наверно, уже?»

Я рассказал о нашей встрече с Дубковым. Сказал, что он очень тепло отзывался о Кузнецове, часто вспоминает об их совместной работе. В свою очередь Кузнецов расспрашивал меня о целях нашей поездки. Затем стали разговаривать о том, о сём. Ян Абрамович Кузнецов рассказывал мне о трудностях работы в пустыне. Он сказал мне, что здесь один литр воды обходится Государству в 10 рублей. Воду возят самолётами ежедневно. Из Ашхабада в сутки привозят 40 тонн воды. 18 тонн привозят на Серный завод и 22 тонны воды в Дарвазу. Так, что на одну воду государство тратит почти полмиллиона рублей ежедневно. А сколько тратится на бензин, авиационный керосин, на буровые коронки, трубы, на зарплату. Просто уму непостижимо. И самое плохое, что рабочие и ИТР, зная, что вода так дорого обходится, тратят её направо и налево. Даже кран в душе забывают за собой закрыть. Да и на буровых приготовят глинистый раствор и лишнюю воду выливают в песок.

И ещё об одной местной беде поделился со мной Кузнецов. Правительство Туркмении обязует все разведочные партии брать на работу местных туркмен. Они совершенно неграмотные. Русского языка не знают. Работать не хотят. И пьют водку запоем. Тут «сухой» закон. Но местные туркмены делают алкогольный напиток из верблюжьего молока и постоянно жуют наркотическую траву «насвай». Кузнецов заметил, что если на буровой работают даже 30% местного населения, то идёт сплошной брак. Скважины не бурятся, а только ломаются.

Насчёт того, чтобы помочь нам улететь из Дарвазы в Ташауз, Кузнецов обещал завтра обязательно поговорить со своим дружкой, работающим в Ташаузе в аварийном авиаотряде. Завтра с утра его дружок - лётчик должен прилететь в Дарвазу. Вот тогда-то он с ним и поговорит.

Пока мы разговаривали с Кузнецовым, ему передали по рации, что вертолёт со студентами вылетел из Серного завода и летит к нам. Так, что всё отлично складывалось.

Я пошёл на аэродром встречать своих ребят. Привёл их к Кузнецову. Ян Абрамович к этому времени подыскал нам в общежитии комнату для ночлега. Мы были очень рады этому. Особенно нам хотелось помыться. Я так уже 10 дней не мылся. Удивительно, но в душе была холодная и горячая вода в неограниченном количестве. И это в центре пустыни Каракумы. После помывки мы сходили в столовую. Для нас специально оставили ужин. И об этом побеспокоился Ян Абрамович Кузнецов.

Когда мы возвращались из столовой, то встретили местных геологов. Они поздоровались с нами и сказали, что сейчас будут показывать кинофильм. Пригласили нас посмотреть. Возле здания Геологического Управления были

уже расставлены скамейки. На стену здания повесили большой экран. Кинобудка находилась на кузове машины. Народ рассаживался. Но многие смотрели фильм, не выходя из своих домиков, прямо из окон. Ночь была тёплая, но не жаркая. Всё небо было обсыпано яркими звёздочками. Но люди смотрели на экран. И вот, яркий луч света вырвался из кинопроектора и осветил экран. Показывали старый фильм 1954 года «Верные друзья». Это кинокомедия Михаила Калатаева по книге Александра Галича. В главных ролях задействованы знаменитые артисты: Меркурьев, Чирков и Борисов.

Конечно, этот кинофильм люди смотрели уже много раз, но, несмотря на это, зрители не расходились. Смотрели с интересом. И даже смеялись над забавными эпизодами фильма. Жители бурового посёлка, наверняка с удовольствием посмотрели бы какой-либо новый фильм, но показывали только то, что у них было в кинотеке. И этому люди тоже были рады.



Фото № 8. Самолёт ЯК-12 заправляется. Возле бочки наши рюкзаки.
Каракумы Дарваза 23 августа 1968 года.

Мы тоже с удовольствием посмотрели этот наивный фильм. После просмотра фильма пошли спать.

Утром проснулись поздно - в 8 часов. Рабочий день уже начался. Но мы не слышали, как люди встали, умылись и ушли на работу. Только мы успели собраться, как к общежитию подъехала машина Кузнецова. Мы вышли из дома с рюкзаками. Кузнецов торопил нас. Уже прилетел самолёт ЯК-12 из Серного завода. Со своим дружкой лётчиком, Кузнецов заранее связался по рации. И теперь Лёва Голубев прилетел в Дарвазу на дозаправку. Летел же он из Серного завода в Ташауз. Вёз какие-то важные бумаги. Но по просьбе Кузнецова сделал посадку в Дарвазе. Это специально, чтобы нас забрать. Его начальство об этой его выходке не знает. Но, видимо, не первый раз он так делает. Кузнецов говорил, что они с Лёвой частенько на охоту летают втихаря от начальства. И теперь Лёва прилетел по просьбе своего дружка. Правда

Кузнецов ему не говорил, что мы летим с полными рюкзаками и двумя ящиками камней. Это ещё плюс 60 килограмм.

Лёгкий транспортный самолёт ЯК-12 разработанный в конструкторском бюро А.С.Яковлева не был предназначен для перевозки тяжёлых грузов. Его максимальная грузоподъёмность составляла всего 350 килограмм. Мы втроём весили 240 килограмм. Наши огромные рюкзаки тянули на все 80 килограмм. Да ещё два ящика с образцами для музея были не меньше 60 килограмм. Вот и выходило, даже по самым скромным подсчётам 380 килограмм.

Надо сказать, что сам самолёт был достаточно старенький и не любил перегрузки. Поэтому как только Лёва Голубев, обнявшись с Кузнецовым, увидел наши огромные рюкзаки, да ещё два здоровых деревянных ящика с образцами, то сразу погрузился. Он почесал затылок и, улыбаясь, сказал:

«Ян, при всём уважении, ты толкаешь меня на преступление. У меня максимальная загрузка не больше 320, а тут такие крепыши ребята, да ещё с двухпудовыми рюкзаками и мало того с неподъёмными ящиками».

Ян Абрамович стал уговаривать Лёшу. А Алексей подходил то к рюкзакам, то к ящикам и пробовал их на вес. И всё приговаривал:

«Не знаю, не знаю Ян, как я поднимусь, тут все четыре центнера. Не знаю, не знаю».

Однако Кузнецов настойчиво уговаривал Лёшу. Лёша ходил кругами, побил ногой туго надутые колёса шасси, ещё раз взвесил руками наш ящик и, наконец, сказал:

«Ну, ладно Ян, попробую взлететь. Если с первой попытки не поднимусь, то придётся что-то оставлять».

Мы стали привязывать наш груз внутри самолёта. Один самый тяжёлый рюкзак Лёша поставил себе под ноги. Он говорил, что нам повезло: он ещё не успел полностью заправиться. Летит полупустой. За счёт этого груза можно взять немного побольше. Другое дело хватит ли горючки?

И вот, все приготовления были закончены. Попрощавшись с Кузнецовым, мы сели в самолёт, Лёша вздохнул и запустил двигатель. Надел шлемофон, махнул из кабины Кузнецову и порулил на взлётную полосу. В начале полосы самолёт остановился. Двигатель зарычал и дёрнул вперёд. Самолёт всё бежал и бежал по взлётной полосе, всё больше и больше разгоняясь, но никак не хотел отрываться от земли. Тело лётчика напряжилось. Полосы уже почти не оставалось. Я подумал, что не взлетит. Но тут пилот падал на себя штурвал, самолёт приподнял нос и стал отрываться от земли. Ещё секунда и он взлетел плавно и красиво. Лёша сделал разворот, помахал крыльями на прощанье и лёг на курс.

Мы летели на северо-восток в посёлок Ташауз (Дашогуз). Из центра пустыни Каракумы на границу с пустыней Кызылкум. Эта граница проходит по великой реке Амударье. На левом берегу реки Амударья и находился областной центр Туркменистана Ташауз. Нашей первой задачей было отправить в Москву из Ташауза по железной дороге собранные нами образцы. Но пока мы об этом не думали.

ГЛАВА III

Наш самолёт летел на высоте всего 200 метров над пустыней Каракумы. Мы всматривались вниз: не видно ли какого кишлака или каравана верблюдов, шагающего среди песков. Но никаких следов человеческого присутствия мы не видели. Только песчаные дюны и барханы, иногда поросшие редкой верблюжьей колючкой. Никакого зверья, ни птиц. Только один песок. И так сотни километров. Страшно оказаться здесь одному без всякой помощи.

Мы летели уже полтора часа. Пролетели больше 200 километров. И вот пески всё чаще стали сменяться буграми со скудной растительностью. Скоро появились настоящие сады и маленькие саманные домики возле них. Прямыми нитками тянулись каналы и арыки. Они отходили от большого канала, вытекавшего где-то на горизонте из русла Амударьи.

Перед окрестностями Ташауза самолёт пошел на посадку. Маленький «аэродромчик» мы с трудом заметили по вышке с полосатым сачком (ветроуказателем). Лётчик запросил у диспетчера разрешение на посадку. Услышав «добро», самолёт начал быстро снижаться. Легко коснувшись земли, самолёт покатил по дорожке к невысокому домику с застеклённой смотровой диспетчерской вышкой. В метрах 40 от домика самолёт остановился, и все мы стали вылезать из него по маленькой лесенке. Достали наши рюкзаки и ящики. Распрощались с лётчиком. Поблагодарили его за помощь. Лёша улыбнулся:

«Привет столице!» - сказал он нам на прощанье.

Мы надели рюкзаки, взяли ящики за ручки и понесли из аэропорта. Причём один из нас, шедший в середине, держал два ящика левой и правой рукой. Ящики были тяжёлые, поэтому мы часто менялись местами. Возле самого здания аэропорта мы заметили столовую. Это то, что нам на этот момент больше всего надо было. Народа в столовой было мало и работники столовой сразу на нас обратили внимание. Стали расспрашивать кто мы и откуда. Особенно нами заинтересовались молодые девчонки, стоявшие на раздаче. Они нам навалили такие огромные порции, что мы едва их съели. А заплатили за обед мы вовсе недорого – сущие копейки.

У девчонок мы узнали, где находится железнодорожная станция, какой автобус туда идёт. Узнали, можно ли оттуда отправить груз. Нам сказали, что сегодня пятница и кладовщица работает до 14 часов и с отправкой у нас вряд ли что получится.

Мы приехали на железнодорожный вокзал, и пошли в товарную контору. Дверь в контору была закрыта на огромный висячий замок. Никакого расписания работы конторы не было. Андрей пошёл узнавать у начальника станции, как нам отправить груз. В ожидании прихода Андрея, мы, с Володей молча, сидели у кладовой товарной конторы. Ни единого человека кругом. Спросить работает ли товарное отделение или нет – не у кого.

Мы уже стали беспокоиться: куда подевался Андрей? И тут видим, по железнодорожному пути идёт обходчик. Я к нему. Спрашиваю, как можно отправить груз. Нам необходимо уезжать, поэтому груз хотели отправить

срочно. Обходчик был русским. Посмотрел на меня и на мою бородёнку с интересом. Спросил, откуда мы такие здесь? Я ответил, что работали в пустыне, а теперь нам надо в Бериуни. Обходчик улыбнулся и сказал:

«Здесь у вас, ребята, ни срочно, ни быстренько не получится – это Туркмения. Кладовщица работала сегодня до обеда. Завтра у неё и вовсе выходной. Так что зря стоите».

«И что нам теперь делать?» - спросил я огорчённо.

Он ответил, что на станции Тахиташ, что в сотне километрах отсюда багажное отделение работает ежедневно. Оттуда можно отправить груз и в субботу, т. е. завтра. Обходчик посоветовал нам поехать сегодня вечером в Тахиташ на поезде. Тут, мол, ехать-то полтора часа. И если нам надо попасть в Бериуни, (а это на правом берегу Амударьи), то оттуда идут автобусы в том направлении. Я сказал обходчику, что мы пока зарплату не получили, у нас денег нет на билет в Тахиташ. Да и с ящиками нас не пустят в вагон. Тогда обходчик посоветовал нам поехать в Тахиташ на товарнике на открытой сцепной площадке. Раньше, вплоть до 1980-х, такие багажные вагоны курсировали по всей стране. Вагоны с крытой сцепной площадкой предназначались для вооружённой охраны железнодорожного состава. Таких вагонов, как правило, было три в каждом составе. Спереди, сзади и в середине состава. После войны, уже в конце 1950-х, железнодорожные составы шли без сопровождения «вохров» (вооружённой охраны). И мы, мальчишками, очень любили кататься на таких площадках.

Теперь обходчик советовал нам прокатиться на такой платформе. Конечно, это было нарушение правил техники безопасности. Но в те времена всеобщего дефицита, на чём только люди ни ездили?

Предложение обходчика нами было с радостью принято. Он сказал нам, что товарняк пойдёт на Кунград в 21 час 48 минут местного времени. Сам обходчик - дядя Гриша (так он нам представился) покажет нам грузовой состав, куда надо садиться. Пока же дядя Гриша посоветовал нам положить наши пожитки у него в будке. Их там никто не тронет. Нам же он сказал:

«Знаете что, ребята? В пять вечера закрывается тутошний рынок. Туркменские «бабаи», кончая свой базар, распродают по дешевке свой товар. Идите на рынок, купите себе за 15 копеек сладких дынь. Хоть поешьте от души. В пустыне, небось, наголодовались?»

Мы последовали совету дяди Гриши. Отнесли свои рюкзаки и ящики к нему в будку, и пошли на рынок. К этому времени появился Андрей. Он не нашёл начальника станции и долго уговаривал дежурного по станции принять у нас груз. Но и это тоже не удалось. Поэтому наш план поездки в Тахиташ оставался в силе.

Рынок находился недалеко от вокзала. С рыночной площади доносилось заунывное пение местных фольклористов и какие-то тюркские напевы. Звуки этих мелодий троекратно усиливали громкие динамики, развешанные на столбах. Нам навстречу ехали с рынка пустые арбы, запряжённые осликами. Но чаще сами дехкане тащили их с рынка. Мы прибавили шаг, боясь, что

рынок закрывается. Однако мы не одни пришли к закрытию рынка. Таких умников было немало. Тёмные халаты, большие меховые шапки, силуэты в паранджах и в цветастых платках теснились у прилавков. Почти все торговались на своём языке. Отходили, показывая вид, что не будут покупать. Затем снова подходили и продолжали торговаться.

Мы приценились к дыням. Большие сочные пятикилограммовые дыни стояли от 15 до 20 копеек за штуку. Не за килограмм, как сейчас продают, а за целую дыню. Мы заметили, что продавцы - узбеки, видя нас, русских, сразу накидывают цену. Вместо 15 копеек, они объявляют 25. Это, получается, по 5 копеек за килограмм. Своим же местным они продают по 3 копейки за килограмм. А если покупатель начинает торговаться, то и вовсе продают дыню за 10 копеек. Это по 2 копейки за килограмм. Для сравнения. стакан газированной воды с сиропом стоил тогда 4 копейки. Вот какое перепроизводство было дынь и других ягод и овощей. И это всё из-за того, что воду великой Амударьи растаскивали по каналам и каналцам на орошение полей, как колхозных, так собственных - частных. Уже тогда Аральское море мелело катастрофически.

Заметив, что нас хотят «надуть», мы тоже начали торговаться. Особенно хорошо это получалось у Володьки Горбунова. Сам он был кучерявый с тёмными, как у грузина волосами. С реденькой, как у местных бабаёв, бородкой. Он ещё умел закатывать глаза, показывая своё несогласие. Мы заметили одного седовласого узбека, похожего на старика Хоттабыча и торговались с ним долго. Он ни за что не хотел нам продавать дыни по 15 копеек. Мне показалось, что этому Хоттабычу сильно понравился сам процесс торговли с Володькой. Но, когда мы в отчаянии пошли к другому продавцу, этот Хоттабыч сам позвал нас и согласился продать нам, гостям Узбекистана три дыни по 12 копеек. И, в придачу, угостил нас своими персиками. Было очень вкусно.

Дыни настолько сочные, сладкие и сытные, что мы втроём с трудом доели одну 6-ти килограммовую дыню. Правда, через час справились и со второй. Но тоже с трудом.

На базаре мы спросили, что означает слово «Ташауз». Нам ответили: в переводе на русский «таш» - камень, а «ауз» - водоём, бассейн, большой колодец. Таким образом, название города Ташауз произошло от каменного колодца, который стоял на древнем караванном пути. Старый город Ташауз основан в 1681 году, как караван-сарай с большим каменным колодцем. Город был ограждён большой крепостной стеной. Здесь проходила граница Хивинского ханства. Город-крепость ограждал от постоянных набегов кочевников со стороны Каракумских песков. В 1873 году Хивинское ханство оказалось под протекторатом России.

С распадом СССР город Ташауз был переименован в Дашховуз. В переводе на русский слово приобретает совершенно иной смысл, чем историческое название города. Дашхоуз переводится, как «дальнее поселение». Видимо, Великого Туркменбаши не очень интересовало историческое наследие

городов. За короткое время (с 1992 по 1993) почти все города Туркмении были переименованы. И не всегда новое название по смыслу совпадало со старым.

И ещё об одном наблюдении мне хочется сказать. На базаре в Ташаузе мы были перед его закрытием. Рыночная площадь произвела на нас неприятное впечатление своим грязным обликом. Возле лотков с товаром дехкан валялись обгрызенные корки дынь и арбузов, перемешанные с их семечками. Весь асфальт был заплёван зелёной хархотиной жёванного «насвая». Вся эта грязь облеплена мухами, летавшими везде. И надо сказать, что на рынке было устроено специальное место для мытья фруктов и овощей. Из металлической трубы всегда текла чистая вода. Крана на ней не было. И это в пустыне, где вода на вес золота.

После посещения базара мы возвратились на железнодорожный вокзал. В будке обходчика дяди Гриши всё было тихо. Наши рюкзаки лежали на полу. Дядя Гриша спросил нас, как нам понравился рыночная экзотика? Мы сказали, что для русских цены специально завышают. Дядя Гриша подтвердил, что с ними надо торговаться. Многие старые узбеки приходят на рынок не столько купить, сколько поторговаться. Это у них ритуал такой. Но если какой-то русский умеет говорить на тюркском языке, то они его считают за своего. Других же русских не любят.

Как и обещал дядя Гриша в девять 48, пришёл товарняк. Он вёз груз до Кунграда. По совету дяди Гриши мы сели в центр состава. Устроились там на сцепной площадке, встроенной в грузовой вагон. Площадка была очень маленькая - длиной два метра и шириной в полтора. Правда, с двух сторон она закрывалась невысокими дверцами. Каждая дверь защёлкивалась на щеколду. Так что выпасть с платформы при закрытых дверях было невозможно. Но дикая теснота угнетала. На двух квадратных метрах находились мы втроём, наши рюкзаки и ещё два ящика с образцами.

Прощаясь с нами, дядя Гриша сказал, что поезд может не остановиться на станции Тахиташ, но скорость перед станцией обязательно снизит, и станцию будет проезжать на минимальной скорости. Нам надо не прозевать и вылезти из вагона. Поезд дёрнулся, резкий толчок и лязг сцепок и буферов заглушил последние слова дяди Гриши:

«Привет Тахиташу! Я там пять лет отрубил, как один день».

Я никак не мог понять, что значит «отрубил»? Поезд уже набирал скорость, а у меня всё не выходило из головы: «пять лет отрубил, как один день». Позже я узнал, что посёлок Тахиташ основан в 1950 году на базе лагеря политических заключённых. Русские политзаключённые и узники немецких лагерей после войны строили здесь Туркменский канал. В 1953 году Тахиташ стал городом. Лагерь политзаключённых ликвидировали, но бывшие зеки не могли селиться в крупных городах. Они «оседали» здесь. Видимо, такова была судьба и нашего нового знакомого - дяди Гриши.

Наш поезд шёл медленно, как говорится, останавливаясь у каждого столба. Боясь пропустить свою остановку, мы постоянно отслеживали весь наш путь. У нас был атлас шоссейных и железных дорог. По нему мы

ориентировались в дороге. Проезжая мимо станций или останавливаясь на них, я смотрел названия станций и говорил ребятам, где мы находимся. Но вот на каком-то безымянном полустанке наш поезд стоял больше часа. Я задремал и под дружное сопение ребят тоже уснул. Проснулись мы от резкого толчка. Уже начало светать. Поезд стоял на разъезде 179. Я сверился с атласом железных дорог. Оказалось, что мы проехали Тахиташ и поезд нас вез дальше к Кунграду. Мы быстро выскочили из поезда и выгрузили весь наш груз.

Мы стояли в ночи в чистом поле. Поезд сильно звякнул сцепками и медленно отправился дальше. Оглядевшись, мы увидели будку обходчика. Вошли туда. Обходчик – узбек средних лет, видя нас, сильно испугался. Спросонья он ничего не мог понять, что мы от него хотели. Красноречиво размахивали руками, спрашивая как добраться до Тахиташа. Он ни слова не понимал по-русски. Но, что нам надо в Тахиташ, он догадался. Он начал объяснять, показывая на пальцах, мол, скоро будет товарняк в сторону Тахиташа. Мы начали допытываться у него, во сколько будет товарняк? Узбек никак не мог понять, что мы у него спрашиваем. Тогда мы сели возле его будки и стали ждать товарняк. И только задремали, как увидели луч прожектора тепловоза. Это шёл наш товарняк.

Узбек вышел к поезду с флажком. Поезд снизил скорость. Поравнявшись с кабиной машиниста, обходчик-узбек громко крикнул что-то ему на своём языке. Машинист высунулся из кабины. Увидел нас и знаками показал нам садиться. Поезд остановился. Мы влезли на сцепную площадку первого вагона.

Через минут десять мы уже ехали в обратном направлении и опять к станции Тахиташ. Теперь-то мы боялись сомкнуть глаза, чтобы снова не проспать нашу станцию.

На этот раз поезд остановился на станции Тахиташ и мы благополучно выгрузились. Поблагодарив машиниста, мы пошли в здание железнодорожного вокзала. В зале ожидания не было ни души. До открытия товарно-багажного отделения было четыре часа. Ребята разлеглись по лавкам, а я сел писать свой дневник. Столько событий произошло за один только сегодняшний день. Только утром были в центре пустыни Каракумы, а теперь мы уже в городке Тахиташ у порога другой пустыни - Кызылкум.

Как говорил дядя Гриша, с отправкой наших ящиков в Москву не возникло никаких трудностей. Единственное требование к нашей посылке было: окантовать ящики проволокой. Гвозди нам дали, а проволоку, мы сорвали со старого ящика, валявшегося недалеко от товарной конторы. Кладовщица не знала, по какому тарифу с нас взять за отправку камней. Она листала какой-то древний справочник и нашла графу «отправка бутового камня». Камни из Тахиташа по железной дороге никто никогда не отправлял. По тарифу выходило отправка 1 кг. бутового камня стоит 3 копейки. Наши два ящика весели 65 килограмм. С нас надо было взять 1 рубль 95 копеек. Это просто смешные деньги. Мы были очень довольны, что избавились от своих ящиков, которые становились нам обузой. Андрей, отправлявший образцы из Тбилиси удивлялся, как это так легко нам удалось отправить груз. В Тбилиси

ему потребовалось на это несколько часов. Он трижды писал заявление начальнику станции, объясняя, что он отправляет и для чего. Позже мы убедились, что, к сожалению, за всю нашу экспедицию мы ни откуда не могли так быстро и без помех отправить свой груз. Отправка груза по железной дороге – это преодоление множества бюрократических препятствий.

Но тогда, отправив свой груз, мы зашли в привокзальную столовую, поели там и пошли на автовокзал. Нам надо было по мосту переехать на правый берег Амударьи и попасть на шоссейную трассу Нукус – Турткуль. Эта шоссейная дорога проходила вдоль правого берега Амударьи. В 1960-е годы мост через великую реку Амударью в Каракалпакии был только возле города Тахиташ. Позже мост через Амударью появился в районе города Мангит. Но его, кажется, построили в начале 1990-х.

Город Нукус является столицей Каракалпакии. Там базируются две крупные геологические экспедиции. Каракалпакский трест глубокого бурения и Каракалпакское геологическое управление. У нас были припасены письма к главному геологу треста Алиеву и начальнику каракалпакской геологической экспедиции (кажется Мамедову). Мы планировали обратиться к этим начальникам за помощью. Попросить у них свежий отчёт по геологии Султануиздагского рудопроявления полиметаллов и золота. И самое главное попросить забросить нас на Султануиздагский хребет, который находится в 146 км. от Нукуса. Но дело осложнилось тем, что сегодня 24 августа 1968 года был субботний день. А это значит выходной день. Ждать до понедельника нам очень не хотелось. Поэтому мы решили добраться до Нукуса и заехать в Каракалпакскую геологическую экспедицию. Может быть, кроме сторожа там окажется кто-то из геологов, у кого можно будет расспросить о том, кто сейчас работает на рудопроявлении Султануиздаг.

До Нукуса мы хотели доехать на автобусе. Поэтому мы пошли на автовокзал. По дороге к автовокзалу мы проходили небольшой арык, возле которого стояла грузовая машина КРАЗ. Шофёр зачерпывал ведром воду из арыка и обливал её водой: споласкивал после мытья. Шофёр оказался русским парнем, и мы решили с ним поговорить.

Мы подошли к нему и заговорили. Он оказался весьма разговорчивым. Сказал нам, что мог бы запросто забросить нас до Беруни, если бы ехал туда. Но он уже приехал из Турткуля сюда домой. Мы расспросили можно ли добраться до Беруни попутками. Он ответил, что если только вас подберёт русский шофёр.

«Узбеки – это страшные «жлобы». Из русских деньги сосут, словно пиявки кровь. Без денег узбекский шофёр никого не подвезёт. А с русских потребует в три раза дороже. И ему плевать: женщина с ребёнком будет голосовать или немощный старик. Одна коммерция у них в голове. Они рождаются торгашами» - так отзывался русский парень об узбекских водителях.

И мы очень скоро сами убедились в правильности его слов. До Нукуса автобус уходил через три часа. Мы не стали ждать и решили подъехать до

ближайшего селения Кискеткент, что находится на правом берегу Амударьи. А там выйти на трассу и проголосовать. На попутках проехать километров 10 до Нукуса.

Билет от Тахиташа до Кискеткента стоил 20 копеек с человека. Это очень дорого за 7 км. Но нам объяснили, что автобус этот узбекский. У них там свой повышенный тариф, если они едут в туркменские посёлки.

Мы сели в полупустой автобус. Кондуктор - узбек начал говорить, чтобы мы оплатили свой багаж, т. е. рюкзаки по 10 копеек за место. Мы начали спорить. Доказывать, что рюкзаки являются ручной кладью и за них не положено брать деньги. На что узбек - кондуктор сказал, что это у нас в России за рюкзаки не платят, а здесь за всё платят. Мы бы могли дать кондуктору ровно 60 копеек, но, как назло, мелочи у нас не осталось. Пришлось дать рубль. Узбек дал нам билеты и 10 копеек сдачи. Мол, вот ваши 10 копеек. Чужого нам не надо.

Переехали по мосту через Амударью. Тогда она была ещё полноводная. Мутные воды Амударьи, насыщенные илом и песком к северу от Нукуса растекались на множество рукавов, образуя огромную дельту. Тысячи птиц гнездились там. Это был экологический заповедник. Теперь там пустыня Аралкум.

Переехав Амударью, автобус заехал в маленький посёлок Кискеткент и остановился. Это была его конечная остановка. Нам пришлось вылезать из автобуса, выходить на шоссе и голосовать до Нукуса.

И не одни мы хотели попасть в Нукус. Все, кто приехал на нашем автобусе, стояли как мы на шоссе и голосовали. Десятки машин проезжали мимо, и ни одна не брала попутчиков. Узбекские шофёры останавливались и говорили голосующим, мол, если хотите до Нукуса, то по 2 рубля с человека. Другие узбеки предлагали подбросить до Нукуса за рубль. Многие соглашались. И вот через час на дороге остались только мы втроём. Все узбеки уехали на попутках. Мы не хотели платить за 8 километров рубль.

И вот видим, едет маленький автобус. Мы проголосовали. Водитель автобуса русский ехал до Нукуса. В автобусе кроме нас ещё два узбека. Доехали до Нукуса. Водитель автобуса сказал, что с каждого по 40 копеек. За нас платил Володька. Я ему выдал рубль мелочью. Всю эту мелочь мы выбрали из своих карманов, когда стояли на шоссе. Володька отдал шофёру всю эту мелочь. Русский водитель сунул всю эту мелочь, в карман, не пересчитывая. Вот что значит русский. Узбек бы пересчитал всё до копеечки.

И вот мы в Нукусе. Нам было известно, что столицей Каракалпакии он стал совсем недавно: в 1930 году. Новые дома стали возводить рядом со старыми. Поэтому Нукус делится на новый и старый. Древний Нукус известен в истории как город Шурча. Это был опорный пункт (город - крепость) древнего Хорезмского ханства. Слово «нукус» в переводе с тюркского означает: девять человек. Это 9 богатырей - основателей и защитников города. Эти девять отцов основатели всех девяти колен каракалпакского народа. Отцы-основатели произошли от кочевых народов печенегов, огуров и пришедших из

бассейна Иртыша кипчаков. В XVII – XVIII веках каракалпаки жили в районе среднего течения Сырдарьи, а в 1811 году этот народ был захвачен Хивинским ханом и насильно депортирован в дельту Амударьи. И только в 1873 году каракалпаки попали под протекторат России.

В старом городе особо старого ничего не осталось. Одноэтажные саманные дома и довоенные бараки разбавлены редкими двухэтажными домишками. Здесь любой может сказать, где находится Устюртская геофизическая партия и Каракалпакский трест глубокого бурения. Могут сказать, как зовут любого геолога из этого треста и даже имя их любимого кота. Поэтому отыскать эти учреждения не составляло никакой трудности. Другое дело - есть ли там кто-то в выходной день?

Мы решили, что Володя и Андрей сходят в Каракалпакский трест глубокого бурения, а я пойду в Устюртскую геофизическую партию. Встретиться мы договорились на базарной площади.

В геологическом управлении Устюртской геофизической партии я действительно застал одного только сторожа. Сторож дал мне адрес главного геолога партии Комулитдинова и я пошёл к нему домой.

Возле дома Комулитдинова в маленьком садике играли дети. Они позвали своего папу. Молодой человек невысокого роста, крепкого сложения с типично азиатской внешностью вышел ко мне навстречу. Я поздоровался и изложил ему причину моего визита. Выслушав меня, главный геолог сказал, что я обратился не по адресу. Султануездагским районом занимается Каракалпакский трест глубокого бурения. Главный геолог этого треста хорошо осведомлён о геологии этого месторождения. Комулитдинов только знает, что вокруг перспективного золоторудного месторождения идёт суета. Уже который год никак не могут решить, кто будет проводить детальную разведку месторождения. Главный геолог Самаркандской геологической партии товарищ П.Б.Таксиор борется за то, чтобы детальную разведку и подсчёт запасов проводила Самаркандская геологическая партия. Она базируется в Самарканде и Нукусе. Главный геолог каракалпакского треста глубокого бурения Алиев тащит одеяло на себя. Он ссылается на то, что трест давно ведёт на Султануездаге геологическую съёмку и разведочное бурение и не хочет отдавать никому своё детище. Комулитдинов дал мне домашний адрес главного геолога Алиева. Сказал, что тот живёт здесь недалеко, и к нему я могу сходить и поговорить обо всём, что меня интересует.

Главного геолога Каракалпакского треста глубокого бурения я застал во дворе возле его дома. Он ремонтировал старенький УАЗ. Я представился, показал ему письмо за подписью декана геологоразведочного факультета МГРИ. Алиев внимательно прочитал письмо, но, как мне показалось, оно его совершенно не впечатлило. Алиев стал говорить, что он совсем недавно был на Султануездаге. Там сейчас работает геологическая поисково-съёмочная экспедиция ташкентского треста геологии. Начальник партии Кулеш. У них есть транспорт, и они вас провезут по рудопроявлениям. Всё покажут и расскажут. Их партия с 1956 года работает на съёмке в этом районе. Этим

летом они заканчивают крупномасштабную съёмку масштаба 1:50000. Но найти этих геологов будет нелегко. Они работают в разных уголках хребта Султануездага. Легче всего будет найти самаркандскую геофизическую партию. Она базируется на 91-ом километре трассы Нукус-Турткуль. В 2-х километрах от шоссе в сторону Амударьи. Партия эта стационарная. Геологи живут и работают там круглогодично. У них есть машины. Начальник партии Скалозуб. Эти ребята наверняка помогут найти Кулеша и его экспедицию.

Алиев сказал, что он бы рад нам помочь с транспортом, но вот одну машину он сам ремонтирует, а вторая машина сейчас в разъездах. Один геолог перевозит свою семью. Машину он взял на три-четыре дня.

Я попросил Алиева написать записку Кулешу и Скалозубу, мол, чтобы они нам оказали помощь. Алиев замаялся и сказал, что эти геологи ему не подчиняются, а дружеских отношений между ними нет. Просто он их знает и всё. Чувствовалось, что Алиев попросту хотел скорей отвязаться от меня.

Я не стал докучать ему, поблагодарил за информацию, попрощался и поехал в старый город на рыночную площадь, где мы договорились встретиться с ребятами.

Ребята тем временем сидели в чайхане на уличной веранде. Под звуки мусульманских мелодий они дремали за чашкой чая.

«И давно вы здесь так сидите?» - спросил я их.

Оказывается, они сходили в трест глубокого бурения и никого там не нашли. Ходили по старому городу, а затем пришли в чайхану и уже часа полтора здесь балдеют.

Я рассказал о нашей встрече с Алиевым. Ясно было, что добираться до самаркандской геофизической партии нам придётся самим. У нас был один вариант: идти на трассу Нукус-Турткуль и попытаться поймать попутную машину.

Вышли на шоссе и стали голосовать. На выезде из Нукуса желающих уехать на попутке хоть отбавляй. Решили пройти пешком несколько километров до поворота на Монгит. Оттуда в сторону Турткуля идёт много машин и гораздо больше шансов уехать.

Жара стояла невероятная. Солнце в зените. По дороге ни одного деревца, ни одного кустика. Сплошная пыль и грязь на обочинах. Пески Кызылкума в некоторых местах подступали к самому дорожному полотну, скапливаясь возле шоссе насыпи. Мы уже перестали голосовать проезжающим мимо машинам. Всё равно никто не останавливался. Так мы прошли километров шесть. И вот он поворот на Монгит. И здесь стояли несколько узбеков из ближайшего села. Они тоже голосовали. Идти по такой жаре у нас уже не было сил. Мы сняли свои рюкзаки, и сели в дорожной пыли возле узбеков, сидящих на корточках.

Володька пытался спросить у узбеков, мол, сколько времени они так сидят? Но они пожимали плечами, мол, по-русски не понимают. И вот мы видим, со стороны посёлка медленно идёт в нашу сторону грузовая машина. Володя пошёл к ней навстречу. Машина остановилась. Из кабины высунулась

голова узбека. Володя о чём-то с ним поговорил и машет нам, мол, подходите и садитесь. Мы встали и пошли к машине. Мне показалось странным, что при виде этой машины, сидящие на корточках узбеки, никак на неё не прореагировали. Тогда, как всем другим машинам они голосовали.

Когда мы с Андреем подошли к машине, то один узбек вылез из кабины и как-то зло смотрел на нас. Он спросил:

«Поставите водки».

Я сказал, мол, конечно, но где её взять?

«Будет» - сказал узбек – «Стаканы есть?».

Мы сказали, что есть. Тогда он знаком показал, чтобы мы забирались в кузов и садились на дрова, которые лежали там. Я обратил внимание, что за рулём был русский парень, и это вселило в меня уверенность. Мы сказали водителю, что нам надо ехать до 91-ого километра. Он, молча, кивнул головой.

Машина мчалась по шоссе среди бескрайних ослепительно белых песков. Никаких признаков жилья не было видно. Ехали уже около двух часов. И вот впереди показался кишлак. Машина сбавила ход и свернула к нему. Возле саманного домика машина остановилась. Из кабины вышел русский шофёр и два узбека. Злой узбек подошёл к кузову машины и позвал нас с собой:

«Пойдём, стаканы возьми».

Мы не двинулись с места. Узбек злобно требовал, чтобы мы шли с ним. Мы отказались идти. Тогда он отвязался от нас и пошёл внутрь этого саманного домика. Возле домика уже стояло две машины. Саманный домик являлся дорожной харчевней. Из двери доносились пьяные голоса.

Через минут сорок наш русский шофёр вышел из харчевни в сопровождении двух уже весьма выпивших узбеков. Злой узбек подошёл к кузову, с ненавистью посмотрел на нас, но ничего не сказал. Шофёр завёл машину, и мы снова отправились в путь.

Опять потянулись пески, но ветерок усилился, и солнце не так палило. На белёсом небе появились облака. Их чёрные тени плыли вслед за машиной по раскалённым пескам. И вот впереди слева от дороги среди дюн показались горные хребты. Они как бы выныривали из песчаного моря и резко выделялись своей тёмной фактурой среди бело-жёлтых дюн.

Невысокий горный массив Султануиздаг смотрелся гигантским островом среди бескрайних барханов Кызылкум. Самая высокая его вершина – гора Аччытау высотой всего 473 метра над уровнем моря. Но она кажется с дороги огромной скалой. Общая площадь всего горного массива составляет 1250 квадратных километра. Не так уж и мало. 50 километров с севера на юг и 25 километров с запада на восток.

Горный хребет Султануиздаг – уникальное природное образование среди пустыни Кызылкум. Этот горный хребет не что иное, как продолжение наших Уральских гор. Уральские горы, отделяющие Европу от Азии, начинаются от заполярных вод Северного ледовитого океана и тянутся на юг на 2600 километров. В Мугоджарах Уральские горы мельчают, превращаясь в невысокие хребты. А южнее они и вовсе пересыпаются песками пустыни

Кызылкум. И вот здесь уральские горы вновь «выныривают» на поверхность в виде горного массива Султануиздаг. Этот горный хребет уникален не только, как геологический реликт среди четвертичных отложений Кызылкумов, но и как необыкновенное природное явление. Здесь имеются родниковые озёра с чистой водой. И это в самом центре пустыни Кызылкум.

Проехав ещё с полчаса, машина остановилась у километрового столба с надписью «91». Мы быстро выпрыгнули из кузова машины, забрав свои рюкзаки. Подошли к шофёру и сердечно поблагодарили его за то, что он нас подвёз до места. Узбеки смотрели на нас страшным взглядом, полным откровенной ненависти. Русский же парень улыбался. Он ни словом не обмолвился, что мы ему что-то должны. Он только подмигнул нам и включил мотор. Машина поехала своей дорогой, а мы остались одни среди пыльной пустыни.

Теперь нам надо было найти дорогу к самаркандской геофизической партии. В пустыне дороги редки, и их найти трудно, т. к. они часто пересыпаны песком. В нашем случае съезд с трассы был замечен издали. Никакой другой дороги в сторону Амударьи не было, и мы пошли по этой единственной накатанной дороге. Через метров 500 мы увидели несколько саманных домиков с тростниковыми крышами. Дорога проходила поодаль этих домиков. Мы всё-таки решили подойти к ним и спросить - правильно ли идём. Опасаясь злых собак, мы медленно подошли к первому домику. Он больше был похож на кошару. Низенькая дверь была заперта на огромный замок. Кругом была такая грязь и вонь, что аж дух захватывало. На вытопанной у дома площадке валялись обрывки полусгнившей материи, какие-то сломанные колёса, стёртые покрышки и много другой всячины. Но самое противное, что всё кругом было загажено фекалиями, как овечьими, так и человеческими. Мы пошли к другому домику. Там было немного почище. У дома на корточках сидели два узбека в халатах и тюбетейках. Володя стал спрашивать, как пройти к самаркандской геофизической партии. Узбеки смотрели на него, пожимая плечами. Они совершенно не понимали по-русски. Тогда я спросил, где экспедиция? Они сразу закивали головами и стали показывать на дорогу. Стало ясно, что надо идти дальше по дороге.

Солнце уже склонялось к закату. Мы ехали на машине почти 2 часа. Нам несказанно повезло, что до геофизической партии мы добрались засветло. Дорога начала взбираться вверх на бархан. Закатное солнце отбрасывало от нас огромные тени. Казалось, что три великана вышагивали по пустыне.

Поднявшись на бархан, мы совсем рядом увидели несколько уютных деревянных финских домиков, возле которых стояли экспедиционные машины.

«Ну, слава Богу» - подумали мы – «Наконец-то дошли».

Мы спустились к домикам. Внутри невысокой ограды стояли скамейки. Под навесом на высоте 3-х метров располагалась вместительная бочка, литров на 400. Возле неё была растянута большая палатка, служившая столовой.

Мы вошли во двор, сняли рюкзаки и сели на скамейку. И тут дверь домика открылась, и на пороге появились два парня. Один в очках и в

штормовке. На вид ему было лет 28. Другой высокий и худой, лет 23. Тот, что постарше улыбнулся и спросил нас:

«А вы, наверное, наши соседи из поисково-съёмочной экспедиции Кулеша?»

Мы тоже улыбнулись в ответ и представились. Ребята сказали нам, что они всего лишь геологи, а начальства сейчас нет. Главный геолог и начальник партии Сологуб отсутствуют. А сейчас за них старший геолог.

Нас привели в дом. В большой комнате за столом сидел худощавый молодой человек в берете, майке, брюках и сапогах. На вид ему было лет 35. Он сначала тоже подумал, что мы от Кулеша. Но выслушав нас, понял, в чём дело. Старший геолог посетовал на то, что у них сейчас тоже «напряжёнка» с машинами. Все машины каждый день в разъездах. Так что повозить по месторождениям они нас, к сожалению, не смогут. А вот отвезти нас к Кулешу – это можно. Тем более завтра сам старший геолог собирался ехать к съёмщикам Кулеша. Там они должны решить некоторые профессиональные вопросы. Кулеш очень уважаемый человек, проработавший в Султануиздаге уже 12 лет. Он знает эти места, как свои пять пальцев. Он обязательно поможет ознакомиться с геологией района.

После этого разговора старший геолог (представившийся Алексеем), предложил нам поужинать вместе с ними в их полевой столовой. Это предложение для нас было очень своевременным. Мы сегодня целый день ничего не ели. Только выпили чаю в чайхане.

Полевая столовая находилась во дворе под пологом, растянутом над длинным столом. Всего в геологической партии работает 32 человека. Из них 12 местных узбеков - рабочие. Остальные ИТР. Причём, почти все геологи женаты. Их жёны тоже зачислены в штат партии, хотя геологического образования не имеют. В субботу почти все рабочие узбеки разъезжаются по своим кишлакам. На базе остаются только ИТР. Поэтому на ужин пришли всего человек 18 (вместе с нами). Старший геолог предупредил дежурного по кухне, чтобы и нас накормили.

Мы скромно сели за стол. Пришли геологи, стали с нами знакомиться. Нам налили по большой миске супа и поставили возле нас нарезанный серый хлеб. Мы старались не показаться голодными и сначала скромничали. Но потом, видя, что ребята к нам расположены, смолотили суп в два счёта. На второе была каша из кукурузы. Здесь она не пользовалась спросом. Все, особенно женщины, кашу почти не ели, оставляя почти всю её в своих мисках. Повар спросила нас, будем ли мы, есть кашу. Мы ответили, что с удовольствием. Видя, что каши остаётся очень много, нам положили полные миски (горкой). Сидевшие рядом с нами геологи улыбнулись. А мы расправлялись с этой кашей, пока другие пили чай.

Уже стемнело. И началось нашествие комаров. Их было невероятное количество, как в тайге. Геологи быстренько ушли из столовой по своим комнаткам в домиках. Мы же оставались за столом при свете свечей. Комары были настолько злые, что кусали с лёта. Бить их было бесполезно. Поэтому мы

с Андреем пили чай с хлебом, даже не отмахиваясь от надоедливых насекомых. У нас был своеобразный иммунитет после сибирской экспедиции. С Володькой было иначе. Его организм не переносил укусов комаров. Он старался не показывать виду, что страдает. Но мы видели, что укушенное место на коже Володи сразу резко покраснело и опухало. И буквально через несколько минут всё его лицо изменилось до неузнаваемости. Стало красным и сильно опухшим. Нам пришлось пойти в дом.

Старший геолог принёс нам отчёт самаркандской геофизической партии по геологии района и подробную геологическую карту. Алексей показал нам образцы кварцевой жилы из Полевской точки. Это был кавернозный кварц серого цвета с микроскопическими вкраплениями золота. Золото можно было рассмотреть в лупу. Многие начинающие геологи принимают за золото мелкие вкрапления пирита в кварце. Хочу сказать, те, кто хоть раз видел своими глазами самородное золото в кварце, никогда не спутает его с пиритом. Золото не окисляется в природе и имеет совершенно специфический цвет и блеск. И даже твёрдость его проверять не надо. Золото похоже только на себя.

Мы спросили, какое среднее содержание золота в Полевской точке. Алексей с гордостью ответил, что от 0,3 грамм на тонну до 5 грамм на тонну в различных местах. То есть получается, что везде промышленное содержание. Кроме Полевской точки есть ещё участки с повышенным содержанием золота. В 1969 году на золотоносных участках начнётся детальная разведка и подсчёт запасов. Алексей рассказал нам, что на Султануиздаге найдено 126 минеральных видов и большинство минералов в кристаллической форме. Он показал нам бирюзу, которую добывали ещё в средние века. Очень много штолен сохранилось ещё с тех времён. Кулеш знаток всех этих средневековых копей.

Поговорили ещё о недобросовестных геологах, которые норовят на сенсационных результатах опробования поднять свой авторитет. Алексей сетовал на то, что достоверность опробования частенько из-за желания сенсационных результатов оказывается недостоверной. Но высказаться ему не дала его жена. Она позвала его и он ушёл. Мы углубились в чтение отчёта. Но тут пришли молодые геологи. Начался разговор о жизни и быте. У ребят, видимо, давно наболело на душе и они стали нам говорить о своих неурядицах. Ребята рассказывали нам о большой текучести кадров в партии. Из-за того, что почти все геологи живут здесь стационарно с семьями, почти все переругались между собой. Всё начинается с сор хозяйек. Женщины между собой переругались и своих мужей стравливают. Я вспомнил слова Кузнецова, главного геолога из Дарвазы. Он говорил, что если в стационарном посёлке геологов собираются больше трети женатых семей, то пиши, пропало. Скоро все между собой переругаются. И начнётся всё с жён. Он так же говорил, что если на буровой работает хотя бы треть узбеков, то работы не будет. Пойдёт один брак. Так же происходит и в геофизической партии. Узбеки не хотят работать и, как только геолог отойдёт по своим делам, они начинают жевать свою наркотическую траву «насвай» и беспрерывно болтать. Работа подождёт.

А ещё хуже дело обстоит на опробовании участков. Вместо равномерного опробования жил, узбеки рабочие набирают камней, откуда попало. Им лень долбить канаву. Начинается ругань, вплоть до увольнения.

Время было уже позднее. Геологи предложили нам лечь на раскладушки. Или на улице под пологом или в комнате. Мы сказали, что на свежем воздухе нам будет лучше. Нам дали раскладушки и лёгкие спальные с чистыми вкладышами. Мы вышли во двор, растянули марлевые пологи над раскладушкой и забрались в спальные. Ночь была на удивление звёздная. Луны не было, и они сияли, как угли среди пепла. Лёгкий ветерок колыхал марлевый полог, над которым роились миллиарды комаров. Их монотонный гул стал нас убаюкивать, и мы быстро заснули.

Проснулись рано. На кухне звякал посудой дежурный. Солнце уже выглянуло из-за горизонта. Его лучи ещё не жгли, а только ласкали. Свежий ветерок разогнал всю мошкарку. Вставать страшно не хотелось. Но пришлось себя пересилить.

Сегодня был выходной день - воскресенье 25 августа. В этот день подъём был на час позже: в 8 утра. Геолог Михаил вместе с женой и ребёнком собирались ехать в посёлок Беруни за покупками. К жене Михаила подходили женщины и передавали записочки, что им надо купить в посёлке. Похоже, что не часто народ здесь выбирается в цивилизацию.

После завтрака Михаил сел за руль УАЗИКа. Кроме нас троих в машину сели жена Михаила с парнишкой лет семи и старший геолог Алексей. Планировалось сначала заехать в поисково-съёмочную экспедицию к Кулешу, а затем, на обратном пути, отправиться за покупками в посёлок Беруни.

Выехали на шоссе и проехали вдоль южного склона Аччытау километров пять. Затем свернули на грунтовую очень пыльную дорогу, ведущую на север. Ехали по каменистой пустыне, то поднимаясь на хребты, то спускаясь на дно древних глубоких оврагов. Но вот горы остались позади. Дорога шла по степной части Султануиздагского массива. Через километров 10 показались развалины средневековой крепости. Её глинобитные стены чётко вырисовывались на вершине хребта. Дорога стала взбираться вверх и вела к развалинам. Не доезжая до крепости, дорога стала спускаться вниз. Там, внизу, блестело маленькое озерцо, возле которого росли высокие пирамидальные тополя. Там же видны были крыши двух домиков, крытых тростником. Это и была база геологической съёмочно-поисковой экспедиции. Начальником этой экспедиции был А.А.Кулеш.

Наша машина остановилась у низенького заборчика, больше похожего на плетень из сушёного тростника. За этой плетенью возвышался навес с тростниковой крышей. Под навесом стоял стол и две скамейки. Первое моё впечатление, будто я попал в гости к Миклухо-Маклаю. Его фотографии на фоне хижины, крытой пальмовыми листьями были у нас в учебнике по географии.

Под тростниковым навесом на скамеечках сидели бородатые геологи, и мирно разговаривая, пили горячий чай. Просто идиллия: патриархальная семья

за чаепитием. Видя нас, крепкий пожилой мужчина поднялся с места и пошёл в нашу сторону. Старший геолог Алексей пошёл к нему навстречу. Они поздоровались. Мы пока стояли в стороне.

Затем Алексей позвал нас. Мы подошли. Перед нами был плотный пожилой человек с умным, внимательным взглядом, державшийся очень солидно. Сразу было видно: это и есть начальник экспедиции.

«Зачем пожаловали?» - спросил нас Кулеш.

Мы представились. Объяснили, зачем мы здесь и с какой целью. Я достал рекомендательные письма. Кулеш даже не стал читать их. Он попросил нас сесть и начал говорить. Он говорил о том, что за последнее время в геологической среде активизировались некоторые личности, желающие присвоить себе результаты долгих и упорных трудов. В прошлом году к нему сюда приезжала из МГУ аспирантка - некто Воскресенская. Как заметил Кулеш, она писала свою диссертацию, не выходя из машины. Содрала у них из отчёта всё, что только можно и начала излагать это под своим именем. Конечно, в Москве геологи ближе к министерскому начальству и могут получать степени и деньги, но не надо быть плагиатором.

Таково было его вступление. Он понимал, что мы не такие, как эта Воскресенская. Мы приехали сюда с благородной целью: собрать коллекцию образцов для музея. Вся наша работа построена на голом энтузиазме. Кулеш любил энтузиастов. Но мы приехали в нехорошее время: сейчас не только конец полевого сезона, но и отчётный период. Через три месяца у них защита отчёта. Надо добрать пробы, согласовать многие нестыковки в геологических вопросах. И ещё одно обстоятельство: в конце полевого сезона с бензином всегда проблемы. Однако, ценя наше благородное стремление пополнить музей хорошими и редкими образцами, экспедиция не останется в стороне от добрых дел и поможет нам тем, что в её силах. Сам Кулеш сегодня уезжает в Ташкент. Он даст нам знающего геолога, и этот геолог повозит нас денька два по интересным минералогическим точкам Султануиздага. А дальше ребята отвезут нас к геофизикам, которые покажут нам эту самую знаменитую Полевскую золотоносную точку. На этом и порешили.

Кулеш пригласил нас поесть с дороги. Мы помялись, но отказываться не стали. Повар накрыла стол и все стали усаживаться под тростниковый навес. На первое был наваристый борщ. Удивительно, мясной борщ в центре Кызылкум, да ещё в эпоху всеобщего дефицита. Мы спросили, а откуда мясо-то взяли? Кулеш улыбнулся и сказал, что это зайчатина, добытая на охоте.

Кулеш собирался уезжать в Беруни и оттуда самолётом в Ташкент. Перед отъездом он давал распоряжения геологам. Все его внимательно слушали и запоминали. К нам он прикрепил студента-практиканта Славу.

Я очередной раз подумал: как же нам везёт. Приехали бы мы сюда на три часа позже и Кулеша не застали. Тогда бы всё могло быть иначе. А теперь нас взяли под свою опеку геологи съёмочной экспедиции. Наш шеф геолог Слава оказался наш «в доску» парень. Он находился здесь на производственной практике после третьего курса геологического факультета ташкентского

Университета. Шесть лет назад его с первого курса забрали в армию. Он отслужил три года и восстановился на свой геологический факультет. Слава старше нас на четыре года, но это не чувствовалось. Он был такой же студент, как и мы.

После отъезда Кулеша Слава сходил на склад, принёс раскладушки и спальники. Он сказал, что они спят на воздухе под марлевым пологом. Под тополями стояло несколько раскладушек со спальниками. Свои раскладушки мы тоже поставили там же, возле Славиной. Затем мы свернули по «самокруточке» и с удовольствием закурили махорочки. Папирос у нас уже давно не было, зато был целый мешочек махорки. Слава увидел у нас махорку и тоже попросил дать ему закурить. Андрей отсыпал ему махорки. Слава, как заправский геолог скрутил себе козью ножку и тут мы его ещё больше «зауважали».

Лёжа под тополями, мы разговорились. Слава всё хвалил Кулеша. Он пользовался всеобщим уважением. В Ташкенте у него семья. Его сын уже учился в 10-ом классе. Кулеш очень боялся, что и он станет геологом. Он в шутку говорил, что, мол, ноги вырвет, если он захочет поступать на геологический факультет. Никому бы не пожелал этой геологической жизни без семьи, по 8 месяцев в поле. Это же одни переживания, то девушка изменила, то жена разлюбила, то дети растут без отца и упрекают, что ты их и не воспитывал вовсе. Собачья наша жизнь геологическая. Ну, а если по совести, то ни один настоящий «геолог-полевик» не променял бы эту свою собачью жизнь среди вольной природы на кабинетную духоту среди коридорных склок сослуживцев.

Вместо себя на хозяйстве Кулеш оставил двух начальников: старшего геолога Буртмана Рафаила Исааковича и старшего геолога Когана Льва Борисовича. Мы ещё только познакомились с ними и не представляли, какие это замечательные люди.

Ближе к вечеру геологи начали собираться на рыбалку. В двух километрах от их лагеря было несколько озёр. Туда они ездили на машине по выходным и иногда вечером после работы. Рыбы там много. Места здесь дикие и священные. Мусульмане приезжают организовано к усыпальнице своего святого Султан-Ваис-Бобо, но она находится далеко от этих мест: на южном склоне горного массива Султануиздаг. В честь этого мусульманского святого и назван весь этот горный массив.

На рыбалку поехало семь человек. Лев Борисович Коган был за рулём. В УАЗике сидели мы с Володькой, наш шеф Слава Стариков, Буртман Рафаил Исаакович, геолог Валентин и рабочий Степан. Наш товарищ, Андрей, отказался ехать. Он остался читать отчёт и делать оттуда выписки.

По дороге я спрашивал, что ловится в том озере? Оказывается, здесь несколько больших и малых озер. Всё это старицы Амударьи. Давно-давно несколько тысяч лет назад русло Амударьи находилось в здешних горах. Затем оно изменилось из-за старения реки. Старицы же остались, «подпитываясь» родниками. Озёра в центре Кызылкум издавна привлекали внимания птиц и

дичи. В камышах этих озёр гнездятся гуси, утки и много других водоплавающих птиц. Туда захаживают лисы, зайцы и всякая другая живность. Осенью здесь останавливаются на отдых перелётные птицы. Озёра богаты рыбой. Здесь водится судак, сазан, карась, щука, лещ и даже сомы. Про здешних сомов ходят легенды. Будто они живут здесь больше ста лет и достигают длины до трёх метров и весят до 200 килограмм. Позже, как-то у костра Лев Борисович Коган рассказал, как они два года назад на «квок» выловили из здешнего озера огромного сома весом под пятьдесят килограмм. Ловля на «квок», это целое искусство. Скажу только, что «квок» - это своего рода манок. Квок – специальный инструмент, с помощью которого ударом по воде вызывают специфический звук, похожий на зов самки сома.

Как только подъехали к озеру, Лев Борисович, как мальчишка выбежал из машины, взял большой сачок и бросился в камыши. Это он побежал ловить мальков, пока их не распугали. В засученных по колена штанах, он носился туда и сюда. В результате, наловил довольно много маленьких рыбёшек. В Москве они бы даже пошли на жарку. Они были до 10 сантиметров длины. Пойманную рыбу вывалили в бидон с водой. Эти мальки годились для насадки на удочку и спиннинг.

Нам с Володькой тоже дали удочки. Мальков расхватили по баночкам. Рафаил Исаакович взял ружьё. Он пошёл подальше от нас пострелять сазанов. Дело в том, что в полдень и ближе к вечеру большие сазаны подплывают к берегу подкормиться мелкой рыбёшкой. Находясь в камышах, они почему-то издают странные звуки, похожие на громкий поцелуй. Если ты тихонько идёшь вдоль берега в камышах, то можешь услышать эти звуки. Тогда не зевай и стреляй дробью туда, где слышишь этот громкий звук. Если попадёшь в сазана, то он всплывает вверх брюхом. Много позже, работая в Прибалхашье, мы так же охотились на больших сазанов.

Ребята стали расходиться по своим рыболовным местам. Слава повёл нас с Володькой на своё место. Мы ловили на живца, который ещё дёргался на крючке. Володьке удалось сразу поймать небольшого судочка размером с ладонь. Он был этому нескончаемо рад. Но Славка, видя это, снял аккуратно этого судочка с крючка и бросил его обратно в озеро. Нам он объяснил, что таких здесь не ловят. Они слишком малы. Надо ловить большую рыбу не меньше 30 сантиметров длиной. Однако на Славкином месте попадались одни маленькие судочки, которых мы, сняв с крючка, снова бросали в воду. У меня было такое впечатление, что одна и та же рыбка ловилась несколько раз.

Славке тоже надоело ловить мальков, и он достал из сумки другую наживку. Это была густая каша из кукурузы. Мы подошли к самым камышам и там стали ловить на кашу. Славка первый выловил здорового сазана на полкило весом. Скоро и у меня клюнуло, да так быстро, что я не успел среагировать. Но после этого я тоже подсёк большого сазана. Еле вытащил его. Думал, что удилище сломается. Но после этой хорошей поклёвки, как нарочно подул сильный ветерок. Рыба, видимо ушла на глубину. Совсем перестала клевать у берега. Зато на донку ловилась отлично. Ребята выловили трёх

больших судаков и штук пять сазанов под килограмм весом. Пришёл Рафаил Исаакович (Рафик, так его называли здесь). Ему так и не пришлось сделать ни одного выстрела, и он намеревался пойти на охоту на утренней зорьке. А сейчас надо было возвращаться в лагерь.

Перед отъездом мы искупались в озере. Вода у берега тёплая, а на глубине прохладная. Дно песчаное. Но плохо, что в песке много обломков иголок верблюжьей колючки. Она здесь растёт в изобилии. Я себе все ноги исколол.

В лагере нас радостно встретила повариха тётя Маша. Она всем тут была за маму. Заботилась о каждом, как о собственном сыне. Тётя Маша не знала, что готовить на ужин. Она предполагала, что мы привезём рыбы, поэтому не начинала готовить. И вот теперь, по желанию трудящихся, она хотела эту рыбу запечь. Надо сказать, что тётя Маша каждый день выпекала вкуснейший хлеб и делала булочки с изюмом на завтрак.

В воскресенье в экспедиции Кулеша ждали гостей. Здесь недалеко возле развалин старой крепости стояли лагерем археологи. Они частенько заходили в гости к геологам. И вот сегодня был такой день. Рафик обещал им передать черепки горшков, которые были найдены возле кварцевых жил в Джилдасае. Единственная женщина-геолог в экспедиции Кулеша к приезду гостей стала прихорашиваться. Аспирантка ташкентского Университета уже третий сезон работала в экспедиции Кулеша. Держалась она независимо и с подчёркнутым достоинством. Она занималась своей диссертацией, и текучка геологической съёмки её не касалась. В отличие ото всех, она ела из своей тарелочки с вилочкой и ножичком. Сегодня к приезду гостей она навела полный марафет. Накрасила губы, подвела брови и надела вечернее платье.

Ровно к семи вечера пришли археологи. Их было два человека. Начальник московской археологической партии высокий худой человек лет сорока и его коллега - недавний выпускник историко-архивного института, совсем ещё молоденький парнишка.

Тётя Маша накрыла стол. Все расселись и стали ужинать. Начальник археологической партии Вадим Николаевич начал увлекательно рассказывать об истории этого края. Он так увлечённо говорил и так много хотел сказать, но его главный недостаток мешал ему это делать. Вадим Николаевич сильно заикался. В своём дневнике я писал об этом, как говорится с натуры:

«Он был готов часами рассказывать о черепках, наконечниках стрел, о разрушенных крепостях, о диких кочевниках. Говоря об этом, он весь преображался. Глаза его загорались каким-то голубым огнём, он жестикулировал, но его слова не поспевали за быстротой его мыслей. Он сильно заикался. Зная это, он старался говорить медленно и вкрадчиво. Однако мысли толкались у него в голове и вырывались в виде жестов».

Мне очень понравился его рассказ о здешних святых местах. Эти места издавна посещали мусульманские паломники. В начале 1950-х годов, в то время, когда по всей нашей стране хрущёвские атеисты крушили остатки православных церквей, здешние узбекские начальники возле усыпальницы

Султан-Вайис-Бобо построили целый комплекс культовых сооружений. Для паломников был построен большой гостиничный центр – мехмонхана. Были созданы все условия для священного хаджа. Построена огромная крытая терраса для принятия пищи. Налажено кухонное хозяйство для приготовления жертвенных баранов. Здесь был большой бассейн – хауза, где совершали умывание, купание и «водопитие». И самое главное: в эпоху строжайшего социализма здесь махровым цветом процветала коррупция. Это паломничество стоило советским мусульманам огромных денег. За каждый шаг, за каждый обряд, за любое удовольствие – плати большие деньги.

Культ Султана-Вайис-Бобо появился в этих местах в середине первого тысячелетия нашей эры. Пастух из Йемена поселился в этих некогда благодатных местах. Он стал одним из первых последователей Пророка Мухаммеда. Он считался покровителем дождя и верблюдов. Здесь проходил караванный путь из Китая в Греки. Здесь, на месте старого доисторического капища, и поселился бедный пастух. Он проповедовал ислам. После его смерти он упокоился в этих горах. Хорезмское ханство стало культом Султан-Вайис-Бобо. На месте его захоронения построили мавзолей. Тысячи мусульман стали совершать сюда паломничество. Особенно много приходило сюда бесплодных женщин, больных и убогих. Возле мавзолея был источник. Считалось, что он вытекает из ног погребённого святого. Все паломники - больные и здоровые совершили омовение в бассейне, надеясь исцелиться и очиститься от грехов. В священном бассейне и до сих пор плавают огромные карпы, поросшие мхом от старости. Весь хадж расписан по времени. Там работает целый конвейер платных услуг.

Археолог подробно рассказывал нам атеистам о мусульманских обрядах. В частности о тех, что имеются на месте паломничества. Мне больше всего понравился ритуал снятия грехов. Это своего рода покупка индульгенций. Каждый паломник проходит возле весов. Служитель здешнего культа - шейх (монах) кладёт на чашу весов чёрные камни. На другую чашу он кладёт белые камни. Весы начинают двигаться и замирают. Перевешивают чёрные камни. Тогда шейх смотрит на паломника. Паломник достаёт подарок. Шейх добавляет белые камни в «добрые» дела. Чаша с добрыми делами перевешивает. Паломник отдаёт подарок (деньги) шейху. Теперь паломник прощён, а церковь получила деньги. Все довольны. Можно снова грешить.

Кормление священных рыб, подвязывания цветных тряпочек, ритуал «Аврох-уйи» и многое другое – всё является платным. «Аврох-уйи» - домики из камней строят мусульмане, имитируя магическую связь со своими предками. А ведь этот культ идёт из глубины веков с доисламского времени. Да и мусульманская Святая Амбар-она – покровительница женщин, которой здесь поклоняются (заодно при прохождении хаджа) не что иное, как воплощение прежней доисламской богини Дизаны (Дианы) – богиня воды, плодородия и деторождения.

Если бы не тяжёлая речь Вадима Николаевича, то его можно слушать бесконечно. Но его заикание несколько утомляет. Рафик предложил включить

приёмник и послушать последние новости. Здесь практически без помех можно было слушать «Би-би-си», «Голос свободы» и «Голос Америки». Геологи вполне себе демократически настроенные люди. Поэтому такие станции слушались со вниманием. Сегодня было 25 августа. Самый разгар Чехословацких событий.

Мы втроём уже несколько месяцев не слышали «вражьи» голоса. Совершенно не знали, что в Чехословакии началась борьба народа за демократию, за так называемый «Социализм с человеческим лицом». В таком «Социализме» давно жила Югославия. И чехам и словакам тоже хотелось так жить. Народ пошёл на демонстрации. Их поддержали и партийные руководящие органы. 21 августа советские войска в количестве 500 танков, БТР и 500 тыс. солдат вторглись на территорию Чехословакии и вошли в Прагу. 25 августа в Москве на Красной площади состоялась демонстрация демократически настроенной молодёжи против советского вторжения в Чехословакию. Демонстрация эта была жестоко разогнана и все её участники были арестованы. Вот, как раз об этом были все иностранные передачи.

Когда я услышал о вторжении в Чехословакию, то очень испугался, как бы дело не дошло до военных действий. И не только я себя так чувствовал. Все мы, слушающие «вражий голос», верили в факт этих событий, но не могли понять, на чьей стороне правда. Мы ловили наши советские передачи. Но ни в одном последнем известии не упоминалось о пражском вторжении. Нам хотелось услышать комментарии наших руководителей страны. Но их не было. Позже мы узнали, что в результате Чешских событий нашими солдатами было убито 108 чешских граждан и более 500 ранены. И самое главное: у чехов с тех пор пропало уважения к русским людям.

После прослушивания «вражеских голосов» начались всеобщие обсуждения. Народ интеллигентный, не вкусивший сталинского ГУЛАГа и взращённый на хрущёвской оттепели, категорически не приветствовал советское вторжение. Однако мы считали, что вражьи голоса чего-то не договаривают. Нам не хотелось считать наших правителей агрессорами.

Уже поздним вечером народ стал расходиться ко сну. Вадим Николаевич попросил Рафика отвести его завтра к месту находки скопления черепков. Рафик сказал, что завтра в 7 часов он повезёт нас - студентов в те места и заберёт его. Археологи ушли, и мы тоже пошли к нашим спальникам. Этот день был для нас таким длинным и насыщенным, что нам, казалось, прошла неделя. Опять мы лежали под открытым небом, опять видели огоньки звёзд и опять ждали от завтрашнего дня только хорошего.

Проснулись очень рано. В шесть утра весь лагерь был на ногах. Добрая тётя Маша уже приготовила завтрак. На столе к нашему удивлению были свежие овощи: помидоры, лук, редис и листья салата. Каждому полагалась миска манной каши, сваренной на молоке, свежая булочка с изюмом и крепкий чай. О таком завтраке можно мечтать даже в Москве. Откуда взялись свежие овощи в пустыне, я так толком и не понял. Были намёки на то, что геологи их покупали у местных узбеков. У хозяев этих домиков, которые геологи снимают

на полевой сезон. Сами хозяева этих домиков живут в кишлаке в нескольких километрах отсюда возле другого большого озера (кажется Акшаколь). Там они содержат огород. Кормят себя и экспедицию.

После завтрака все геологи и мы уселись в машины и поехали к месту работ. Лев Борисович Коган был за рулём в нашем УАЗИКЕ. Здесь все старшие геологи водят машину и совмещают свою работу с работой шофёра. С одной стороны это дополнительная зарплата, с другой – нет зависимости от штатного шофёра. А как показала моя дальнейшая полевая практика, этот фактор очень важен.

Сначала Лев Борисович развёз по точкам геологов, в том числе и нашего сопровождающего Славку. Затем он целый рабочий день возил нас в интересные обнажения, где встречались исключительно интересные минералогические ассоциации. С каждого обнажения мы собирали друзовые образцы, как для музея, так и для студенческих учебных коллекций. А собирать было что.

Как я уже писал, Султануиздаг – это те же самые Уральские горы. Всем известно, что некогда высокие Уральские горы сейчас сильно денудированы (разрушены от времени). То есть, можно видеть внутреннее строение этих гор и все геологические процессы, сформировавшие их. Как известно, Уральские горы сформировались во время Герцинской складчатости в позднем палеозое почти 300 млн. лет назад. В неогене Уральские горы стали сильно разрушаться. Это случилось 25 млн. лет назад. Благодаря этому денудационному процессу можно видеть всю «изнанку» Уральских гор. То есть геологическую историю Земли, за очень длительный период, начиная с силура (450 млн. лет назад). Самое интересное, что в районах горообразования множество геологических процессов накладываются друг на друга и интенсивно сменяют один другой. Это не то, что на платформах – идёт длительный и монотонный один процесс осадконакопления. В геосинклинальных областях идут бурные вулканические, магматические, метаморфические, метасоматические, гидротермальные и другие процессы. И всё это можно подробно рассмотреть на Урале. В созданном геолого-минералогическом природном Ильменском заповеднике. Туда приезжают тысячи геологических экскурсий. Однако вся сложность осмотра заключается в том, что средняя часть Уральских гор покрыта густыми лесами, тайгой. Обнажений там немного. Самая южная часть Уральских гор - Султануиздаг находится в каменистой безлюдной пустыне. Там 100% обнажённость. А геологические процессы там можно наблюдать те же, что и в Ильменском заповеднике.

Я благодарен судьбе, что сам мог увидеть уникальное, с геологической точки зрения, место на Земле. Можно только мечтать, чтобы здесь организовали геолого-минералогический заповедник. Пока этого нет и, видимо, никогда не будет.

Тогда за целый рабочий день мы своими глазами увидели гранитные массивы, рассечённые дайками и пегматитовыми жилами. Увидели метасоматизированные породы на контакте с интрузивами различного

химического состава. Видели гидротермальные жилы с крупными минеральными гнёздами. Короче, всё, что мы видели, описывать можно очень долго. Кроме того, что мы видели воочию, мы ещё изо всех экзотических мест отбирали образцы.

Мы отобрали великолепные образцы друз амфиболов. Кристаллы роговой обманки чёткие от 1 до 1,5 см. шириной и до 19 см. длиной. Причём, на кристаллах практически нет сколов. То есть они вполне себе витринные. Из одной пегматитовой жилы мощностью в 5 метров нам удалось выколоть несколько друз альбита с чёткими кристаллами размером до 5 см. В одном месте в зоне метасоматоза нам посчастливилось отобрать образцы с кристаллами ильменита и циркона размером до 3 см. друзы этих минералов очень хорошо смотрелись в солнечных лучах. В другом месте в зоне кристаллических сланцев нами были отобраны отличные сростки кристаллов ставролита и сподумена.

Очень нам понравилась одна точка с выходами на поверхность благородного талька. Минеральная ассоциация здесь точно такая же, как на среднем Урале в Шабрах. Здесь так же совместно с тальком присутствует анкерит, вишневит и нефелин.

В каждой точке отбора образцов мы хотели собрать более качественный и красивый (витринный) материал. Но на это нужно время. Можно одним неверным ударом молотка или не так поставленным зубилом сломать прекрасный образец. Мы старались работать без брака. Однако Лев Борисович постоянно торопил нас. Он говорил, что ещё столько много интересных мест надо посетить, а время в обрез. Надо сказать, что к концу дня мы собрали уже около 60 килограмм друзового материала. Лев Борисович торопил нас ещё потому, что в конце дня мы должны были заехать за ребятами, отбирающими пробы из участка с повышенным содержанием магнетита и ильменита. Это место здесь называли «Магнитная гора». С этой горой было связано много интересных явлений. Во-первых, данные магнитной съёмки с самолёта показывали здесь большую магнитную аномалию. Во-вторых, компас здесь крутился во все стороны и никак не показывал на север. В-третьих, в пустыне в солнечный день вдруг собирались откуда-то облака, соединялись в тучи и кружили над Магнитной горой. Во второй половине дня над Магнитной горой начинаются грозы. Чаще сухие, без дождей, но с устрашающими молниями и громом. Молнии ударяют в Магнитную гору. Были даже смертельные случаи. Говорят, что там нашли свою смерть два погонщика верблюдов. Никто не знает, как они попали на эту гору, но у узбеков эта гора называется «Шайтан».

Геологическая разведка нашла под этой горой отложение джеспеллитов (метаморфизированных железистых кварцитов). Но запасы этого месторождения небольшие. Их добыча становится рентабельной, если здесь начнут разрабатывать золоторудное месторождение Полевское.

Лев Борисович должен был забрать геологов в шесть вечера. По пути к Магнитной горе есть ещё одно очень интересное место. Это средневековые разработки бирюзы. Бирюза встречается в кварцевых жилах. Эти жилы хорошо

видны. Они тянутся на десятки метров, пересекая зону хлоритизированных сланцев. Бирюзу добывали рабы в неглубоких штольнях. Вход в эти штольни практически не заметен. Лаз очень узкий: высотой в метр и шириной всего полметра. Если не знать, где находятся эти лазы, то их никогда не найдёшь. Устье древних штолен обрушилось и, чтобы попасть внутрь, надо сделать расчистку. Две таких штольни расчистили геологи Кулеша. Мы подъехали к одной из этих штолен.

Как только машина остановилась, мы подошли к устью штольни. Лаз в штольню был откопан. Коган Лев Борисович специально взял фонари. Он сказал нам, что штольня очень узкая и надо лезть туда друг за другом, держа интервал полтора метра. Это, чтобы можно развернуться, в случае чего.

Лев Борисович полез первым. Только он встал на колени, чтобы сунуться в лаз, как оттуда с бешеной скоростью вылетело какое-то существо, похожее на крокодила. Мы в испуге шарахнулись в сторону. А Лев Борисович сказал нам, что это всего-навсего варан. Гораздо хуже, если в штольне окажутся змеи. Такие места обожают гюрза и песчаная эфа. Их здесь довольно много.

Это предупреждение нам явно не понравилось, но мы всё-таки полезли под землю. Древняя выработка была на удивление устойчивая. Очень узкая, без какой-либо крепи. Шла чётко по кварцевой жиле. Причём там, где встречалась бирюза, там была небольшая камера размером два на два метра. Здесь добывали бирюзу. Видны ниши с остатками металлических колец, к которым приковывали рабов. Все стенки камеры закопченные. Работали с масляными лампами. Добывали бирюзу вручную. Проходка велась огневым способом. В забое разжигали костёр, камень (кварцевую жилу) нагревали и затем поливали холодной водой. Кварц давал трещины. В эти трещины забивали клинья. Затем эти деревянные клинья смачивали водой. Дерево разбухало, расширяя трещины. Затем в эти трещины забивали металлические клинья и откалывали куски кварца и породы. Представляю, как тут дышалось рабам, когда под землёй горели костры.

Сюда Коган привозил археологов. Они говорят, что, скорее всего эти выработки времён Тамерлана. Где-то конец XIV века. Труд рабов тогда особенно был востребован. Интересно, что здесь же на Султануиздаге были средневековые разработки золота. Но где были эти разработки - не известно.

Мы попытались отколоть маленький кусочек бирюзы, торчавший в стенке выработки. Но кварц был настолько крепкий, что только искры летели от закаленного зубила. Коган, видя, что наше рвение может продлиться несколько часов, обещал нам дать по кусочку бирюзы из этой выработки. Они ещё в начале сезона здесь хорошо поработали и кое-что набрали.

Время подгоняло, и мы вынуждены были вылезать из этой штольни. Когда вылезли на поверхность, то услышали раскатистые громовые раскаты. Коган сказал, что надо спешить к ребятам, там началась гроза. И действительно, над Магнитной горой висела огромная чёрная туча. Грохотало оттуда. Молнии одна за другой вылетали из черноты туч и одна за другой вонзались в гору. Тогда, как кругом нас было светлое небо, над Магнитной

горой лил сильнейший ливень. И это в центре пустыни Кызылкум. Вот какой природный феномен удалось нам увидеть сегодня.

Мы поехали к горе. Ребята шли нам навстречу. Все насквозь промокшие. Они быстро сели в машину, и мы поехали на гору забирать отобранные ими пробы. Пробы лежали в рудных мешках. Мы их погрузили и заметили, что кузов нашей машины тут же просел. Пробы весили не меньше 200 килограмм. Чувствуя перегруженность машины, Лев Борисович ехал медленно. Дороги здесь никакой не было. Ехали по камням и ухабам по сильно пересечённой местности. Тут главное рессоры не сломать. Ну, слава Богу, добрались нормально.

Тётя Маша встречала нас горячим обедом. По-матерински бранила нас, мол, что мы так задержались. Она уже устала подогревать наш обед. А мы, умывшись, накинулись на еду. Нам даже добавки подлили. Довольные и сытые мы стали заворачивать наши сегодняшние образцы. Геологи дали нам обёрточную бумагу и рудные мешки. А Рафаил Исаакович Буртман ещё утром привёз от археологов деревянный ящик под наши образцы. Видя объём образцов, он посетовал, что взял у них только один ящик. Но и один ящик для нас было целое счастье. Мы его упаковали под завязку. Конечно, хотелось бы ещё ящик достать, образцов действительно было много.

Поздно вечером все геологи уселись у костра. Костёр был небольшой, можно сказать символический. Дрова здесь дефицит. В огонь подбрасывали кизяк. Он дымил и отпугивал назойливых комаров. Хотя комаров было вовсе немного. Это место вечером хорошо продувалось.

У костра геологи разговаривали между собой. Я как-то сблизился со Славкой Стариковым. У нас, как ни странно, нашлись общие знакомые. Дело в том, что в нашей группе ПС-66 учился парень Володька Перепелица. К нам во МГРИ он попал после армии. До армии он учился на геологическом факультете ташкентского Университета в одной группе со Славкой Стариковым. Володька Перепелица, Славка Стариков и Мишка Орлов были закадычными друзьями. Их забрали в армию после первого курса. Находясь в армии в разных частях, они переписывались между собой, но как-то в конце службы потеряли связь между собой. И теперь я случайно сказал, что в нашей группе учился парень из Ташкента. Оказалось, что это был друг Славки. Как говорится: мир тесен.

Поздно вечером стали укладываться ко сну. У нас завтра был последний маршрутный день. Лев Борисович Коган обещал в обед отвести нас в стационарную самаркандскую геофизическую партию. Туда, откуда нас привезли всего день назад. Коган хотел попросить старшего геолога геофизиков помочь нам с транспортом до Самарканда. Он слышал, что на днях к геофизикам должны прилететь из Самарканда испытатели нового прибора. Коган хотел замолвить за нас словечко: вдруг удастся отправить с этим самолётом нас в Самарканд? Это было бы просто чудесно. Но никто не знал, когда этот самолёт прилетит. Поэтому нам оставалось только надеяться на чудо.

Утром поднялись в полшестого. Надо было собрать все вещи и позавтракать. Тётя Маша, зная, что мы уезжаем из лагеря, испекла нам на дорожку пирожков с рыбой. Это было так трогательно. Мы почти со слезами на глазах прощались с тётей Машей и с геологами. Славка Стариков написал записку Володьке Перепелице и просил меня, её передать.

Попрощавшись с геологами, мы погрузили свой багаж, сели в машину и вместе Львом Борисовичем поехали на осмотр ещё двух очень интересных минералогических точек в южной части хребта Султануиздаг.

Мы подъехали к холму, который был рассечён разведочными канавами. Здесь проводились поисково-разведочные работы на редкоземельные минералы колумбит и танталит, которые находятся в пегматитовых жилах. Жил всего пять. Но мощность (ширина) их достигает 10 метров. Протяжённость жил небольшая - до 500 метров. Канавы были прорыты поперёк этих жил. Выработки достаточно свежие. Разведка здесь закончилась в прошлом году. Запасы тантала и ниобия здесь небольшие и разрабатывать это месторождение никто пока не собирался. Зато с минералогической точки зрения – это прекрасное место.

Мы начали исследовать канавы. Найти кристаллы колумбиты не представляло никакого труда. Но эти кристаллы были очень малы: до 5 мм. Вокруг каждого кристалла был своеобразный ореол тёмного цвета. Колумбит и танталит слабо радиоактивны. Этот ореол не что иное, как продукт радиоактивного распада. Мы отобрали несколько образцов с этими минералами исключительно для учебной студенческой коллекции. Нас больше интересовали прекрасные кристаллы чёрного турмалина: шерла. Они торчали внутри полевого шпата. Длина кристаллов достигала 10 см., в поперечнике они были 5 см. Но друз турмалина мы не нашли. Зато выдолбили несколько друз бледно-зелёного берилла. Хоть берилл был абсолютно непрозрачный, но его кристаллы размером до 5 см. смотрелись великолепно. Они совершенно без сколов и в поперечнике достигали 2 см.

На этих жилах мы провели за работой часа три. За работой время пролетело совершенно незаметно. Пока мы работали, Коган уже успел съездить на другой участок.

И вот, мы погрузили добытые здесь образцы и сели в машину. Теперь уже, не останавливаясь, поехали к самаркандским геофизикам. Скоро выехали на шоссе, доехали до знакомого нам километрового столба «91». От него повернули в стационарный лагерь геофизиков.

Несмотря на рабочий день (вторник), геофизики были в своих домиках. К нашей машине вышли геологи. Мы поприветствовали друг друга. Лев Борисович пошёл к старшему геологу поговорить о нашей отправке в Самарканд. Тем временем мы выгрузили все наши вещи и затащили их под навес.

Через полчаса из домика вышел улыбающийся Коган. Он подошёл к нам и сказал, что нам крупно повезло. Мол, мы просто в рубашках родились. Завтра должен прилететь самолёт из Самарканда. На нём прилетит главный геолог

геофизической партии Сологуб и группа испытателей какого-то нового геофизического прибора (со своей аппаратурой). С этим самолётом мы сможем улететь в Самарканд. Этому известию мы несказанно обрадовались. Это было бы просто изумительно, сразу попасть в Самарканд, перелетев 600 километров.

Настала минута прощанья с Львом Борисовичем Коганом. Удивительно, но мы успели сдружиться с ним, хотя виделись всего немногим больше двух суток. На редкость доброжелательные люди. На прощанье мы обменялись адресами. Пожали друг другу руки. Вот так: встретишься с хорошим человеком и проникнешься к нему всей душой. Видно, и мы ему тоже понравились. Он сделал всё, что было в его силах, чтобы помочь нам.

Машина Когана уехала, и мы остались у геофизиков. Старший геолог сказал, что после обеда нас отвезут на Полевскую золотоносную точку. И действительно, после обеда к нам подошёл геолог и сказал, что он будет нас сопровождать в поездке на Полевскую золотоносную точку. Этот геолог сам водит машину. Он был на этой точке уже сотни раз.

Мы сели в машину и поехали. Доехали до шоссе, пересекли его и по накатанной дороге поехали к горам. Дорога была очень ухабистая. Трясло невероятно. Ехали медленно, чтобы не сломать рессоры. Поэтому 10 километров преодолели почти за час.

И вот подъехали к пологому бугру, возвышавшемуся на 30 метров над дорогой. Весь этот бугор перерыт канавами глубиной 0,5 и шириной 0,7 метров. Кругом валяются осколки кварца, подкрашенного окислами марганца.

Геолог вылез из машины и торжественно сообщил нам, что вот она знаменитая Полевская золотоносная точка. Среднее содержание золота здесь 0,5 грамм на тонну. Но в некоторых пробах содержание золота доходило до 5 грамм на тонну. Уже, наверное, около тысячи человек здесь перебивало. Все хотели найти здесь видимое золото, но мало кому это удавалось.

Мы тоже хотели попытаться счастье: найти видимое золото. Разбрелись по канавам и стали искать свежие образцы кварцитов. Золото здесь находится в сильно окварцованных углисто-кремнистых сланцах. Кварцевые массы кавернозные, подкрашенные окислами железа и марганца. Мы вытаскивали куски окварцованной породы, разбивали её молотками и просматривали эти кусочки сквозь лупу. И, ничего не находили. Геолог говорил, что все эти осколки пород, валявшиеся толстым слоем под ногами, это уже переколоченные и пересмотренные отбракованные образцы.

А между тем день уже клонился к закату. Уже ветерок стал свежее. Он нещадно шевелил кустики верблюжьей колючки, росшей здесь в изобилии. Поднимал пыль на дороге и нёс клубы её по склону горушки. Мне уже надоело заниматься бесполезным делом. Особого желания найти здесь видимое золото я не испытывал. Скоро и моим товарищам это хождение по склону горушки надоело. Геолог тоже устал нас ждать. Поэтому мы сели в машину и поехали обратно в лагерь геофизиков.

Приехав к геофизикам, стали упаковывать второй ящик с образцами. Провозились с ним до ужина. После ужина к нам подошёл геолог,

сопровождавший нас на Полевскую золотоносную точку. Он сказал, чтоб нам не кормить комаров можно пойти спать в дом. Там у одного рабочего уехала жена в Беруни и он уступает нам свою комнату. Мы согласились.

Нас отвели в дом. В маленькой уютной комнате сидел за столом русский парень. Он читал какие-то учебники. В этой комнате нам поставили раскладушки и принесли спальники. Парень познакомился с нами. Он учился заочно на геологическом факультете ташкентского университета на первом курсе. В данном случае он пытался решить задачи по физике. У него ничего не получалось. Он попросил нас ему помочь. Мы переписали себе текст задач и стали их решать. И надо сказать – решили. Затем он принёс задачи по математике. И с ними мы справились. После этого он вышел. Мы думали, сейчас опять принесёт какие-нибудь задачи по химии. Но он принёс огромный арбуз.

Мы сели на стулья в кружок, под ноги поставили таз и стали есть арбуз. Косточки сплёвывали в таз. Арбуз был необыкновенно вкусный.

За трапезой разговорились. Парня звали Андрей. Ему было лет 25. Он отслужил армию и устроился работать в геофизическую партию. В позапрошлом году сдал экзамены в институт на заочное отделение. Осенью ему надо ехать в Ташкент сдавать экзамены.

Мы стали его расспрашивать о местных жителях. Как они живут? Почему узбекские шофёры никогда не подвозят русских? И тому подобное. Андрей родился в Самарканде и не раз был в узбекских сёлах. Хорошо знал обычаи узбеков.

Он нам сказал, что узбеки, живущие в сёлах и городах – это две большие разницы. Но все они очень любят деньги. Почти у всех добыть деньги – это цель жизни. И этим они занимаются всю жизнь. Та зарплата, которую получают люди, просто мизер и на неё никто не живёт. Жизнь требует очень больших расходов от рождения и до смерти любого узбека. Вот родился ребёнок. Мальчику надо сделать обрезание. Это большие деньги. Когда мальчик подрастёт, его надо откупить от армии. Это тоже очень большие деньги. Чтобы женить сына необходимо заплатить огромный калым в 5 тысяч рублей (самое малое). А свадьба – это кошмарные деньги. И когда у сына появятся дети, то этот весь цикл повторяется. И похоронить отца тоже требует огромных денег. А если родится девочка, то ей надо очень много нарядов покупать. Это приданое. Чем больше и дороже приданое, тем легче выдать замуж дочь за богатого человека. О свадьбе договариваются родители и свахи. Богатство семьи - определяющий фактор при выборе невесты. Наличие большого стада овец и коз имеет огромное значение. В кишлаках дочь даже не знает своего жениха. Её отдают замуж – считай, отдали в рабство. Даже образованные узбечки не могут перечить своему мужу. Он для них господин.

Из сказанного получается, что деньги надо добывать сизмальства. А как можно заработать узбеку деньги? Прежде всего, на продаже овощей и фруктов. Выращивать их очень хлопотное дело. А перепродать несложно. Вот они и ездят по сёлам, скупают овощи подешевле и перепродают их подороже на

ближайшем рынке. И это делают каждый день из года в год, зимой и летом. На рынках очень часто торгуют дети. Учиться некогда. Но они знают, как обмануть, как обвесить, как и кому набавить цену. Узбеки – это торговцы. Во все времена и во всех странах.

Очень много значит узбекские родовые кланы. Это, прежде всего возможность попасть на административный пост. Ну, а если попал туда и от тебя что-то зависит, то это взятки. Круговая порука везде, при любой власти.

Так мы сидели и слушали Андрея. Но время было позднее. Надо было ложиться спать. Андрей пошел спать к приятелю, предоставив в наше распоряжение свою комнату.

Утром проснулись рано. Все геологи были уже на ногах. Мы тоже быстро оделись и вышли к завтраку. Как нам сказали, наш долгожданный самолёт должен прилететь в 14 часов. У нас в запасе была уйма времени. Мы решили по возможности ещё раз съездить на Султануиздаг. Но все геологи разъезжались по своим делам. Вчера геолог Андрей (у которого мы ночевали) говорил нам, что у него есть мотоцикл. Мы обратились к нему с просьбой отвести нас на щелочной массив Тибанбулак. Там геологи нашли массу редких минералов, и мы хотели тоже там поработать и вернуться в полдень в лагерь. Но Андрей уезжал с геологами. Но он сказал, что если бы вы умели сами управлять мотоциклом, то проблем бы не было. В семье Володьки Горбунова есть мотоцикл и сам Володька имеет права на его вождение. Вова показал свои права Андрею (к счастью у него они были с собой). Андрей так спокойно говорит:

«Ну, если умеешь водить, то забирай и поезжай. Но только не гони, там можно разбиться».

Меня удивила эта доброта человека. Андрей почти нас не знает и доверяет нам свой дорогой транспорт. Более того, он показал нам, где лежит канистра с бензином для полной заправки мотоцикла. Уезжая на работу, Андрей попрощался с нами и попросил поставить мотоцикл на место, чтобы его никто не брал.

Как только геологи уехали, мы взяли подробную карту Султануиздага и отыскиали на ней массив Тибанбулак. До него было всего 12 километров. Довольно близко. Но мотоцикл был без коляски и рассчитан только на одного пассажира. То есть Володьке придётся делать четыре рейса. Это 50 километров. Мне показалось, он даже был рад прокатиться на мотоцикле.

Сначала он отвёз Андрея Екимова и вернулся за мной. Дорога к массиву была ужасно тряская. Лучше сказать, что дороги туда вовсе не было – ехали напрямую. Пока доехали, из меня чуть всю душу не вытряхнуло. В одном слишком крутом месте пришлось тащить мотоцикл на себе.

В районе этого массива была разведка: набурены мелкие скважины и пройдены канавы. Здесь рядом проходит зона серпентинитов, содержащая никелевый минерал нонтронит. Среднее содержание никеля там доходит до 1%. Ну это редкие пробы. Тут же рядом со щелочным массивом описаны выходы поделочных лиственитов. Конечно, здесь было что посмотреть и

отобрать образцы. Для быстроты дела мы разделились и разошлись по разным участкам. Я пошёл к листовенитам, Андрей остался осматривать массив, а Володька к пегматитовым жилам.

Я сразу увидел зелёные выходы листовенитов и серпентинитов. Здесь даже было пройдено несколько канав. После расчистки канав мне удалось вытащить большой красивый кусок листовенита. Он не имел ни одной трещинки. Ярко-зелёного цвета. Но кусок был большой - полметра на 30 сантиметров и весил под килограмм 40. Тащить с собой его не имело смысла, и разбивать не хотелось. Если его порезать алмазной пилой, то из него получились бы отличные поделки. Я выволок этот кусок из канавы наверх и оставил. Может быть, кто-то когда-нибудь возьмёт? С собой я взял два небольших кусочка листовенита. Тоже монолитного и ярко-зелёного.

Серпентинитами была сложена целая горка. Он был тёмно-зелёного и чёрного цвета, но трещиноватый. Я не стал брать из него образцы.

Солнце подходило к зениту. Жара стояла свирепая. После тяжёлой работы хотелось пить. На выжженном белёсом небе ни облачка. Время уже подходило к 12. Надо ехать в лагерь. Я пошёл к щелочному массиву, где работал Андрей. Но там никого не было видно. На краю канавы был сложен тур из камней. Под камнем на видном месте «телепался» на ветру белый листок бумаги. Это Андрей написал мне записку, что мол, они уехали и скоро Володька вернётся за мной.

Долго мне не пришлось ждать. Володька вернулся очень скоро. Он сказал мне, что из пегматитовой жилы отобрал красивые друзы амазонита. Я хотел было сходить к жиле, но время поджимало. Володька сел за руль, я устроился позади него.

Теперь Володька знал дорогу и гнал уверенно. Особенно на склонах он разгонял мотоцикл до 70 километров в час. Я кричал ему, мол, не гони так. Но он, то ли не слышал, то ли не хотел слышать. И вот в одном месте мотоцикл передним колесом наскочил на большой камень, и мы с Володькой, перелетев через руль, оказались на земле. Слава Богу, мы отделались небольшими ссадинами и ушибами. Мотоцикл тоже не пострадал.

Мы отряхнулись от пыли, подобрали мои образцы, которые раскатились по разным сторонам и опять тронулись в путь. Теперь Володька ехал тихо, выбирая места поровнее.

Пока мы работали на щелочном массиве, в лагерь к геофизикам приезжал Лев Борисович. Он привёз светозащитные очки, которые забыл у геологов Андрей Екимов. Кроме этого он, как и обещал, привёз нам по кусочку прекрасной бирюзы из средневековых выработок и образцы прекрасных «ставролитовых крестов» и даже образец голубого дистена. Всё это были образцы, достойные музейной экспозиции.

Мы ещё раз убедились в отеческой заботе геологов старшего поколения о нас, молодых, начинающих геологов. Вот нам пример, какими мы должны быть. Ценить геологическое братство. И мы учились у них – геологов старшего поколения. Позже, сам став «геологом-полевиком», я часто приводил в пример

молодым геологам то геологическое братство, что было у нас тогда, в далёких 1960-х.

Самолёт АН-2 прилетел вовремя. Взлётная площадка находилась в метрах ста от домиков геофизиков. Заметив самолёт, мы с ребятами подтащили наши ящики к взлётной полосе. Сюда же подошёл старший геолог и много каких-то узбеков. Явно не геологов. Все они были в халатах, в мягких сапогах (ичиги) с калошами и в тюбетейках. С собой у них были большие баулы. Они стояли отдельно в сторонке и разговаривали по-своему.

Самолёт пошёл на посадку и все стали скапливаться у столбика с красным флажком. Мы тоже заняли исходную позицию. Тем временем самолёт приземлился, подняв сильную пыль. Таковую густую, что мы увидели самолёт, только когда он подрулил к нам вплотную.

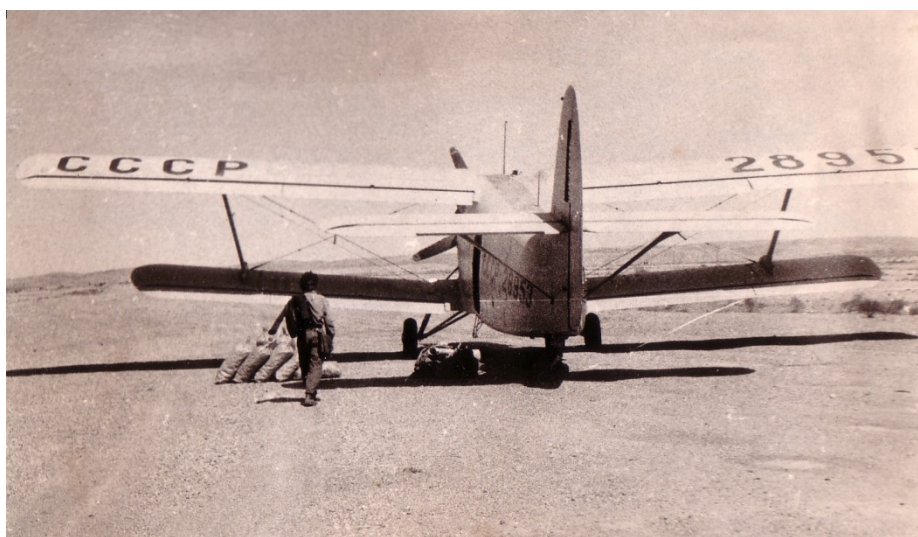


Фото № 9. Самолёт АН-2, не оправдавший наших надежд. Володька садится в самолёт. Султануиздаг. Кызылжум 28 августа 1968 года.

Дверца самолёта открылась, лётчики спустили лесенку и по ней спустился важный узбек с большим брюшком, одетый в белый костюм и тюбетейку. За ним вылез высокий геолог в вышитой косоворотке, брюках и соломенной шляпе. Важный узбек пытался подать этому геологу руку, но геолог спустился сам. Тут же к вышедшему геологу подошёл старший геолог. Они вместе с важным узбеком отошли в сторонку и стали о чём-то разговаривать. Старший геолог показал в нашу сторону, говоря про нас. Узбек стал нервно что-то говорить, жестикулируя руками. Эта сцена нам не понравилась. Мы насторожились. А вдруг нас не посадят на этот рейс? Тем временем из самолёта стали вылезать молодые ребята и выгружать какие-то деревянные ящики и трубы.

Мы поняли, что этот геолог в косоворотке и шляпе, и есть начальник геофизической партии Сологуб. Он посмотрел издали в нашу сторону, и они вместе со старшим геологом пошли мимо нас к домикам. Важный узбек тем временем подошёл к узбекам с баулами. Они смотрели на него, как на

большого начальника. А он стоял, брюшко вперёд, и что-то им недовольно говорил. Они совали ему в руки, видимо, деньги. Он пересчитывал их и клал себе в карман пиджака. Тот, кого он «обилетил», проходили к самолёту. Мы тоже подошли к трапу самолёта и стали грузить наши ящики с образцами. Подошёл важный узбек. Остановил нас. Сказал: мол, пусть сначала аксакалы сядут. Мы пропустили узбеков с баулами и сели сами. Вошел важный узбек. И оказалось, ему негде было сесть. Он начал ругаться. Вот, мол, тоже мне гости из Москвы все сидения заняли. Летят без билета. Им, видите ли, в Самарканд надо? Что за начальники такие? Самолёт им подавай. У нас и так здесь перегруз, а они с камнями летят. Он сказал лётчикам, чтоб нас высадили в Ургенче на заправке. Узбек подошёл к аксакалам. Они раздвинулись и главный узбек сел среди них, ругаясь на нас по-узбекски.

Мы поняли, что этот узбек начальник транспортных перевозок в геофизической партии. Его предупредили, что мы полетим до Самарканда, но он не захотел нас везти бесплатно. Но нам дать ему было нечего. У нас всех денег было 37 рублей. А нам ещё до Караганды добираться. Следующий пункт наших работ намечался уже в Казахстане под Чимкентом в посёлке Ленгер. Это намного дальше, чем Самарканд. Поэтому добраться до Самарканда нам надо было, во что бы то ни стало. А тут нас хотят добросить только до железной дороги. Это всего-то 23 километра от геофизиков.

Самолёт пошел на взлёт. Мы затихли, как мышки, надеясь на то, что нас не высадят в Ургенче. Чувствовалось, что с большим трудом самолёт оторвался от земли. Грузоподъёмность АН-2 была всего 1500 килограмм. Нас же в самолёте было 14 человек и ещё груз под 300 кг. на всех. Одни наши ящики весили около 200 килограмм.

Тем временем самолёт поднялся и медленно развернулся на юго-восток. Под крылом показались зелёные огороды посёлка Бериуни, и дальше серебряной лентой засверкала Амударья, отороченная густой зеленью камыша. Скоро река осталась позади, и вот уже окраина города Ургенча. Ровная линия железной дороги разделяла весь город на две половины. Самолёт пошел на посадку, не успев даже набрать высоту.

Самолёт спускался всё ниже и ниже. Наконец, мы почувствовали небольшой толчок, и колёса шасси покатались по твёрдому асфальту. Самолёт остановился. Главный узбек встал со своего места и сказал нам, чтобы мы выходили из самолёта. Он привёз нас в Ургенч. Сейчас будет заправка и уже без нас самолёт полетит дальше. Мы сидели не шелохнувшись. Из кабины вышел лётчик - узбек, открыл дверь, приставил лестницу и сказал, чтобы мы выходили. Иначе он дальше не полетит. Аксакалы тоже заволновались. Мы втроём здесь были чужие. Нас здесь не хотели. И нам пришлось вытащить свои ящики, вещи и самим покинуть самолёт. Вместо желаемых 700 километров, мы приблизились к своей следующей цели всего лишь на 23 километра. Очень обидно. А счастье так было близко. Похоже, что Фортуна стала поворачиваться к нам задом.

ГЛАВА IV

Мы стояли одни среди аэродрома, не зная куда идти. Самолёт подрулил к заправочной машине и встал на заправку. Через минут десять он заправился и поспешил к взлётной полосе. Нам надо было что-то делать. Мы попробовали вдвоём поднять один наш ящик. Он был очень тяжёлый. Я с Андреем потащил ящик, а Володька схватил рюкзаки. Протащив ящик метров сто, мы с Андреем выдохлись. Поставили ящик на асфальт, и пошли за другим. Теперь попытались нести второй ящик втроём. Но больше мешались друг другу. И тут к нам подъезжает служебная машина. Русский шофёр сказал, чтобы мы погрузили ящик в кузов машины. Мы поставили туда ящик, но сказали, что денег у нас нет. Шофёр ответил, что никаких денег платить не надо, он чисто по-человечески помогает нам.

Вывезли ящики за ограду аэропорта. Шофёр сказал нам, дальше он не может ехать. Тут уж мы сами должны поймать машину до железнодорожной станции. Ехать туда не очень далеко.

Мы подтащили наш груз к шоссе и стали голосовать проезжающим машинам. Долго стояли. Ни одна машина не останавливалась. Наконец, одна грузовая машина остановилась. Вылез узбек - шофёр и спросил, куда везти. Мы сказали, что на железнодорожный вокзал. Он подумал и сказал свою цену: 6 рублей. Мы сказали, что это очень много, у нас таких денег нет. Это целых две бутылки водки с закуской. Узбек помялся и уступил рубль. Я сказал, что у нас всего трояк. Шофёр хотел было закрыть дверцу машины и уехать, но другой узбек, сидевший в кабине, что-то ему сказал и шофёр согласился.

Мы погрузили ящики в кузов и сами вскарабкались туда. До вокзала ехать не больше двух километров. Перед багажной конторой был шлагбаум и будка сторожа. Шофёр остановился. Я вылез из кузова и стал просить охранника пропустить нас, так как у нас очень тяжёлые ящики. Охранник заглянул в кузов и пропустил машину. Багажное отделение находилось на железнодорожной платформе. Машина подъехала почти к рельсам. Мы выгрузили ящики и расплатились с шофёром. Он уехал, а мы стали подтаскивать ящики к товарной конторе.

На наше счастье сегодня ночью должен был прийти почтово-багажный поезд. Поэтому контора была открыта и принимала груз. Народу на отправку груза не было. Кладовщица - дородная русская женщина, посмотрела на наши ящики и сказала:

«У вас перевес ребята. Такой груз я не приму».

Мы стали её упрашивать, мол, нам сейчас надо уезжать, а груз экспедиционный, требует отправки. На это она сказала, чтоб мы шли к начальнику станции, пусть он решает. Но для начала она сказала, чтобы мы поставили ящик на весы. Один ящик оказался весом 85 кг. Другой 87 кг. Кладовщица сказала, они принимают максимальный вес одного места 65 кг. Она говорила, мол, доставайте ещё один ящик и раскладывайте всё содержимое в три ящика. Но ящиков у неё нет. Мы начали просить её принять

наш груз. Она сказала, что грузчики не могут таскать такую тяжесть. Техника безопасности не велит. Мы спросили, когда приходит почтово-багажный поезд. Она ответила, что ночью. Мы сказали ей, что сами можем прийти сюда и погрузить свои ящики. Наше предложение кладовщице понравилось, но она не была уверена, что мы подойдём помогать грузить свои ящики. Она сказала, чтобы мы, не теряя времени, подошли к начальнику станции и пообещали ему, что сами погрузим свои ящики.

Володька побежал искать начальника вокзала. Предварительно мы заполнили накладную на наш груз, где был проставлен вес наших ящиков. Очень долго не было Володьки. И вот он, наконец, появился с подписью начальника на накладной. Как он рассказывал, что уговорить начальника ему стоило больших трудов. Но со своей задачей он справился.

Кладовщица приняла у нас груз и сказала, чтобы мы обязательно пришли сюда ночью грузить наши ящики. Мы клятвенно обещали это сделать.

За отправку ящиков с нас взяли 7 рублей с копейками. В результате наши траты на отправку груза возросли до 10 рублей. Таким образом, у нас осталось на всё про всё 27 рублей. А ехать до Чимкента от Ургенча 1050 километров. Наших денег не хватит и на половину пути. А на что есть? А где ночевать? На Ленгерском вольфраммолибденовом комбинате нам могут помочь геологи. Но как до них добраться?

Вот такие мысли тревожили нас, когда мы шли от багажного отделения. Было около 16 часов местного времени. Андрей начал было говорить, что скоро столовая закроется, и мы даже поесть не успеем. Я, будучи казначеем, встал в позу и требовал с сегодняшнего дня перейти на одноразовое питание. Ещё неизвестно, сколько времени мы будем добираться до Караганды, а у нас осталось всего 27 рублей.

Мои товарищи, нехотя, согласились перейти на режим жёсткой экономии. Мы понуро шли по привокзальному скверику в сторону вокзала. И тут Володька почувствовал приятный запах свежего пива. И, действительно, на выходе из скверика толпился народ возле большой пивной бочки. Тут же было поставлено три длинных стола, за которыми сидели мужики и медленно поглощали холодное пиво. Смотреть на это было выше наших сил. Володька стал предлагать выпить пива в счёт завтрашнего обеда. Я категорически отклонял всяческие соблазны.

Но нам пришлось идти по аллее мимо столов. Увидев трёх бородатых парней, мужики за столами оживились. Один говорит:

«Во! Смотри кубинцы идут и от нас носы воротят. А мы их Кубу защищали от кровожадных американцев».

Другой говорит:

«Эй, бородачи, попробуйте нашего пива».

Мы идём дальше. Сели на скамейку возле сквера. Андрей пошёл в вокзал посмотреть расписание поездов. Нам надо было доехать до Чарджоу (с 1999 года он называется Туркменобад). Это где-то 430 км. от Ургенча. Мы с Володькой сидим на скамейке и ждём Андрея. К нам подсаживается молодой

русский парень лет 27. В руках у него большая кружка пива. Похоже, что он уже принял на грудь не одну кружку. Парень спрашивает нас, что мол, мы такие бородатые. Мы говорим, что только вернулись из Кызылкум. Он, узнав, что мы геологи, стал говорить о своём ташкентском друге - геологе. Сам парень представился Андреем, а друг у него был Виктор. Андрей четыре года назад окончил ташкентский железнодорожный институт, а его «дружбан» учился на геолога в ташкентском университете. Жизнь их разбросала по стране. Его распределили в эту дыру - Ургенч.

Парень допил пиво, и пошёл было ещё повторить. Но тут вернулся наш Андрей и сказал, что поезд на Чарджоу уже ушёл утром, следующий будет только завтра. Парень, услышав, что нам надо в Чарджоу, весьма оживился. Он сказал, что работает диспетчером на железнодорожном вокзале и знает, как можно добраться до Чарджоу на товарняке. Нас это очень заинтересовало. Тогда парень решил нам помочь с отправкой в Чарджоу, но сначала он решил угостить нас пивом. Дело в том, что у них в городе только вчера открылся собственный пивной завод. Сегодня продают пиво на каждом углу. Пиво пока не разбавляют. Поэтому надо пользоваться моментом. Мы сказали, что мы студенты и у нас с деньгами напряг. Это известие его несколько не огорчило, а наоборот - обрадовало. Он сказал, что сам ещё недавно был студентом и не забыл о студенческой дружбе.

Парень позвал с собой Володьку, и они вдвоём принесли четыре кружки пива. С большим удовольствием мы выпили холодного пивка. Оно было вкуснейшее и достаточно хмельное.

Выпив пиво, наш новый знакомый Андрей пошёл вместе с Володькой в диспетчерскую, узнать какой товарный состав пойдёт сегодня на Чарджоу. Через некоторое время они вернулись. Оказалось, что «765» идёт на Чарджоу и там у него сортировка. Состав отправляется в 21 час 15 минут. До его отхода оставалось почти три часа.

Наш новый знакомый Андрей предложил сходить к нему домой, мол, хоть помоемся. Он живёт здесь рядом. Ну, мы отказываться не стали. Нацепили свои рюкзаки, и пошли в гости к Андрею. Он жил совсем рядом с вокзалом в кирпичном пятиэтажном доме. Мы поднялись на третий этаж. Перед своей дверью он нас подбодрил, мол, нечего стесняться, будьте, как дома. Нас встретила его жена с сыном. Его жена несколько удивилась, увидев бородатых парней. Её муж Андрей объяснил, что мы только вернулись из Кызылкум и едем в Чарджоу. Ребята отдохнут немного и умоются. Жена Андрея не стала возражать.

Мы сняли рюкзаки и прошли в комнату. Хозяин открыл дверь в ванную, принёс полотенца и сказал, чтобы мы пошли, сполоснулись. Мы по очереди вымылись по пояс. Вошли в комнату, а там уже был накрыт стол. Я удивился, увидев украинский борщ. Хозяйка позвала нас за стол. А хозяин тем временем куда-то вышел и быстро вернулся. Как оказалось, он вытащил свою заначку – бутылку водки. Жена строго посмотрела на него, но он сказал ей, что мол, это наш брат - русский студент. Я сам недавно был студентом. Хозяин налил нам

по рюмке водки и себя не забыл. Жена его категорически отказалась. Выпили водки, закусили борщом. Потом ещё выпили, потом ещё. После мы стали отказываться пить, а хозяин разошёлся. Принёс ещё пол-литра. Но после двух рюмок так захмелел, что откинулся на стул и заснул.

Мы посмотрели на часы. Время подбиралось к половине девятого. Надо было идти на вокзал. Но мы не знали, как мы найдём нужный нам товарняк. Я стал расталкивать хозяина, хоть спросить у него номер состава. Никто из нас не записал номер. Жена Андрея сказала нам, чтобы мы допили бутылку водки, а то, если он проснётся, то обязательно её допьёт, и будет дебоширить. Водки осталось не меньше половина бутылки. Наш Андрей пить категорически отказался. Нам с Володькой пришлось допить эту водку на двоих. Я понял, что это было чересчур. Володька тоже изрядно захмелел. Хозяина мы растолкали. Хотели спросить у него номер товарного состава на Чарджоу, он же хотел сам нас проводить и посадить в вагон. Мы долго его уговаривали, чтобы он остался и только сказал нам номер. Оказалось, что он и сам забыл номер состава и ему надо спросить его в диспетчерской.

Хозяин поднялся и неустойчивой походкой пошёл к двери. Мы спустились по лестнице. Я и Володька вели под руки нашего нового знакомого. Он шёл и рассказывал про своё тяжёлое детство. Отец у него - фронтовик, сильно болел и рано умер. Мать тоже умерла, когда ему было всего 16 лет. Андрей один поднял своего младшего брата. И брат его тоже окончил техникум.

За разговорами дошли до вокзала. Наш знакомый пошёл вместе с нами узнавать номер грузового состава, следующего в Чарджоу. Как только пьяного Андрея увидели коллеги, то сразу начали уговаривать его вернуться домой. Он сказал, что посадит нас и со спокойной душой пойдёт домой.

Узнав, что в Чарджоу пойдёт «765», мы пошли его искать на платформу. Нашли его на пятом пути. Обходчик удивился, увидев пьяного Андрея. Показал нам состав, а Андрея повёл отсюда подальше. Мы уже в потёмках забрались в вагон для перевозки сыпучих грузов «хоппер». Забраться туда было не так легко. Вагон был с высокими бортами. Правда, там была маленькая лесенка. Но когда мы спрыгнули внутрь пустого вагона, то нам показалось, что здесь очень пыльное дно. В темноте нельзя было рассмотреть, что рассыпано на дне вагона. Да и нам было всё по колено. Голова сильно кружилась от излишне выпитого. Хотелось спать. Мы достали из рюкзаков одеяла и брезент. Расстелив брезент на дно вагона, мы прикрылись одеялом. В этот момент состав дёрнулся. Резкий звук сцепок, ещё толчок и мы поехали. Перед сном я ощутил неприятный вкус и ощущение каменной крошки во рту, скрипевшей на зубах. Но я как-то не придавал этому значения и провалился в глубокий сон.

Проснулся я от сильной жары, духоты и абсолютной тишины. Пытаясь вдохнуть чистого воздуха, я стащил с головы одеяло и нехотя приоткрыл один глаз. Сноп ослепительного света резанул меня по глазам, и я зажмурился. Затем осторожно открыл глаза и увидел над собой белёсое небо. Ни единого

толчка и звяканья вагонов на стыках рельс. Наш состав стоял. Я приподнял голову и посмотрел вокруг. И здесь меня охватил ужас. Я лежал один на дне глубокого вагона внутри толстого слоя угольной пыли. Сначала я не мог понять, где я и что со мной? Ужасно хотелось пить. Я изнывал от жажды. Голова побаливала и слегка кружилась. Мысли в голове путались, скованные страхом неизвестности. Но, наконец, память вернулась ко мне. Я вспомнил, как мы забрались в вагон и поехали в Чарджоу. Но где же ребята? С большим усилием мне удалось встать на ноги. Всё дно вагона было усеяно толстым слоем угольной пыли и среди этого ровного слоя выделялись два маленьких бугорка. Я догадался, что это ребята спят под одеялом, присыпанные чёрной угольной пылью. Поняв, что я здесь не один, мне немного полегчало. Но новое беспокойство появилось у меня в голове. Где мы? И почему не едим?

Вагон - хоппер с высокими бортами не давал мне никакого обзора. Мне пришлось, утопая по щиколотку в угольной пыли, подойти к переднему борту и открыть огромные засовы. С большим трудом мне удалось это сделать, и передний борт с силой и грохотом откинулся вперёд. И тут я увидел бескрайнюю песчаную равнину ярко-жёлтого цвета, всхолмлённую небольшими барханами. Пески уходили к горизонту и, где-то там, далеко-далеко сливались с раскаленным белёсым небом. После оглушительного удара упавшего борта стало тихо-тихо. Слышно было, как струйки песка просачиваются сквозь щели невысоких деревянных щитов, ограждающих железнодорожную насыпь. Мне сделалось очень тревожно. Было такое впечатление, что мы на машине времени переместились в другой мир. И теперь не понятно, где мы и как отсюда выбраться.

В нервном возбуждении я стал расталкивать ребят. Они, страшно матерясь, стали выбираться из-под одеял. Первым выбрался из-под одеяла Андрей. Увидев его перемазанную угольной пылью физиономию, я рассмеялся, на миг, забыв обо всех своих страхах. Андрей тоже стал смеяться, видя перед собой мою перепачканную физиономию. С такой же перепачканной мордой появился на свет и Володька. Однако, посмеявшись от души, мы стали думать, что делать дальше.

Сначала мы хотели убедиться подцеплен ли наш состав к тепловозу? Для этого Володька вылез из вагона и прошёл вдоль рельс вперёд по ходу поезда. Он пришёл очень озадаченный и сказал нам, что все наши вагоны стоят в тупике без всякого тепловоза. Мы с Андреем тоже вылезли из вагона, забрав оттуда все наши вещи, перепачканные угольной пылью. Отряхнув все свои пожитки от угольной пыли, насколько это было возможно, мы, надев рюкзаки, двинулись по рельсам в обратный путь. Оказалось наши десять пустых вагонов отцепили и отправили в тупик. Момент маневровых работ по сортировке вагонов мы проспали, т. к. ещё не протрезвели со вчерашнего. Теперь непонятно, где мы и сколько идти по рельсам до ближайшей станции. Ясно было только направление пути: в обратную сторону от тупика.

Однопутная ветка железной дороги, по которой мы шли, тянулась за горизонт. Солнце нестерпимо жгло. Оно огнедышащим шаром висело у нас

над самой головой. Пот грязными чёрными струями капал с наших перепачканных лиц. Нестерпимо хотелось пить. Ноги, словно ватные, никуда не хотели идти. И только страх и желание поскорее вырваться отсюда заставляли нас идти всё дальше и дальше по рельсам, проложенным сквозь бесконечные песчаные дюны.

Невысокие заградительные щиты с двух сторон сплошной стеной стояли в метре от железнодорожной насыпи. Они не давали тени, и нам приходилось садиться на рюкзаки и отдыхать на солнцепёке. Мы уже прошли не меньше двух километров и тут железнодорожная ветка, по которой мы шли, слилась с основной магистральной. Куда теперь идти: направо или налево? Кругом пески, нет даже признаков жилья. Но рельсы блестящие, не ржавые. Видно, что поезда по ним ходят. Только с какой периодичностью?

Стали соображать, где мы теоретически могли оказаться. Сейчас было около двух часов дня. Проснулись мы в час. Предположительно ехали на поезде 15 часов. За это время мы могли проехать от 500 до 900 километров. Всё зависит, с какой скоростью мы ехали. Но даже того, быстро или медленно ехали мы не знали, потому что спали без «задних ног». От Ургенча до Чарджоу примерно 400 километров. Надо полагать, Чарджоу мы проспали. Мы достали атлас железных дорог СССР. Стали внимательно рассматривать карты.

От Чарджоу через Амударью шла магистраль на Бухару (туда нам и надо). Там вроде никакой пустыни нет. На юго-восток от Чарджоу идёт ветка железной дороги вдоль Амударьи через пески в Саят до Керки, и уходит в Афганистан. От Чарджоу до Афганистана километров 350-400. На юг от Чарджоу отходит какая-то однопутка, но через пяток километров она на карте показана короткой пунктирной линией и нет никаких объяснений: что это такое. Мы предположили, что наши вагоны могли потащить к Афганской границе. И это совсем плохо. Мы могли оказаться на самой границе, а может и того хуже, в Афганистане. «Погранцы» могли и не увидеть нас под слоем угольной пыли. При этой мысли у нас всё внутри холодело.

Мы достали компас и посмотрели, куда идёт основная ветка железной дороги. Оказалось, что «железка» шла с севера на юг. На юг - это вглубь Афганистана. Мы пошли на север. «Железка» постепенно шла на подъём. И вот, взобравшись на бархан, мы впереди себя увидели три маленьких саманных домика. К ним как раз и подходила железная дорога. Этот факт нас обрадовал и одновременно насторожил. Скорей всего там живут люди, но кто они? А вдруг это афганцы? Тогда чего будем делать?

Но мы продолжали идти вперёд. Перед домиками однопутка разделилась на две колеи. Отсюда стало ясно, что мы подходим к разъезду. Возле домиков никого не видно. Мы подошли ближе. За первым полуразрушенным саманным домиком стоял длинный дощатый ангар. К нему почти вплотную подходили рельсы. Перед ангаром была сооружена примитивная платформа для разгрузки вагонов. К ангару была прибита дощечка, на которой белой краской от руки и весьма небрежно было написано: «раз. Пески». Увидев эту надпись, мы воспарили духом. «Пески» написано русскими буквами, значит мы ещё пока в

СССР. Теперь надо было кого-то найти и спросить у них, где мы находимся и как выбраться отсюда? Возле домиков никого не было видно. Но тут за вторым домиком мелькнула какая-то тень. Мы пошли туда. Там, на вытоптанной между домами площадке, играли босоногие полуголые дети. Я пошёл к детям. Увидев меня, они сильно испугались и завопили благим матом. Из домика выбежала старуха, накрытая платком. Я хотел было спросить её, где мы, а она подбежала к детям, схватила их, накрыла платком и убежала в дом, закрыв за собой плотно дверь. Я подошёл к двери и постучался. Никто не открыл. Я дёрнул дверь. Она оказалась закрытой. Я не стал стучать, а пошёл обратно к ребятам. Они стояли в тени ангара у большой бочки с краном и пили воду. Я тоже жадно приник к крану с теплой водой. Напившись досыта, мы сняли с себя пропотевшие рубахи и стали мыться по пояс. Совершенно не понимая, что в этих местах воду надо экономить. Обмывшись, мы сполоснули свои рубахи. Одели их на себя и сели в тени у ангара. Открыли атлас железных дорог и хотели найти разъезд «Пески». Но такового в атласе не было. Я хотел было ещё раз пойти поискать кого-нибудь и выяснить обстановку. Но не хотелось выходить из тени.

С полчаса мы сидели, молча, всё никак не могли отойти от жары. И тут из-за ангара выбегают к нам два солдатика с автоматами наизготовку. А с ними лейтенант с пистолетом в руке.

«Лечь на землю!» - властно приказал нам лейтенант.

Мы от неожиданности встали. Смотрим на солдат, ничего не понимая. Лейтенант повторил команду. Мы подчинились. Я приподнял голову и увидел пыльный сапог солдатика и дуло АКМ. Офицер взял мою полевую сумку, вытряхнул из неё всё содержимое на землю. Поднял документы и начал их просматривать. Тем временем один солдатик начал щупать нас по карманам. Вытащил у Андрея из кармана атлас железных дорог и бросил его рядом с моей сумкой. Просмотрев мои документы, лейтенант подобрал всё, что валялось на земле, засунул обратно в полевую сумку вместе с нашими документами и мою сумку повесил себе на плечо. Затем он уже другим тоном сказал нам, чтобы мы поднялись.

Мы встали. Солдаты были в рубахах с короткими рукавами и матерчатых шляпах зелёного цвета. По их погонам зелёного цвета мы сообразили, что это были погранвойска. Старший лейтенант, одетый тоже в летнюю форму погранвойск, начал нас расспрашивать, как мы здесь оказались. Я вкратце ему рассказал нашу историю. Он, выслушав, ответил мне:

«Ты ещё скажи, что пошли за грибами, да заблудились. Борода, как у иранского моджахеда, а за студентов себя выдаёшь. Берите вашу поклажу, и пошли с нами. Нас провели мимо саманного домика. Из-за щелочки в занавески дверного проёма на нас с любопытством глядела старуха.

На рельсах стояла маленькая дрезина. Туда-то нас и посадили. Лейтенант включил движок, и дрезина поехала на юг, туда, откуда мы только что пришли. На наши вопросы, где мы находимся, нам никто не отвечал.

Скоро от магистральной линии железной дороги мы повернули на левую ветку. Доехали до КПП, маленький домик перед шлагбаумом. Оттуда вышел солдат, отдал честь офицеру и пропустил дрезину. Дрезина проехала метров двадцать и остановилась под навесом. Офицер сказал, чтобы мы оставались здесь, а сам пошёл в домик КПП. Оттуда доносился его голос, но не понятно, что он говорил. Мы хотели заговорить с солдатами, но они, как в рот воды набрали. Мы так стояли минут десять, пока не услышали приближающийся гул УАЗИКА. Машина ехала по бетонке, проложенной метрах в тридцати от нас. Офицер вышел из КПП и повёл нас к дороге. УАЗИК остановился возле нас. Нас усадили на заднее сидение, и мы поехали в расположение воинской части.

Очень скоро подъехали к ограде с воротами. Перед воротами стоял шлагбаум и по обе стороны от него расходились столбы с колючей проволокой. Возле шлагбаума стоял маленький домик. Из домика вышел солдат и открыл шлагбаум и ворота. Машина въехала внутрь военного городка. Нас вывели из машины, и мы в сопровождении офицера пошли в дежурку. Там мы сели на стулья возле дневального, который с любопытством разглядывал нас. Офицер с нашими документами пошёл в соседнюю комнату разговаривать по телефону.

Из-за закрытой двери весь разговор мы не могли слышать. Из обрывочных слов офицера можно было понять, что сейчас решается наша судьба. Старший лейтенант разговаривал с полковником, который отчитывал его за то, что он привёз нас в расположение части.

«Как можно по-тихому, если у них нормальные документы и полно писем от разных там деканов и академиков... тут такая вонь начнётся...да куда я их дену? А во сколько приезжает комиссия? ...так точно, понял... ну как так бросить по дороге? ...ясно... ясно... а если не дойдут? ...ясно.. А кто поедет? Ясно, а политруку... совсем не обязательно... ясно».

Из этих обрывков слов выходило, что сейчас к ним приезжает комиссия и нас надо быстрее отсюда увозить. Но куда?

Вернулся «старлей». Он отдал нам наши документы и сказал нам, чтобы мы ждали здесь. Сейчас за нами приедет машина. Мы спросили, куда нас повезут? Старший лейтенант улыбнулся и ответил:

«Ну не на расстрел же. Куда надо, туда и повезут».

Мы попросили попить воды. Дневальный принёс нам целый графин воды и кружку. Мы стали жадно пить воду. Подъехала машина. Старший лейтенант повёл нас к ней. Из УАЗИКА вылез капитан и спросил у лейтенанта:

«Это, твои моджахеды? Пусть садятся. Но я только до Репетека еду».

«Вот там их оставь».

«А они дойдут?»

«Полковник сказал - до Репетека».

«Ну ладно, готовься к встрече комиссии. Бывай».

Машина поехала, и мы покатали по бетонке сквозь пески пустыни Каракумы. Скоро справа от бетонки показалась сплошная линия заградительных щитов. Видно было, как ветер надувает кучи песка возле этих

щитов. Чуть ли не переползая через них. Бетонная дорога, по которой ехала машина, тянулась параллельно этой изгороди из щитов. Мы спросили капитана, что находится за этими щитами? Он ответил, что это железная дорога, по которой мы сюда приехали. Что, мол, не узнаете? Тогда мы спросили: а где хоть мы сейчас находимся? Мы спрашивали у старшего лейтенанта, а он молчал, будто это военная тайна. Капитан улыбнулся и сказал:

«Ну, это действительно военная тайна. Но так как, я надеюсь, вы сюда больше не попадёте, то я вам её открою» - капитан сделал паузу и продолжил «Мы сейчас находимся недалеко от города Мары».

«Мары», подумал я. Что-то знакомое мне показалось в этом слове. И я вспомнил, что моя матушка мне рассказывала, что её двоюродная сестра Сусанна Павловна во время войны находилась здесь в эвакуации со своей семьёй и мужем. Её муж лётчик-испытатель доводил здесь до ума военные самолёты. Где-то здесь Сусанна Павловна похоронила свою мать Татьяну Ивановну. Да, действительно, Мир тесен.

Но ведь Мары находятся намного южнее Чарджоу. Я поинтересовался, а насколько южнее Мары Чарджоу? Капитан ответил, что между этими городами расстояние 250 километров. Шофёр поправил, что, мол, 253 по бетонке.

Позже я посмотрел на карте весь наш путь в угольном вагоне от Ургенча до разъезда Пески. Получилось, что мы проехали 536 километров за 15 часов. Выходило, что поезд ехал всего лишь со скоростью 36 километров в час. Но мы проспали «без задних ног» 15 часов. Вот что значит выпивать на рабочем месте. А в таких поездках мы постоянно находимся на работе.

Но меня ещё удивлял тот факт, что в нашем атласе железная дорога Чарджоу (нынешний Туркменобад) – Мары отсутствовала. Может потому, что она вела к советским военным стратегическим объектам. Да, всё сделано: чтоб враг не догадался.

Тем временем, машина мчалась по ровной бетонке, как по асфальту, только иногда подпрыгивая на выбоинах. Заградительные щиты железной дороги «ушли» куда-то на восток и мы ехали между жёлтыми песчаными барханами. Мы пытались заговорить с капитаном, куда мы едем и так «за жизнь», но он всё больше отмалчивался, поглядывая на солдата за рулём. Машина пошла на подъём и скоро взобралась на высокий бархан. И тут мы заметили, что впереди нет жёлтых песков, а вокруг простирается унылое тёмно-коричневое ровное поле с мелким чёрным кустарником и реденькой зеленью верблюжьей колючки. Кое-где среди коричневой равнины блестели своей яркой белизной такыры. Впереди, почти на горизонте, появилась зелёная полоска. Чем ближе мы к ней подъезжали, тем она увеличивалась в размерах, и уже можно было различить отдельные зелёные деревца. Мы спросили, что это? Капитан ответил, что это оазис Репетек и там нас высадят из машины, и дальше мы пойдём пешком. От этих слов нам стало нехорошо. Идти по знойной пустыне вовсе не хотелось. Мы приумолкли.

Машина доехала до развилки бетонной дороги. Шофёр заглушил машину. Мы собрались выходить. Но капитан спросил у шофёра, мол, как там у нас с бензином. Шофёр ответил, что полбака есть. Капитан подумал и сказал:

«Ну ладно, подвезём вас до Караул-Куи. Там есть, где развернуться?» - спросил он у солдата.

Солдатик кивнул, и мы поехали дальше. Нам очень хотелось, чтобы мы как можно дальше уехали от развилки на север. Каждое замедление скорости машины мы воспринимали, как скорую остановку и молили Бога, чтобы её не было. Но вот впереди показались какие-то постройки. Машина доехала до съезда с дороги и остановилась.

«Ну, вот ребята, вы приехали. Дальше поезд не пойдёт. Мы поедem обратно» - сказал капитан – «Вам идти по этой дороге прямо, никуда не сворачивая. Через километров двадцать восемь будет пригород Чарджоу. Всё, что я мог для вас, я сделал. Подвёз вас на 20 километров дальше».

Как нам не хотелось, но пришлось выходить из машины, забрав все свои вещи. Машина съехала с дороги, развернулась и поехала назад. А мы остались одни среди тёмно-коричневых такыров.



Фото № 10. Ночёвка в пустыне Каракумы. 30 августа 1968 года.

Проводив уезжавшую машину взглядом, мы пошли к саманным домикам набрать воды. Но каково было наше разочарование, когда мы увидели, что в этом кишлаке никто не живёт. Саманные домики были разрушены с обвалившимися крышами.

Было ясно, что попутную машину нам здесь не дожидаться. Надо идти пешком. И чем больше мы сегодня пройдем, тем меньше нам останется идти завтра.

Было уже почти 5 часов вечера. Жара понемногу стала спадать. Но всё равно после первых километров нашего пути, пот лился с нас ручьями. Сильно хотелось пить. А у нас с собой была только одна пол-литровая бутылка воды.

Мы её берегли, как зеницу ока. Случись что, нас здесь никто не найдёт, да и искать не будет. Жажда давила на психику. Хотелось есть, попить воды и ничего не делать. То, что мы сегодня ничего не ели, напрочь забылось. Хотелось пить. Но мы шли и шли. Никаких километровых столбов возле бетонки не было. Понятие времени и расстояний для нас перестало существовать. Мы только упорно шли и шли. Когда уже совсем становилось невмочь, тогда делали короткий привал. Но после того, как сел на рюкзак отдохнуть, заставить себя подняться и снова пойти, стоило нечеловеческих усилий.

Солнце уже было на закате. Мы даже не смотрели по сторонам и не любовались его кровавым заревом. Мы тупо смотрели себе под ноги и шли всё дальше и дальше. Пот из нас уже весь вытек. Губы пересохли и потрескались до такой степени, что даже говорить было больно.

Решили сделать очередной привал. Сняли рюкзаки, сели на них и уже не в силах были идти дальше. Решили заночевать возле дорожной насыпи. Место для ночлега не выбирали. Было всё равно, где расстелить брезент. Не в силах держаться на ногах, я сел на землю и тут же вскочил, как ужаленный. От усталости я совсем потерял бдительность. Сел прямо на верблюжью колючку. Острые длинные иглы впились в мой зад. Концы колючек сухие и легко ломаются. Поэтому из моих брюк торчало несколько десятков обломанных колючек. Увидев, что со мной случилось ребята, забыв про невероятную усталость, смеялись от души. Совместными усилиями мы освободили мой зад от колючек. Теперь уже все смотрели, где стелить свой брезент. Хорошо, что верблюжья колючка росла не сплошным ковром.

Устроившись на ночлег, мы выпили по три глотка воды и легли спать. В этот раз нам было не до звёзд и не до прикрас природы. От переполнявшей нас усталости мы уснули мгновенно.

Я проснулся от какой-то духоты. Мне трудно было дышать. У меня всё пересохло во рту. Открыв глаза, я увидел перед собой полузасыпанный песком кустик верблюжьей колючки. Её мелкие зелёные листочки и длинные серые иголки. Небольшой ветерок гнал отдельные песчинки, и они взбирались на песочный бугор, а затем медленно ссыпались с него крохотной лавиной. Солнце уже поднялось над горизонтом, но жары пока не было. Наоборот, чувствовалась прохлада. И даже небольшой озноб содрогал тело.

Я разбудил ребят. Они тяжело вставали. Идти никому не хотелось. Но нужда заставляла. Мы не могли даже приблизительно оценить, сколько километров мы прошли вчера. Утешали себя тем, что прошли много, а значит до Чарджоу осталось недалеко. Эта мысль толкала нас допить оставшуюся у нас воду. Что мы и сделали. Никто из нас не напился, но хоть смочил горло.

Надо было идти, пока ещё не так жарко. Но ноги совершенно не шли. Всё тело ныло от усталости. Однако, после первых двух километров, мы, как говорится, втянулись в ритм. От выпитой воды (полстакана) полил пот. Казалось бы, уже и влаги не осталось в нас, и откуда ему взяться? Наши рубахи

сидели на нас панцирем. Просолены насквозь, того и гляди сломаются, как яичная скорлупа.

Шли уже часа три. Солнце начало жарить. От него никуда не спрячешься. Я шел и тупо глядел себе под ноги. И, тем не менее, не заметил, как бетонка сменилась асфальтом. В воспалённом мозгу шевельнулась мысль, мол, если асфальт, то Чарджоу близко. И действительно, через километр впереди стало видно какую-то зелёную полосу. В душе появилась надежда утолить нестерпимую жажду. Даже шаг стал уверенней и «ширше». Скоро справа стало видно насыпь железнодорожного полотна, а впереди шоссе-трасса. Ребята сразу «пошли в галоп». Я не поспевал за ними. Плёлся и удивлялся: откуда это сила у них взялась?

Наша дорога вливалась в магистральную автотрассу. Но ни одной машины на этой трассе не было видно. Мало того, и ребят на ней я не увидел. По другую сторону дороги, на обочине, стояли только их рюкзаки. Подойдя ближе, я увидел возле шоссе-трассы насыпь широкий арык, заросший камышом. В прогалке между камышами лежали ребята, окунувшись головой в арык, и жадно ладонями пили воду. Недолго думая, я тоже скинул рюкзак и бросился к этому арыку. Но стоило мне только подойти к камышам, как зыбкий песок, устилавший дно арыка, стал засасывать меня в свою зыбь. Я еле выбрался оттуда. Только там, где лежали ребята, был подход к арыку. В других местах, где рос камыш, песчаный берег был зыбкий, как трясина.

Я припал к воде, там, где лежали ребята. Опустил голову в воду и сделал глоток. Ощутил прохладу и вместе с тем почувствовал, что весь рот у меня набит песком. Приподняв голову, я увидел мутный поток, несущий мелкую песчаную взвесь. Но пить так хотелось, что мы жадно пили эту мутную воду и то и дело выплёвывали изо рта песок. В тот момент у нас и мысли не возникло, что эта вода грязная. Мы пили и пили. Затем мочили голову и снова пили. Напившись до отвала, мы выстирали свои рубашки. Залезть в воду мы не решились. Побоялись утонуть в зыбком песке.

Позже, когда я набрал в бутылку воды из арыка, то увидел, что четверть бутылки составлял песчаный осадок. Но мы были счастливы, что напились воды из арыка.

Идти дальше не хотелось. Мы сели у обочины и стали ждать попутку. Но ни одной машины мы не видели. Стояла нестерпимая жара. Мы то и дело спускались к арыку и мочили голову. Затем сидели на рюкзаках и ждали попутку. Солнце висело в зените. Вокруг стояла звенящая тишина. И этот звон подчёркивался дрожащим воздухом над раскалённым асфальтом. Время всё шло и шло. Ни одной машины на дороге. Никто не едет в полуденный зной по пустыне.

Но вот на горизонте появилась машина. Грузовик мчался на громадной скорости и всё ближе и ближе приближался к нам. Остановит или нет? Он же видит нас, стоящих в пустыне под палящим солнцем. Неужели не остановит? Не пожалеет нас? Машина уже близко. Сквозь ветровое стекло, мы увидели тубетейку. Это узбек. Он не остановит. Видит, что русские. Знает, что на нас

не заработаешь. Машина проносится мимо. Шофёр - узбек даже не посмотрел в нашу сторону. А ведь ехал один в кабине.

Мы опять сидели на рюкзаках и ждали. Было уже около двух часов дня. Самое пекло. Мы уж думали снова идти пешком. И тут снова на горизонте появилась грузовая машина. В нетерпении ждём. Машина всё ближе. Шофёр замедлил ход. Неужели остановится? В ветровом стекле курчавая белобрысая голова. Наш - русский парень. Слава Богу! Машина остановилась. Шофёр открыл дверь кабины и спросил, куда нас подбросить. Мы сказали, что куда сможете, нам надо в Бухару. Парень улыбнулся и сказал, что до Бухары он не едет, а вот до посёлка Сандаклы подбросить сможет. Мы с радостью согласились прокатиться до Сандаклы. Я, как казначей, сел в кабину, а ребята полезли в кузов. Деньги были у меня и мне расплачиваться за дорогу. В очень стеснённых финансовых обстоятельствах расплачиваться всегда трудно. С тебя требуют десятку («чирик»), а ты можешь дать только трояк. И всю ругань шофёра ты принимаешь на себя. Поверьте – весьма неприятная миссия. Но в данном случае шофёр был русский парень и я уверен был, что с ним договорюсь.

Кстати, чтобы были понятны тогдашние расценки, поясню. В те времена советское такси по всему СССР имело официальный тариф: 10 копеек за километр. То есть за 100 километров дороги официальная плата была 10 рублей. Правда, часто таксисты сами завышали тарифы. Стоимость билетов в автобусе в черте города была 5 копеек, независимо от расстояния. Зато в междугородних автобусах тариф устанавливала местная власть. Часто бывало, что за 100 километров приходилось платить до 3 рублей. При этом средняя зарплата советских тружеников тогда составляла 100 рублей. Но из этих денег каждый работающий платил налоги. В результате на руки советский человек получал 80-85 рублей в месяц.

Итак, мы въезжаем в старинный город Туркмении - Чарджоу. Ничего особенного. Маленький провинциальный городишко, правда, очень зелёный. Амударья поит и кормит местных жителей. Кругом арыки, бахчи, плодовые деревья, садики. Каждый маленький домишко имеет свой приусадебный участок с огородом и садиком. Окраина города – сплошные саманные домики, часто с дувалами. Центр – одноэтажные, редко двухэтажные дома. От древних средневековых строений ни осталось и следа.

А ведь Чарджоу расположен на Великом Шёлковом пути из Китая через Центральную Азию к Средиземному морю. Ещё в III веке здесь была переправа через реку Амударью. На этой переправе стоял город-крепость Амуль. Здесь сходились торговые пути из Европы в Иран и Индию. Амуль входил в состав Кушмирского рабовладельческого государства. В XI веке сельджукские туркмены полностью покорили Центральную Азию. Амуль тогда переходит в подчинение туркменского царя Чагры-бека. В 1221 году Амуль противостоит звериным полчищам Чингисхана. За оказанное сопротивление город сравнивают с землёй. Уцелевших жителей убивают или пленят. 300 лет город лежит в развалинах. В 1511 году знаменитый восточный полководец и поэт

Бабур шёл со своим войском в поход и стал переправляться через Амударью возле развалин города Амуль. Его войско отдыхает возле четырёх арыков. Бабур слагает стихи об этом красивом месте возле четырёх арыков. Он назвал это место Чахарджуй, что значит четыре русла. На этом месте появляется новый город под названием Чарджоу. Переименованное Чахарджуй. С XVI века Чарджоу входит в состав бухарского ханства. И только в 1877 году подпадает под протекторат России. Вот такая богатая история у этого замечательного города. И что мы видим сейчас? Убогие постройки, большая часть из которых - советские бараки.

Проехали Чарджоу и въехали на мост через Амударью. Мы снова переехали с левого её берега на правый. И вот уже подъезжаем к границе между Туркменией и Узбекистаном. Граница, конечно, тогда была ничем не отмечена. Шофёр остановил машину и сказал, что приехали в Сандаклы. Я виновато стал говорить, что мол, у нас с деньгами плохо. Вот есть 50 копеек. К моему удивлению шофёр сказал, что не надо ему никаких денег. Мол, что тут ехать – всего 25 километров. Я, довольный, распрощался с шофёром и вылез из кабины. Шофёр показал нам, как выйти на трассу, сел в машину и поехал по своим делам.

Саманные домики посёлка тянулись целый километр. Но вот мы вышли на трассу. Опять жара и ни одной машины. Прошли по трассе с километр, подальше от саманных построек. Шоссе здесь шло сквозь пески Кызылкум. Река Амударья разделяла две эти великие пустыни. Такой же ярко-жёлтый песок, белёсое небо, звенящая жара и никого вокруг.

Сидим час, ещё сидим полчаса и тут видим, идёт машина в сторону Чарджоу. Нам туда не надо, но в нас поселяется надежда: всё-таки здесь ходят машины, глядишь и подберут. Ещё через полчаса едет большая машина МАЗ. За рулём узбек в тюбетейке. Останавливается. Куда спрашивает. Говорю в Бухару. Деньги спрашивает есть? Я говорю, что есть немного. Шофёр говорит, мол, садитесь в кабину, как в такси повезу. Кабина у МАЗа большая. Три человека свободно вмещаются. Мы влезли, ужались, чтобы не мешать шофёру. Рюкзаки поставили себе под ноги. До Бухары ехать километров 70.

Едем сквозь пески. Ни одной встречной машины. Так что нам крепко повезло, что шофёр-узбек остановился. И вот впереди зелёная полоска реки подходит к самой дороге. Спросили у шофёра, что это за река? Он сказал, что это Зеравшан. Река заросла камышом, течёт бурно. Удивительно, но тогда река Зеравшан ещё текла в тех местах. Но уже в начале 1980-х её воды растащат по арыкам и каналам на орошение полей и огородов. И её русло едва доходило до Самарканда.

От монотонного рокота мотора клонило в сон. Мы уже начали смыкать глаза. Но скоро пейзаж за окном автомобиля резко изменился. Пески отступили и их сменили ровные квадратики арыков, внутри которых росли зелёные деревья, бахчи с арбузами и дынями. Вдоль дороги стали попадаться отдельные саманные домики. Их становилось всё больше и больше и вот мы въехали в легендарный город-музей Бухару.

Володя Горбунов вдруг неожиданно оживился, потёр ладони и громко сказал:

«Ну, а теперь мы пойдём в столовую!»

Эта фраза здесь была совершенно неуместна. Наступал час расплаты, и я хотел изобразить нас несчастными, безденежными, такими бедными, что не на что даже поесть. А он тут радостно восклицает, что сейчас пойдём деньги тратить на еду в столовой. Услышав эти его слова, я ткнул Володьку локтём в бок, мол, не болтай лишнего. Он, видимо, понял намёк и прикусил язык.

Шофёр выехал на узкую улочку, утопающую в зелени фруктовых деревьев и остановил машину. Обращаясь к нам, он вежливо сказал:

«Ну вот, приехали. С вас 5 рублей».

Я сказал, что сейчас и подтолкнул ребят, чтобы выходили. Ребята с удивлением посмотрели на меня. Мол, неужели отдаст 5 рублей за 70 километров?

В след за ребятами и я вылез из кабины, подошёл к шофёру, протягиваю ему рубль и говорю жалобным голосом, что вот это всё, что у нас есть. Шофёр сначала не понял, но осознав, что я вместо пятёрки подаю ему рубль, скривил своё лицо и ненавистными глазами впился мне в физиономию. В эту же секунду он разразился таким матом, что любой русский мужик бы заслушался. Я стоял с протянутым рублём, а он поливал меня отборным матом. У меня уже устала рука держать рубль, и я сделал движение, чтобы убрать рубль в свой карман. Поняв это, узбек вырвал из моей ладони рубль, спрятал его себе в карман, ещё раз посмотрел на меня зверским взглядом и сев в машину захлопнул за собой дверь. Я пошёл к ребятам, а шофёр, показав мне кулак, поехал прочь.

Ребята, наблюдавшие эту сцену расплаты, думали, что сейчас будет драка, и удивились мирному завершению этой разборки.

По маленькой улочке, утопающей в зелени, мы вышли на просторный проспект, обрамлённый высокими платанами. И прямо перед нами из-за поворота «выросло» огромное средневековое сооружение с высокой стеной и арочными воротами с двумя башнями (фото № 4). Всё это сооружение напоминало крепость с угловыми парадными воротами. Мы подошли к этим закрытым воротам. Ни одного человека поблизости не было. Не у кого было спросить, что это за сооружение. Но на закрытой двери висела табличка. Надпись на ней гласила, что это крепость-музей Арк. Музей работал с 10 до 16 часов. Выходной день понедельник. Вход в музей 30 коп.

Позже я узнал, что Арк – это резиденция царей династии Аштарханидов, построенная в XVII веке. Высокие 16-ти метровые стены в периметре 800 метров, скрывали от простолюдинов дворцы эмира и царствующих вельмож. Крепость Арк была построена на развалинах старого города Бухара. Возраст этого старого города определяется полутора тысячелетиями. В 1220 году звериные полчища Чингисхана превратили процветающий тысячелетний город в руины. И только через 300 лет Бухара оправилась после нашествия диких варваров. Бухара в средние века стала наряду с Самаркандом центром

культуры, науки и искусства. В этом городе жили выдающиеся люди: Рудаки, Фирдоуси, Авиценна, Аль-Фараби, Омар Хайам. Бухара со времён средневековья прожила в красоте и блеске до 1920 года. Ровно 700 лет. Пока не пришли новые большевистские экстремисты. Во время Гражданской войны Красная армия под командованием М.В.Фрунзе вела здесь боевые действия. По приказу Ленина и Троцкого город-музей Бухара подвергся жесточайшей бомбардировке. Дворцовый комплекс Арк превратился в руины. Последний эмир Бухары Сейид Алим-хан (1880-1944) успел бежать за границу. Никакой необходимости бомбить Бухару не было. Но её разбомбили, так же, как и другие исторические города царской России.

Мы шли вдоль высокой стены крепости Арк. Я заметил, что стена во многих местах подновлена, реставрирована. Большие участки стены выложены новым кирпичом. Но вот пошли участки с разбитой стеной. А далее весь угол крепостной стены стоял в руинах. Сквозь эти проломы в стене просматривалось хаотическое нагромождение камней и внутри крепости. До этих развалин у реставраторов ещё не дошли руки.

Уже вечерело. Было около 18 часов. Надо было спешить в столовую. Мы не ели уже двое суток. Хоть бы один человек попался нам на пути, чтобы спросить у него, где здесь столовая. Мы шли по совершенно пустой улице возле развалин средневековой стены. И тут из-за угла к нам навстречу идут две фигуры, все затянутые в белую паранджу. Это для меня было неожиданное зрелище. Во-первых, я никогда в жизни не видел женщин в белой парандже. Во-вторых, в закатных лучах древние развалины смотрелись очень эффектно, и на их красном фоне увидеть средневековый наряд мусульман было экзотично.

Мы полностью окунулись в средневековье, будто перелетели туда на машине времени. Спрашивать у ортодоксальных мусульманок, где здесь столовая, мы не решились. Но как только мы сами повернули за угол, так услышали звуки ритмичной мусульманской музыки, раздававшейся от небольшой базарной площади. Мы направились туда. Там и была столовая, но она уже закрылась. Да и рынок уже закрывался. А есть нам страшно хотелось. Тогда мы пошли на рынок и, не торгуясь, купили 6 килограмм помидор за 15 копеек. По 2,5 копейки за кг. Конечно, можно было сторговаться и дешевле, но и это были совсем небольшие деньги. Затем мы купили в ларьке килограммовый батон серого хлеба, кажется за 12 копеек, сели на скамеечку и стали всё это есть, предварительно помыв томаты. Возле нас проходили узбеки и косились в нашу сторону. Но мы никого не замечали. Мы ели в своё удовольствие. Как же мы проголодались за двое суток!

Съев всё до крошки, мы перекурили и стали думать, что нам делать дальше. Дальнейший наш путь лежал на Самарканд. Оттуда на Ташкент – Чимкент – Ленгер. От Бухары до Ташкента почти 600 километров. Сможем ли мы преодолеть это расстояние за сутки или двое? Сегодня 30 августа был последний рабочий день недели. На руднике Ленгер геологи начнут работать только 2 сентября. У нас ещё есть время. Я очень хотел посмотреть достопримечательности Самарканда. Я много о нём читал, видел

очаровательные фотографии, и теперь мне не терпелось увидеть его воочию. Но для начала надо до него добраться.

В ночное время лучше всего перемещаться по железной дороге. Ночь - время движения товарных поездов. И можно бесплатно проехаться, сев на правильный поезд. И оставаясь бдительным, не так, как было двое суток назад. От того, что мы по-мальчишески расслабились, пришлось потерять сутки. Хорошо - лишь сутки. Мы могли бы уже сегодня быть в Ленгере. Ну, и тут есть своя положительная сторона. Теперь есть время побывать в Самарканде.

Согласно нашему атласу железных дорог, Бухара стоит в стороне от Среднеазиатской железнодорожной магистрали. Как мы узнали у местных жителей, чтобы попасть на железную дорогу, надо доехать на автобусе до станции Коган. Автобус отходит от базарной площади.

Мы подошли к остановке автобуса. Народу было немного. Пришёл автобус очень быстро. Мы разместились в нём со своими рюкзаками. Заплатили за билет по 10 копеек с человека. На наши рюкзаки кондуктор даже не обратил внимания. Тут все едут с огромными баулами.

Приехали на вокзал. Пошли смотреть расписание поездов и стоимость билетов. Поезда до Ташкента ходили раз в сутки. Но стоимость одного билета даже в общем вагоне 16 рублей. А у нас в наличии всего на троих 25 рублей с копейками. На эти деньги не разбежишься. Мы решили узнать, идёт ли сегодня какой-либо товарняк в сторону Самарканда. А как узнаешь? Кто тебе скажет?

Мы пошли на перрон, сели на скамейку и смотрим по сторонам, вдруг пойдёт какой-нибудь разговорчивый обходчик. Никого. Прошлись по перрону. И тут, неподалёку, увидели работающую на путях женскую бригаду железнодорожниц. Голоса вроде бы русские оттуда доносятся. Решили заслать к ним нашего человека, специалиста по обольщению женского пола. Среди нас был единственный специалист в этих вопросах – Володька Горбунов.

Поэтому мы сели на скамейку, а Володя налегке пошёл к работающим женщинам. Мы издали видели, как он подошёл к ним. Что-то у них спросил. Они нехотя ответили. Затем Володя стал что-то говорить, жестикулируя руками. Женщины бросили работу, и подошли к нему. Со стороны было видно, что в разговоре участвуют все четыре женщины. Разговаривали они долго и тут по громкоговорителю объявили, что на восьмой подаётся двадцать шестой. Женщины, услышав это, нехотя продолжили работать. Только одна осталась болтать с Володькой. Но скоро и она включилась в работу, а Володька пошёл к нам. Я обратил внимание, женщины посматривали, куда он отправился.

Скоро Володька подошёл к нам и сказал, что всё разузнал. Одна девица даже адрес свой ему дала. Но нас интересовал товарняк. Оказалось, что через два часа до Самарканда пойдёт целый состав с нефтяными цистернами. Но остановится ли этот состав на станции Коган, женщины не знают. А мы не знали, будут ли тормозные площадки на вагонах с цистернами? Может быть, среди цистерн будут и обычные вагоны? Но всё это выяснится, только когда подойдёт этот товарный состав.

Время подходило к 20 часам. Уже стемнело. Женщины объяснили, что состав пойдёт по второму или третьему пути. Мы выдвинулись к рельсам. Подошли к фонарному столбу. Здесь, в круге света, сели на свои рюкзаки и стали ждать товарняк, напряжённо всматриваясь в крошечную темноту. Никакого подвижного состава пока не было. Только один маневровый тепловоз пробежал по рельсам сначала в одну, а затем в другую сторону. И опять всё погрузилось в темень. Но вот вдалеке блеснул луч прожектора и послышался звук приближающегося состава. Луч света, как лазер резал темноту, становясь всё ярче и ярче. От ночного холода и напряжения нас немного знобило. Каждый из нас, всматриваясь в приближающийся состав, гадал: остановится поезд или пролетит мимо. Мы уже готовы были запрыгнуть в него на ходу. Луч прожектора светил мимо нас. Казалось, что состав стоит на месте и только дразнит нас своим присутствием. Однако он всё ближе и ближе подходил к нам, замедлив скорость.

«Неужели не остановится?» - думали мы.

И вот тепловоз, тяжело пыхтя, поравнялся с нами. Прожектор перестал нас слепить, и мы увидели большие, перепачканные нефтью цистерны. Они ползли возле нас на медленной скорости. Мы внимательно осматривали каждую из них, ища тормозную площадку, куда можно было запрыгнуть и там разместиться. Но ужас, состав состоял из одних цистерн, заполненных нефтью. Там нет тормозных площадок. И, вдруг мы увидели одну цистерну с маленьким обитым досками тамбуром. Малюсенький тамбур с закрытой деревянной дверью. Это было очень неожиданно, будто подарок нам. Андрей дёрнулся, хотел вскочить на подножку этого странного тамбура, но не успел. Вагон-цистерна прокатилась мимо. Мы успели только проводить её взглядом. Но тут, когда последняя цистерна поравнялась с нами, послышался сильный скрип тормозных колодок, лязг сцепок и состав стал останавливаться. Мы опрометью помчались к той странной цистерне с деревянным тамбуром. Состав полностью остановился, когда Андрей вскочил на подножку тамбура и дёрнул за дверную ручку. Дверь открылась, и он быстро вскарабкался внутрь тамбура. Мы последовали за ним. Тамбур был настолько тесный, что мы могли только там стоять, не снимая рюкзаков. Дверь тамбура закрывалась на внутренний засов. Мы закрыли дверь и стали как-то устраиваться в таком узком пространстве. Тамбур был шириной всего в полметра и шириной полтора. Мы сняли рюкзаки и хотели сесть на них. Но ноги некуда девать. Колени не давали опустить ноги вниз. Тогда мы с Андреем сели на рюкзаки спиной к двери. Благо двери закрывались изнутри, а то можно было вывалиться на ходу. Володька втиснулся в маленький промежуток между нами.

Поезд тронулся. Нас начало раскачивать, так, что мы постоянно бились ногами друг о друга. Кроме этого, ветер свистал во все щели тамбура. Было очень зябко. Мы дремали и пытались заснуть. Но от неудобного положения постоянно просыпались. Крошечная темнота и невероятная теснота сопровождали наше путешествие. Но, несмотря на это, мы заснули. Поезд часто останавливался на всех маленьких станциях и разъездах. Каждый резкий

толчок поезда будил нас. Мы просыпались и снова засыпали. Казалось, этому не будет конца.

Мы уже потеряли счёт времени. И тут нас разбудил резкий стук в дверь тамбура. Ломились в дверь, которую я подпирал спиной. Первые секунды я не мог сообразить, где я. Затем я попытался встать, наступив на Володьку. Развернувшись, я открыл дверь тамбура, едва не вывалившись наружу. В этот миг яркий свет фонаря впился в моё лицо. Я невольно зажмурил глаза и загородился от света. Грубый хриплый голос спросил громко:

«А вы как сюда попали? Давайте вылезайте отсюда скорей, а то наряд вызову».

Мы медленно поднялись и спрыгнули в темноту. При свете фонаря мы увидели перед собой пожилого человека в железнодорожной форме и стоящего рядом с ним солдата с карабином за спиной.

Железнодорожник спросил нас тем же хриплым, но уже дружелюбным голосом, мол, откуда мы и зачем мы здесь. Мы ответили, что едем в Самарканд. А сами мы геологи.

«Вот оно что» - проговорил железнодорожник – «Значит, на службе находитесь? Как и мы».

Железнодорожник объяснил нам, что этот состав сейчас пойдёт на сортировку, а через час сюда придёт «порожняк» до Катакурмана. Вот на нём можно доехать до узловой станции Катакурман. Но только надо не пропустить Катакурман, так, как «порожняк» тоже отправится на сортировку. От Катакурмана рано утром пойдёт пассажирский поезд до Самарканда. Мы спросили, где мы сейчас находимся. Нам ответили, что мы приехали на станцию Зиадин, где пассажирские поезда не останавливаются.

Нам ничего не оставалось, как надеть свои рюкзаки и пойти внутрь маленького вокзала, больше похожего на сарай. Там была всего одна скамейка и никого народа. Горела всего одна тусклая лампочка, но было тепло. Лавочка вмещала только двух человек. Андрей сел на свой рюкзак, а мы с Володькой заняли лавочку. Так мы, молча, сидели и скоро стали дремать. Андрей сказал, что он покараулит поезд и разбудит нас через час.

Мы с Володькой мигом уснули. Но только разоспались, как нас разбудил Андрей. Нам показалось, что прошло всего пять минут, а, оказывается, пролетел целый час. Пришлось подниматься и выходить из тёплого помещения.

Лёгкий морозец быстро вывел нас из полудрёмы. Было всего лишь четыре часа утра. Мы стояли на платформе в полном одиночестве. Чтобы окончательно не замёрзнуть, мы стали подпрыгивать на месте и толкать друг друга. Но вот из темноты вырвался яркий луч света. Это приближался наш «порожняк». Ещё задолго до станции он снизил скорость и медленно-медленно подползал к нам. В составе поезда почти все вагоны были с тормозными площадками. Мы сели в середину состава на открытую тормозную площадку. Она была не очень просторная, без дверей, но хоть не было такой тесноты, как в тамбуре возле цистерны. Да и ехать до Катакурмана

было недалеко, всего около 40 километров. Основную часть пути от Бухары до Самарканда мы уже проехали за ночь.

Но эти 35 километров мы ехали около двух часов. На открытой площадке мы сильно продрогли. Пришлось доставать из рюкзаков одеяла и укрываться ими. По атласу железных дорог мы отслеживали наш маршрут. Нам очень не хотелось проехать станцию Катакурган и оказаться в местах, откуда опять долго придётся выбираться. В этот раз за правильностью маршрута следил я. Почти на каждой остановке поезда я высовывался с тормозной площадки и читал названия станций и полустанков. И, тем не менее, станцию Катакурган мы проехали. Поезд не остановился там, а проехал на сортировочную площадку, которая находилась в километрах двух от железнодорожной станции. Пришлось возвращаться по рельсам обратно.

Уже забрезжил рассвет, когда мы подошли к зданию вокзала Катакурган. Зашли в вокзал. В совершенно пустом зале ожидания на скамейке спал один единственный старик. В халате, в мягких сапогах, подложив под голову свой баул. Тюбетейка сползла у него на глаза, обнажив густые седые волосы.

Стараясь не будить спящего старика, мы посмотрели расписание поездов. Оказалось, что пассажирский поезд до Самарканда отправлялся в 9 часов утра местного времени. Билетная касса была закрыта. Возле кассы на стене висела табличка с тарифной стоимостью на билеты. До Самарканда билет в общем вагоне стоил 80 копеек. Мы решили купить билеты на поезд, чем опять мотаться по товарнякам. Благо, билеты были недорогие.

До отхода поезда было ещё два с половиной часа. Мы устроились на скамеечках. Но только вздремнули, пришёл автобус, и вокзал стал наполняться людьми. В кассу выстроилась очередь. Мы тоже, как и старый узбек, которого разбудила толпа, подошли к кассе. Скоро пришла кассир и стала продавать билеты.

Поезд задержался всего лишь на полчаса. Народу на поезд, к нашему удивлению, было много. Была суббота – базарный день. Узбеки со своими мешками, набитыми овощами и фруктами ринулись занимать места в общих вагонах. Мы тоже ринулись с ними вместе. На удивление вагоны были полупустыми, и мест хватило всем. Мы вместе с рюкзаками забрались на третьи полки. Мешочники держали свои баулы рядом с собой, и редко кто пытался их закинуть на третью полку. Мы же лежали наверху и засыпали под разговоры узбекских дехкан.

Прошло две недели нашего маршрута по югу СССР. Мы уже втянулись в тяготы кочевой жизни. От нас в музей пошли первые посылки с образцами. Мы проехали всю Туркмению. Побывали в самом центре пустыни Каракумы, посетили уникальный природный геологический заповедник Султауиздаг. «Дуриком» очутились на советско-иранской границе, удачно избежав ареста. Проехали всю пустыню Кызылкум. И это всё уже было позади. А впереди был Казахстан со своими многочисленными месторождениями, необъятные просторы Восточной Сибири с красавцем Байкалом и Забайкальские степи с Шерловой горой и прочей экзотикой. Все минералогические находки только

ожидают нас. Все наши походные житейские трудности ещё впереди, с множеством бессонных ночей, вокзальной суетой, попытками поймать попутную машину или сесть в попутный товарный состав. Но самое удивительное то, что мы сами себе выбрали такую суматошную жизнь, полную бытовых лишений, но зато наполненную романтикой странствий. Мы с широко открытыми глазами смотрели на нашу Землю, её геологическую историю, на девственную природу, которая постоянно уничтожается человеком. За время нашей поездки по стране советов, мы встречали на своём пути людей добрых и отзывчивых, а так же злых и корыстных. Мы находили понимание и постоянно получали помощь от людей, близких нам по духу. Нам посчастливилось увидеть и на себе почувствовать прелесть геологического братства. Гордость за свою альма-матер. Увидеть истинную преданность своей геологической профессии. Наша жизнь в геологии только начиналась и эта Великая поездка по месторождениям юга страны дала нам богатый опыт в умении общаться с людьми, и обогатила нашу геологическую эрудицию.

Страшнов М. М. (Старший)
Москва – Ожерелье 2011 г.